

Bankro.TECH

ISBN 978-5-6042642-6-3

www.izdanieknig.com

описание книги

на сайте издательства

 Издание книг.КОМ

Платформа продвижения писателей

 / izdanieknig

Подписывайтесь в социальных сетях

А.Х. Гольмстен

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
РУССКОГО КОНКУРСНОГО ПРОЦЕССА

А.Х. Гольмстен

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РУССКОГО КОНКУРСНОГО ПРОЦЕССА

Bankro.TECH

А.Х. Гольмстен

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК
РУССКОГО
КОНКУРСНОГО
ПРОЦЕССА**

Москва
2019

УДК 334(091)+346.26(091)
ББК 65.9(2Рос)09+67.404.1
Г636

Гольмстен А. Х.

Г636 Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. 2-е издание.— М.: «Издание книг ком», 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-6042642-6-3

Книга известного дореволюционного российского юриста А. Х. Гольмстена — это исследование истории банкротства в России с древнейших времен до конца XIX века. С момента первого и единственного издания книги прошло 130 лет, но она по-прежнему сохраняет актуальность в условиях отсутствия фундаментальных современных работ на эту тему.

Особое внимание автор уделяет XVIII веку, когда в России впервые была осознана необходимость создания своего банкротного законодательства. В книге подробно описана разработка первого устава о банкротстве, на которую потребовалось шестьдесят лет; приведена загадочная история подписанного императрицей устава, который тем не менее в силу так и не вступил. Многие проблемы, исследованные автором на историческом материале (виды банкротства, очередность платежей, порядок управления в конкурсе), все еще не имеют однозначного решения. Поэтому книга не только ценна с исторической точки зрения, но и способна помочь при выработке практических законодательных решений. Книгу можно рекомендовать практикующим юристам, студентам правовых специальностей, а также всем, интересующимся историей российского права и института несостоятельности (банкротства).

УДК 334(091)+346.26(091)
ББК 65.9(2Рос)09+67.404.1

© ООО «Издание книг ком»,
о-макет, 2019

ISBN 978-5-6042642-6-3

Предисловие

В настоящее время можно встретить немало работ, посвященных исследованию проблем несостоятельности (банкротства), в том числе работ, содержащих анализ судебной практики, комментарии законодательства. Вместе с тем вряд ли подлежит сомнению тезис о том, что практика невозможна без теории, поскольку самые сложные практические проблемы разрешаются на основе глубокого знания научных концепций, взглядов и подходов.

Следует признать, что современное познание института несостоятельности (банкротства) не отличается системностью в вопросах эволюции этого института и соответствующих теоретических воззрений. Практически отсутствуют работы, посвященные глубокому комплексному историко-правовому исследованию данного института. Вот почему мы все чаще и чаще с благодарностью обращаемся к нашему интеллектуальному наследию, представленному нетленными трудами Г. Ф. Шершеневича, А. Х. Гольмстена, К. И. Малышева, М. Ф. Владимирского-Буданова и др.

Книга, которую вы держите в руках, является уникальным изданием. Несмотря на то, что она была издана уже 130 лет назад, мы до сих пор отмечаем ее актуальность, поскольку она содержит ответы на многие современные вопросы теоретического и практического характера. Она относится к тем трудам, которые не под-

властны времени, политическим, правовым и экономическим веяниям.

Хотелось бы обратить внимание читателей на комплексный характер данной работы, отражающий особенности отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством), в которой детально анализируются проблемы как материального, так и процессуального права. Деление на частное и публичное не характерно для рассматриваемых отношений, как, впрочем, и для всех современных вопросов, касающихся правового регулирования предпринимательства, рынка. В этом также проявляется своеобразная связь, преемственность взглядов, подходов современных и дореволюционных исследователей проблем несостоятельности (банкротства).

Дорогие читатели! Надеюсь, что знакомство с данным изданием позволит вам более глубоко заглянуть в тайны института несостоятельности (банкротства)!

*С.А. Карелина, д.ю.н., профессор кафедры
предпринимательского права юридического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
руководитель магистерской программы
«Правовое регулирование несостоятельности
(банкротства)»*

* * *

Передо мной сейчас стоит непростая задача — буквально в нескольких словах дать читателю представление о труде, в который ему предстоит погрузиться.

«Исторический очерк русского конкурсного процесса» А.Х. Гольмстена является одним из самых цитируемых дореволюционных трудов об истории российского конкурсного права, на него часто ссылаются авторы

современных научных работ. Уже одно это заслуживает того, чтобы «Очерк...» в удобной для чтения форме был представлен специалистам в области несостоятельности. Научным работникам, специализирующимся на проблемах банкротства, этот труд следует рекомендовать к обязательному изучению.

Отмечу, что по сравнению с некоторыми другими дореволюционными работами в этой области предлагаемый труд не отличается простотой изложения материала. Это не дает мне возможности с легким сердцем рекомендовать его для обязательного прочтения всем интересующимся историей банкротства, не погруженным детально в данную тему. Таким читателям ознакомление с дореволюционными трудами имело бы смысл начать, например, с «Конкурсного процесса» Г.Ф. Шершеневича, который написан в более популярном стиле.

В целом «Очерк...», несмотря на его местами чрезмерную сухость и тяжеловесность, крайне интересен с точки зрения сопоставления развития современного российского банкротного права и дореволюционного конкурсного процесса, разумеется, с поправкой на исторические и технологические реалии.

Сейчас право меняется гораздо более стремительно, чем в XVIII–XIX веках, когда конкурсный устав мог разрабатываться годами или десятилетиями. Но ряд актуальных для наших дней вопросов стоял и перед законодателями того времени. В этой связи возможность взглянуть на эти документы издали будет полезна и практикам, и теоретикам в области банкротного права.

Так, одной из наиболее обсуждаемых тем современного российского банкротного права является вопрос соотношения степени влияния интересов частных лиц и государства на процедуры банкротства, в том числе посредством судебных решений. Актуальной была эта проблема и в прошлом. Безусловно, на усиление

прав личности повлияла общая гуманизация права: смягчаются наказания личного характера, неосторожное банкротство выделяется из категории банкротства злостного и порождает самостоятельные, более легкие последствия. Но вопрос о соотношении частного и публичного влияния на процедуры был и остается крайне неоднозначным.

Также полезно проследить и изменения во времени статуса арбитражного управляющего — «куратора» в терминологии того времени. Куратор изначально являлся «должностным лицом, органом государства, действующим по поручению суда», выполнявшим общественную обязанность с практически полным отсутствием права на отказ от назначения. Впоследствии фигура куратора постепенно трансформируется в значимой степени в лицо частного права с введением достаточно комфортных условий для заявления отказа от назначения.

Обсуждение правового статуса арбитражного управляющего в современных условиях также в значительной степени связано с его определением как лица публичного или частного права. Так, Конституционный Суд Российской Федерации, начиная с Постановления № 12-П от 19 декабря 2005 года, последовательно отмечает, что арбитражный управляющий является лицом, осуществляющим публично-правовые функции, что предопределяет возможность установления для такого лица специальных, более жестких по сравнению с частными лицами подходов к регулированию профессиональной деятельности и вопросов ответственности.

Напротив, Европейский суд по правам человека в решении по делу «Котов против Российской Федерации» и вслед за этим решением Высший арбитражный суд Российской Федерации отмечали, что арбитражный управляющий является в значительной степени именно лицом частного права, оказывающим услуги.

Таким образом, заданная еще в дореволюционные времена задача не потеряла актуальности и до сего дня.

Крайне любопытным является и отношение ряда уставов к, выражаясь современным языком, малому бизнесу. Так устав 1763 года ставит «малый бизнес» в привилегированное по сравнению с крупными кредиторами положение, указывая, что «хлебникам, мясникам, пивоварам, мастеровым, работникам и тем подобным людям, кои ставили съестные припасы и нужные потребности в дом», надлежит платить «за текущий год и «по большей мере» за год перед банкротством» по причине, «что сии люди по их бедности с прочими кредиторами сравнены быть не могут, и ежели и им ровно с кредиторами, по чему на рубль достанется, платеж чинить, то могут вовсе разорены быть; к тому ж на такие платежи и невеликие суммы бывают».

В текущем регулировании приоритет в части выплат предоставляется незащищенным группам кредиторов (работники, лица, которым причинен вред жизни и здоровью), входящих в первую и вторые «очереди» кредиторов. Но современный законодатель внутри очередей кредиторов также начинает определять приоритеты, предоставляя преимущества на основе оценки социальной значимости требования (см. например, правила по застройщикам) или размера требования (удовлетворение требований работников не полностью пропорционально, а пропорционально в пределах лимитированного размера требований).

На мой личный взгляд, приоритеты, аналогичные существовавшим ранее, могли бы быть установлены для «малого бизнеса» и в современном российском праве, с тем чтобы такие кредиторы имели бóльшую вероятность получения платежей от несостоятельного должника. Для небольших компаний такие платежи имеют принципиальное значение для сохранения бизнеса, в то время как для крупных кредиторов даже значитель-

ные по сумме требования зачастую не создают существенных рисков.

Пожалуй, в предисловии на этом стоит остановиться и не пытаться пересказать весь труд на нескольких страницах.

Вместе с редактором этой книги я искренне надеюсь, что прочтение «Исторического очерка русского конкурсного процесса» А.Х. Гольмстена приведет вас к новым открытиям в сфере банкротного права и поможет более глубоко осмыслить современные проблемы регулирования несостоятельности. Желаю приятного прочтения.

*А. В. Юхнин, к.ю.н.
Москва, 2018 г.*

От редактора

Современное научное осмысление проблематики банкротства в России, к сожалению, пока не предполагает сколько-нибудь системного обращения к истории этого института. Следствием этого является отсутствие комплексных работ по истории законодательства о банкротстве в России (хотя отдельные статьи по этому вопросу время от времени появляются в научной периодике). В связи с этим, особое значение приобретает работа XIX века «Исторический очерк русского конкурсного процесса», написанная А.Х. Гольмстеном и изданная ровно 130 лет назад. Несмотря на тяжеловесность стиля и компилятивный характер ряда разделов книги (например, многостраничные перечни статей, доходящую до крайности любовь автора к перечислениям и нумерациям, подробный постатейный анализ указов, не вступивших в силу и вряд ли повлиявших на формирование практики), она не утратила актуальности и позволяет получить более широкое представление о развитии института несостоятельности в России, чем современные источники. Работы А.Х. Гольмстена по вопросам гражданского процесса переиздавались в современной России, в отличие от его трудов по проблемам банкротства. Чтобы исправить этот пробел, мы издаем «Исторический очерк русского конкурсного процесса» в современной орфографии. Стилистические особенности исходного текста оставлены неизменными. Примечания редактора в тексте выделены косыми скобками. Примечания-комментарии редактора приведены в постраничных сносках.

В связи с наличием значительного количества ссылок на Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ) представляется нелишним напомнить правила цитирования, а также указать открытый электронный источник, где можно его найти. Правила цитирования достаточно просты. ПСЗ публиковалось тремя собраниями в хроно-

логическом порядке. Собрание Первое (45 томов) было издано в 1830 году и представляло собой свод законов, начиная от Соборного уложения Алексея Михайловича до завершения правления Александра Первого (т.е. с 1649 по 1825 г.). Собрание Второе (55 томов), издававшееся с 1830 по 1885 год, охватывает период с 1825 по 1881 год (правление Николая Первого и Александра Второго). Третье собрание (33 тома) издавалось с 1885 по 1916 год и включает законодательные акты правлений Александра Третьего и Николая Второго (с 1881 по 1912 г.). В каждом из собраний нумерация актов сквозная (не зависит от тома). Поэтому при цитировании сначала указывается номер Собрания (если акт из Собрания первого, номер часто опускается), а затем номер статьи (один номер статьи соответствует одному нормативному акту, вне зависимости от его вида и размера). Ссылок на номер тома и дату его публикации в литературе XIX века, как правило, не делали¹. Доступную на момент выхода настоящего издания публикацию Полного собрания законов Российской Империи можно найти, например, на интернет-сайте www.runivers.ru (в разделе Библиотека/Собрания документов).

Ввиду утраты актуальности ссылок автора на листы архивных дел, в которых хранились проекты уставов о банкротстве, данные ссылки в настоящем издании выпущены. Авторские ссылки на вступившие в силу нормативные акты сохранены, при этом ссылки на номера статей уставов о банкротстве включены в основной текст. Ссылки на юридическую литературу сохранены и в случаях наличия современных переизданий работ обновлены.

*А. Г. Смирных, к.ю.н.
Москва, 2018 г.*

---

¹ Например, ссылка на указ Николая Первого от 28 сентября 1827 года об определении юридической судьбы принадлежащих несостоятельному должнику икон выглядит следующим образом: 2 ПСЗ. Ст. (или №) 1419.

А.Х. Гольмстен

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
РУССКОГО КОНКУРСНОГО
ПРОЦЕССА**

*Посвящается памяти
Петра Александровича Гедримовича²*

---

² П.А. Гедримович (1851–1888) — российский юрист, профессор Императорского Александровского (Царскосельского) лицея.

Предисловие

Задавшись мыслью написать историю нашего конкурсного процесса, я знал, что встречу при написании ее ряд затруднений, вызванных скудостью материала. Доступный законодательный материал заключается: для периода времени до XVIII века — в нескольких статьях Русской Правды и Уложения 1649 года, для XVIII века — в десятке указов, разрешающих на практике возникшие вопросы конкурсного процесса, и в уставе о банкротах 1740 года, а для XIX века — в банкротском уставе 1800 года, в десятке-другом указов, изданных в его дополнение и изменение, и уставе торговой несостоятельности 1832 года. О возможности создать из этого нечто цельное нечего было и думать. Нужно было обратиться к материалам, хранящимся в архивах. Оставив в стороне первый из упомянутых периодов как безнадежный в этом отношении, я остановился на XVIII веке и начал с устава о банкротах 1740 года, желая прежде всего разрешить вопрос об источниках его. Имея в виду, с одной стороны, что устав 1740 года был сочинен в Коммерц-коллегии, а, с другой, — что Коммерц-коллегия была конкурсным судом, я как для разрешения интересующего меня вопроса об источниках устава, так и в надежде найти в делах Коммерц-коллегии вообще материалы по конкурсному процессу, принялся за отыскание архива Коммерц-коллегии. Поиски мои увенчались

успехом: я нашел его в Архиве Департамента таможенных сборов Министерства финансов. Воспользовавшись открытым мне доступом в этот приведенный в образцовый порядок архив³, я, однако, нашел в нем совсем не то, что искал; хотя в нем и оказались переводы нескольких иностранных банкротских уставов, но все они относятся к позднему уже времени, дел же конкурсных, производившихся в коллегии, оказалось лишь одно, но зато я нашел в нем массу чрезвычайно драгоценных документов по истории кодификации нашего конкурсного процесса за вторую половину XVIII века, и между этими документами */находились/* пять проектов банкротского устава: 1740, 1758, 1761, 1763 и 1768 годов. Ознакомившись с их содержанием, я увидел, что эти проекты — продукт прерывавшейся лишь по временам кодификационной работы, завершившейся ныне действующим уставом 1832 года.

Все, по-видимому, клонилось к тому, что мне придется ограничиться одной историей кодификации нашего конкурсного процесса, начиная с 1740 года. Я этого не хотел. Я думаю, что мне не будет поставлено в укор, если я этой истории предположу очерк, написанный на основании хотя и скудного материала, заключающегося в древних памятниках законодательства и в Полном Собрании Законов. Пусть

---

³ Архив этот приведен в порядок начальником его, Н. И. Кайдановым, составившим три (печатных) каталога: 1) Систематический каталог делам государственной Коммерц-коллегии. 1884; 2) Систематический каталог делам Комиссии о коммерции. 1887; 3) Систематический каталог делам Сибирского приказа и др. 1888. Прим. автора.

такая история и не будет полна, — я считаю свою задачу выполненной, если мне удалось представить более или менее цельную картину исторического развития нашего конкурсного процесса, представить в научном освещении как то, что раньше уже было доступно, так и то, что извлечено мной из архива. Чего я не доделал, пусть доделают другие, — лишь бы было положено начало.

При выполнении предлагаемого «Исторического очерка» я стоял на строго юридической почве. Я конструировал конкурсный процесс как юридический институт, оперируя над цельными группами юридических норм, то как совокупности норм, выработанных законодательной практикой за данный период времени, то как норм, содержащихся в отдельных проектах и уставах, то как совокупности отдельных законов, изданных в данный период времени. Остановливаясь на той или другой из этих групп, я указываю на преемственную связь ее с предшествовавшими группами. Наконец сравнительно немного места я мог отвести описанию хода кодификационной работы.

В заключение считаю приятным долгом выразить мою глубокую признательность директору Департамента таможенных сборов Л.Ф. Тухолке, без содействия которого пользование архивным материалом, а, следовательно, и самое появление этой работы, было бы невозможно.

А. Х. Гольмстен
Санкт-Петербург,
16 октября 1888 года

Отдел первый

Конкурсный процесс до XVIII века

При историческом, как и при догматическом исследовании того или другого юридического явления прежде всего необходимо установить точные признаки его, дабы не смешать его с другими, быть может, родственными, но все-таки отличными от него явлениями. Предметом предстоящих исторических изысканий будет русский конкурсный процесс. Для того, чтобы анализ мог ограничиться исключительно конкурсным процессом, чтобы ориентироваться особенно в древних памятниках законодательства, надо указать на характернейшие черты того, что мы разумеем под конкурсным процессом.

Существо этого процесса заключается в разрешении конкуренции прав нескольких кредиторов, вызванной недостаточностью имущества должника. Следовательно, недостаточность имущества должника, иначе несостоятельность его, наличность нескольких кредиторов и известный порядок в удовлетворении этих кредиторов — вот главные, характерные признаки конкурсного процесса. К ним присоединяется ряд второстепенных или выводных признаков, например, образование массы, управление имуществом, избрание органов и т. п. Но если относительно данного явления не сохранились в источниках указания на эти второстепенные черты,

но имеются данные, из которых видно, что в данном явлении имеются все три главнейших признака, то мы можем сказать, что имеем дело с конкурсным процессом.

Если с этой точки зрения взглянуть на древнейшие памятники нашего законодательства, то надо признать, что нашему юридическому быту с давних времен знаком конкурсный процесс. В Русской Правде XIII века уже находим на него указания. Ст. 69 по Карамзинскому списку нормирует тот случай, когда у должника несколько кредиторов, и он не в состоянии им заплатить; случай этот разрешается очень просто: должника ведут на торг и продают; вырученные от продажи деньги распределяют между кредиторами таким образом: сначала удовлетворяются гости⁴, пришедший из другого города, и чужеземец, если они не знают того, что должник уже многим должен, затем оставшаяся сумма делится между остальными кредиторами, исключая совершенно из дележа тех, которые выговорили в свою пользу чрезмерные проценты. Но долг князю уплачивается раньше остальных.

Редакция статьи может навести, однако, на одно сомнение: не получает ли иноземец прежде князя? Статья гласит о вырученных от продажи должника деньгах, что «отдати же первое гостеву коуны, а домашным, что ся останет коун, тем ся поделять; паки же боудут княжи коуны, то княжи коуны переже взяти, а прок в деле». Мы думаем, что последнее предложение есть такая решительная оговорка, которая изменяет весь ранее начертанный порядок

---

⁴ Имеется в виду купец

удовлетворения. Если бы по этому порядку только чужеземец пользовался преимуществом перед «домачными», то преимущество его перед князем можно бы себе объяснить особым покровительством, оказываемым иностранцам, но ведь право преимущественного удовлетворения перед «домачными» предоставлено и «гостям из иного города», то есть тоже поданным князя, но живущим в другом городе. Если так, то нет решительно никаких разумных оснований признавать, что иностранцы и иногородние кредиторы пользуются преимуществом перед князем. Несмотря на краткость 69 статьи, самое применение ее не могло не вызвать довольно сложной процедуры; процедура эта, однако, не будучи чисто конкурсно-процессуальной, находила себе почву в тех определениях закона, которые касались явления, близкого к конкурсу, а именно случая несостоятельности при одном лишь кредиторе-займодавце. Не только процедура, но самое применение 69 статьи обуславливалось законами, определяющими это явление. Так, в случаях подобного рода имела значение причина, в силу которой должник был приведен в несостоятельность, — если несостоятельность его была несчастная, то самое применение 69 статьи было, вероятно, невозможно. Если при несчастной несостоятельности «пагуба» должника «от Бога есть», и он «не виноват есть», имея лишь одного кредитора, то эта пагуба и невиновность сохраняют значение и при нескольких кредиторах. Наконец, то обстоятельство, что применение статьи 69 обусловлено тем, что должник скрыл от чужеземца-кредитора то, что он «многим должен», дает основание думать, что речь идет лишь о злостном банкроте,

и, следовательно, банкрот несчастный не мог быть продан, и ни о каком дележе не могло быть речи; ему и должнику, имеющему лишь одного кредитора, должна быть дана рассрочка.⁵

Затем в истории конкурсного процесса имеется значительный пробел, — в течение четырех столетий, вплоть до Уложения 1649 года, не находим законов, его регулирующих. Есть, правда, в источниках этого промежуточного периода два указания, весьма близко касающиеся конкурсного процесса, но при ближайшем рассмотрении надо признать, что они относятся до совершенно другого явления. Конкурсный процесс есть процедура разрешения конкуренции прав, вызванной несостоятельностью должника. Если же конкуренция вызвана другой причиной, то процедура разрешения ее не может быть названа конкурсным процессом. Так, в договоре Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 года, в статье 11, упоминается случай конкуренции прав кредиторов-немцев и прав князя на конфискуемое им имущество «своего человека». Несмотря на то, что тут речь идет о конкурсном праве и указывается, как ее разрешить, (сначала получает долг немец, а потом князь), нельзя признать, что статья 11 касается конкурсного процесса, ибо тут нет несостоятельности должника. Затем в Псковской судной грамоте, в статье 104, указывается на случай конкуренции нескольких залоговых прав на одну вещь («одну землю», «один двор», «одну клеть»), причем

---

⁵ Загоровский А.И. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия. — Киев, 1875. — С. 61–63.

у одних кредиторов имеется только закладная грамота, а у других, кроме того, и самый заклад (т.е. вещь во владении). Разрешается эта конкуренция соразмерным дележом («да делят по делом»). Конкурса в этом случае, конечно, нет, потому что конкуренция прав вызвана не несостоятельностью, а стечением действительно существующих вещных прав на один объект и, следовательно, необходимостью удовлетворения кредиторов именно из этого объекта.

Уложение 1649 года (в ст. 210, Главе X) по-видимому, повторяет то, что определено о конкурсном процессе в Русской Правде; тоже речь идет о конкуренции прав, вызванной несостоятельностью должника; относительно этой конкуренции указывается на преимущество иностранцев перед русскими кредиторами и государевой казны перед подданными государя; первые предпочитают вторым, то есть сначала удовлетворяются иностранцы и потом русские, сначала удовлетворяется государь, а потом подданные его. Если по редакции 69 статьи Русской Правды можно заключить, что кредитор-чужеземец не пользовался преимуществами перед князем, то из редакции цитированной статьи Уложения такого вывода сделать нельзя. Уложение говорит только о чужеземцах, противопоставляя их русским людям, и можно допустить, что иностранцы пользовались преимуществом перед государевой казной. Конечно, если бы было доказано, что составители Уложения хотели только воспроизвести статью Русской Правды, то с полной вероятностью можно бы было допустить противное, но пока доказательств противного мы не располагаем.

Отдел второй

Конкурсный процесс XVIII века

Наступает XVIII век — век знаменательный в истории нашего конкурсного процесса. Составляется первый кодекс конкурсных законов, издаются отдельные законы, регулирующие конкурсный процесс, в правительстве и в обществе складывается потребность в цельном законодательном акте, идет оживленная работа, завершившаяся изданием в 1800 году нового, так называемого второго банкротского устава.

Нельзя сказать, чтобы за этот период времени жизнь, действительность и закон, деятельность правительственной власти шли рука об руку. Жизнь несомненно опередила закон. Осложнившиеся торговые отношения привели к тому, что обходиться при разрешении конкурсных дел теми скудными законоположениями, которые XVII век передал своему преемнику, и теми законами, которыми определялся общий порядок взысканий, стало уже невозможно... Нужно было искать выход, надо было найти новые пути... Искали и нашли их и сама жизнь, и сам закон, но искали и нашли они их не всегда вместе, а чаще порознь. Задолго до появления кодекса конкурсных законов открывались банкротства и производились конкурсные процессы, особенно в тех городах, которые находились в оживленных сношениях с иностранцами. Известные нам конкурсные

дела XVIII века производились по поводу несостоятельности иностранцев. Производились же эти дела по каким-нибудь правилам? Надо полагать, что тут применялись какие-либо иностранные кодексы; кредиторы, по соглашению, собирались, реализовывали имущество должника, составляли массу и распределяли ее между собой. Правительство не отказывало им в помощи, как показано будет ниже; в случае разномыслия, споров, бессилия в приведении в исполнение своих определений кредиторы обращались к правительству, и оно оказывало им свое содействие, часто даже повелевая применить к данному случаю иностранный кодекс. Это одна струя в истории нашего конкурсного процесса, — ее можно назвать иностранной. Другая струя, текущая параллельно с ней, — струя национальная, самобытная. Издаются законы, коими конкуренция прав кредиторов, вызванная несостоятельностью должника, разрешается своеобразным путем — путем особого конкурсного процесса, не похожего на обычный, но имеющий глубокие исторические корни в древнем русском порядке взыскания долгов — в закупничестве, принявшем впоследствии судебную форму, выдачу головой до искупу. Один из кредиторов берет должника в заработки и расплачивается с остальными его кредиторами... Наконец, третья струя — канцелярско-кодификационная; медленным путем создается кодекс конкурсных законов; эта работа идет параллельно с помощью, оказываемой государством конкурсам, и с законодательной деятельностью в духе национальном. Ни то, ни другое, ни третье друг другу не мешают — до того не мешают, что правительство, открыто заявляя

о необходимости составления чисто конкурсных законов, создает процедуру, могущую служить лишь суррогатом конкурсного процесса, затем, издав конкурсный устав, забывает об этом и разрешает вопросы конкурсного права по иностранным кодексам...

Обращаясь к истории нашего конкурсного процесса XVIII столетия, мы разделим этот отдел на три главы, соответственно тем трем струям, параллельное течение коих замечается в этой истории. Части эти неравномерны в объеме, но в этом не наша вина, а зависит это от количества и качества материала, коим мы располагаем. К сожалению, о наиболее интересной с бытовой стороны струе в истории нашего конкурсного процесса, иностранной, мы имеем менее всего сведений; струя национальная, как воспроизведенная в законе, известна нам по этим немногочисленным законам; наконец, по третьей струе — кодификационной, мы располагаем весьма обильным, не лишенным интереса материалом, большей частью почерпнутым из документов, хранящимся в архивах.

Глава первая

Конкурсы XVIII века

Уже в XVIII веке в столице производились крупные конкурсные процессы; так, в Петербурге в конкурсе несостоятельных должников Грена и Цигенбейна участвовал 81 кредитор на сумму более 200 000 рублей. Крупные денежные интересы не могли не вызвать споров, разногласий и недораз-

умений. Разрешать последние мирным путем, естественно, не всегда удавалось. Право, находящее себе санкцию только в соглашении, помимо внешнего принуждения, помимо государственной власти, не всегда может быть осуществлено. Так и тут. Как видно из известных нам случаев, конкурсы открывались или по поводу банкротства иностранцев, или */если/* в числе кредиторов преобладали иностранцы. Применялись к этим конкурсам, по соглашению заинтересованных лиц, вероятно, иностранные конкурсные законы. Понятно, что они применялись ровно до тех пор, пока между заинтересованными лицами имелось полное соглашение, — не было его, увеличивались шансы, что то или другое лицо обратится к правительственной власти; обращение это имело место тогда, когда возникший спор не мог быть улажен опять по особому соглашению. И вот заинтересованные лица обращаются к органам правительства с просьбой разрешить возникшее между ними пререкание или оказать им помощь ввиду грозящего или уже наступившего нарушения их прав. Часто ли они обращались к правительству, мы не знаем. Нам известно лишь шесть таких случаев, разрешенных законодательным путем, и, кроме того, одно заявление судебного места о том, как разрешались конкурсные дела. По этим данным можно себе составить некоторое представление, как тогда производились конкурсные процессы.

В известных нам конкурсных делах конкурсными судами были Коммерц-коллегия, Городовые магистраты, Главный магистрат, Контора Главного магистрата и Сенат. Компетенция и взаимное отношение этих учреждений в разное время были

различны. Что касается Коммерц-коллегии, то ей подведомственны были конкурсные дела, возникавшие в Петербурге не в силу специального закона, а на основании общего регламента, данного ей в 1719 году. «Сия коллегия, — говорится в нем, — имеет судить и расправлять все споры... которые по торговым уставам... и регламентам и указам, до купечества касающимся, определены быть имеют»⁶; лишь в 1766 году в силу торгового трактата с Англией компетенция Коммерц-коллегии как конкурсного суда для Петербурга была точно определена⁷. В 1767 году, однако, уже в роли конкурсного суда появляется Контора Главного магистрата⁸. К концу XVIII века Коммерц-коллегия, вероятно, лишена была этой функции: закон 27 января 1780 года, касающийся одного общего вопроса конкурсного процесса, велено было послать в Петербургский городской магистрат, в Главный магистрат и в его Контору⁹, — о Коммерц-коллегии не упоминается.

Обязанность Коммерц-коллегии заключалась в разрешении споров между кредиторами¹⁰, в разъяснении недоумений и сомнений, возбужденных кураторами¹¹, в рассмотрении жалоб на действия кураторов¹², в хранении вырученных от продажи имущества несостоятельного денег; там же масса

---

⁶ ПСЗ. № 3318

⁷ ПСЗ. № 12682

⁸ ПСЗ. № 13001

⁹ ПСЗ. № 14975

¹⁰ ПСЗ. №№ 120001, 16062

¹¹ ПСЗ. № 6905

¹² ПСЗ. № 7606

распределялась между кредиторами. Над Коммерц-коллегией стоял Сенат, к которому она обращалась с доношениями, требуя и получая разъяснения¹³. В городах, за исключением столиц, функции конкурсного суда, как видно из имеющихся дел, по крайней мере, в шестидесятых годах XVIII столетия, отправляли городовые магистраты¹⁴. Мог ли Главный магистрат (в Москве) функционировать в качестве конкурсного суда? По одному из известных нам конкурсов, Титвенса, функции конкурсного суда были распределены между Главным магистратом и Коммерц-коллегией, первый принимал меры по взысканию долга, во второй распределялась активная масса между кредиторами. Затем, из органов конкурсного процесса тогдашняя практика знала *кураторов* и *общие собрания кредиторов*. Кураторы обязаны были составить конкурсную массу — внести в нее все, что могло быть распределено между кредиторами, то есть взыскивать долги, выделять то, что принадлежит другим лицам¹⁵, немедленно продать вещи, подлежащие порче¹⁶, продать имущество с публичного торга и т. п., а также распределить массу между кредиторами. Что касается общих собраний кредиторов, то они происходили с соблюдением должного порядка. Дела решались большинством голосов. В трех конкурсах — Мейера 1735 года, Грена и Цигенбейна 1767 года и Кононова 1784 года — возник спор, дошедший до Сената,

---

¹³ ПСЗ. №№ 6905, 7606

¹⁴ ПСЗ. № 14975

¹⁵ ПСЗ. № 6905

¹⁶ ПСЗ, № 7606

о том, что считать большинством голосов. По всем трем делам Сенат указал — ввиду того, что большинство кредиторов иностранцы, — на необходимость разрешения этого спора на основании статьи 8 устава амстердамского купечества. По этой статье большинство считается и по числу кредиторов, и по сумме требований, а именно: когда в пользу данного решения высказалось $\frac{3}{4}$ из числа кредиторов, имеющих претензии на $\frac{2}{3}$ общей суммы долгов, или $\frac{2}{3}$ из числа кредиторов, имеющих претензии на $\frac{3}{4}$ общей суммы долгов¹⁷. Отдельные кредиторы осуществляли свои права путем заявления о них конкурсу. До 1780 года срока для этих заявлений положено не было, но в 1780 году, 27 января, последовал указ, на основании которого живущим в Петербурге кредиторам положен месячный, а иногородним и иностранным — шестимесячный; по прошествии этих сроков велено претензий в конкурс не принимать¹⁸.

В состав конкурсной массы входит все имущество должника, как наличное, так и долговое, то есть долги на других лицах; последние взыскиваются кураторами. Из наличного имущества исключается то, которое принадлежит другим лицам *ex jure domini* /на праве собственности/. Относительно товара, отданного несостоятельному на комиссию, по конкурсу Опича и Фохта 1736 года возник спор о том, при каких условиях товар возвращается хозяину или поступает в конкурсную массу. Сенат решил

---

¹⁷ ПСЗ. №№ 13001, 16062

¹⁸ ПСЗ. № 14975. Закон издан, очевидно, для Петербурга, где и производилось большинство конкурсов. Прим. автора.

этот вопрос в том смысле, что в массу поступает этот товар только в таком случае, если значительная часть его продана, если же, например, от кипы сукна 1 ½ аршина отрезано или вина немного вылито, то товар возвращается хозяину. В том же деле разрешен вопрос о судьбе товара, приобретенного несостоятельным в кредит; он возвращается хозяину; но если несостоятельный (конечно, до банкротства) уплатил часть денег за взятый товар, то хозяину возвращается или та часть товара, за которую уплата не была произведена, или за весь товар, но в последнем случае с хозяина взыскивается полученная от несостоятельного сумма¹⁹. Имущество, принадлежащее должнику, подвергается *аресту*²⁰, но, по определению общего собрания кредиторов, могло быть освобождено от него. Активная масса — реализуется: имущество несостоятельного продавалось с публичного торга, вещи, подвергающиеся порче или умалению в ценности, продавались еще ранее реализации массы; так, по конкурсу Бодишко и Борст, сенатским указом предписано было Коммерц-коллегии немедленно, ввиду возможной порчи и наступления ярмарки, продать арестованную юфть²¹. Реализованная масса, как выразилась Екатерина II в резолюции по делу Титвенса, 1769 года, обращалась «в капитал для уплаты кредиторам», который и делился между ними «по пропорции их долговых капиталов».

---

¹⁹ ПСЗ. № 6905

²⁰ ПСЗ. № 7606

²¹ Т. е. выделанную дубленую кожу (в современном написании «юфть»)

По прекращении конкурса никто из кредиторов, принимавших в нем участие, не может взыскивать свой долг отдельно, а должен довольствоваться тем, что получил из массы²².

Вот все, что нам известно о конкурсах XVIII века, — сведения скудные, но интересные в том отношении, что, благодаря им, мы видим, как сама жизнь зывала к закону о помощи и как закон отрывочно, случайно, откликнулся на ее зов. Да и практика судебная, не имея под рукой закона, так или иначе, толкуя общий закон распространительно, приходила на помощь жизни. В «Экстракте», предпосланном проекту банкротского устава 1763 года, читаем: «до 1740 года о банкротах, как с ними поступать, особого положения не был, а поступалось с ними в Коммерц-коллегии совершенно равно, как по Уложению и указам повелено: оставшиеся их имения и товары были продаваемы и разделяемы кредиторам по ровным частям, по чему на рубль придется, а иногда банкрота иностранного раздел был одним российским кредиторам, на что коллегия особые указы имеет». Какие это общие и особенные указы, по которым действовала Коммерц-коллегия, — неизвестно, надо полагать, что таких указов, специально касающихся банкротов, вовсе не было, ибо те статьи Уложения, которые приведены в «Экстракте», не касаются прямо банкротов, хотя приведены они именно потому, что применялись-де к конкурсным делам. Как бы то ни было, практика так или иначе оказывала помощь жизни.

---

²² ПСЗ. № 13001

Глава вторая

Суррогаты конкурсного процесса в XVIII веке

«Выдача головою, — говорит покойный К. Д. Кавелин, — есть древнейший способ удовлетворения требований на известном лице; кто не вознаграждал за убытки, не платил долги, того самого отдавали истцу ... Первоначально следствием выдачи головою было поступление выданного в полное распоряжение того, кому выдали головою. Он мог делать с ним, что хотел: мстить за невыполнение обязательства или сделать своим рабом. Но впоследствии характер выдачи головою изменился...»²³ У нас уже в XIII столетии произошло это изменение. По Русской Правде за ссуду денег или хлеба, или за проценты уже не обращают в рабство; должник отрабатывает долг в продолжение года, и если отслужит, то долгу на нем нет... Здесь, как замечает проф. Владимирский-Буданов, указывается источник одного вида закупничества; к рабству, по мнению почтенного ученого, ведет лишь такая несостоятельность, при которой невозможна отработка долга. Конечно, причину этой невозможности нельзя видеть, как это делает проф. Загоровский, исключительно в чрезмерности суммы долга; могла быть и причина юридическая, а именно, когда должник

---

²³ Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собрание сочинений. — Том 1. — С. 197. Репринтное переиздание книги было осуществлено в 2014 г. издательством «URSS».

обманом воспользовался кредитом и когда, следовательно, в силу закона его следовало «вести на торг и продать»²⁴. Понимая таким образом мнение проф. Буданова /*М. Ф. Владимирского-Буданова*/, вместе с проф. Загоровским мы можем сказать, что только несостоятельность, произошедшая по вине должника, но без употребления обмана или подлога «чаще всего влекли за собою поступление в услужение для отработки долга»²⁵. В XVI и XVII столетиях выдача головой допускалась лишь при безуспешности правежа²⁶ и других способов взыскания²⁷, и, как предполагает г. Дмитриев, состояние выданного равнялось кабальному холопу²⁸.

Спрашивается, в какой мере осложнялась эта отработка в тех случаях, когда у несостоятельного было несколько кредиторов, то есть при конкуренции прав? Осложнения могли быть двух родов: или должник за отработкой долга одному кредитору переходил от одного кредитора к другому, или поступал к одному, и тот расплачивался с остальными. Сведения об этом мы имеем лишь

---

²⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. — Киев-С.-Петербург, 1887. — Выпуск 1. — С. 87, пр. 160.

²⁵ Загоровский А.И. Указ. соч. С. 61, 63.

²⁶ Правеж — процедура принудительного взыскания, состоявшая в том, что неплатежеспособного должника в течение определенного времени ставили перед зданием приказа и в продолжение несколько часов били батогами по ногам

²⁷ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 198.

²⁸ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного до учреждения о губерниях. — М., 1859. — С. 280.

из XVIII столетия — практиковалось, вероятно, второе осложнение. Два акта дают основание это думать: Купеческий Устав 1727 года и указ 19 июля 1736 года. По Купеческому Уставу, выработанному остермановской комиссией о коммерции, несостоятельность делилась на два вида: по вине должника и несчастную. Если должник впал в несостоятельность по несчастью, то ему предписывалось давать срок к исправлению. Если же несостоятельность произошла по вине его, то прежде всего он отсиживал «шесть недель под караулом», а затем наступали следующие различные последствия, смотря по тому, нашел ли он за себя «оплатчика», или не нашел. Что касается первого случая, то под «оплатчиком» Устав понимает такое лицо, которое берет должника в заработки, обязуясь за него долг платить «погодно». Нам кажется, что Устав понимает под оплатчиком не постороннее лицо, а одного из кредиторов. Это мы заключаем из того, что Устав: 1) говорит о несостоятельном как о банкроте, то есть должнике, имеющем нескольких кредиторов, и 2) говорит об «оплатчике» как о «купце, который может взять несостоятельного в заработки»; такой оборот речи — *может взять* — указывает на то, что речь идет о кредиторе. Оплатчик обязывался перед остальными кредиторами, причем, конечно, порядок удовлетворения их зависел от соглашения, — закон указывал только на срок: «погодно». Весьма вероятно, что при подобных соглашениях со стороны кредиторов, пред которыми оплатчик обязывался, делались уступки, то есть ввиду того, что оплатчик их выручил или оказал содействие, они соглашались на скидку. Но как бы то ни было, тут

мы имеем дело с процедурой, которую можно признать суррогатом конкурсного процесса. Допустим, что наше представление о том, что оплатчик непременно был кредитором, неверно, то и тогда благодаря участию этого постороннего лица являлся несколько иной, но все-таки суррогат конкурсного процесса, — оплатчик обязывался за должника платить долги, то есть удовлетворить нескольких кредиторов, и тем опять-таки делалось излишним открытие конкурса.

Во втором случае, то есть когда должник не находил «оплатчика», его или отдавали в солдаты, или — при негодности к службе — ссылали в Сибирь и другие места. Что касается первого из этих случаев, то и он представляет суррогат конкурса, потому что те, «за кого он пойдет служить», должны были платить за него долги, но не свыше 100 рублей, то есть расплачиваться с его кредиторами, причем, однако, если долг превышал 100 рублей, то кредиторы все-таки больше этой суммы не получали, — тут-то приходилось удовлетворять их по соразмерности. Во втором из этих случаев кредиторы могли просить об освобождении должника от ссылки²⁹. Другой акт, говорящий о суррогате конкурса, указ 1736 года, по содержанию весьма близок к Уставу Купеческому в том смысле, что тоже говорит об отдаче несостоятельного в заработки одному лицу, обязывающемуся уплатить другому. Указом этим предписывается, чтобы должников по казенным и партикулярным /частным/ делам, которые платить не могут, отдавать «партикулярным» людям

---

²⁹ ПСЗ. № 5145

в заработок с обязательством ежегодно платить 24 рубля, и если эти должники уже сосланы на казенные работы и потом найдется лицо, желающее их взять в заработки, то их из каторги возвращать. И в этом случае возникает сомнение, идет ли речь о таком «партикулярном» лице, которое тоже кредитор несостоятельного, или же это постороннее лицо. Очень легко может быть, что указ имеет в виду последний случай, — по крайней мере, так был указ истолкован практикою; он вызвал ряд злоупотреблений; лица, не имеющие капитала, брали «великие суммы» под векселя, затем объявляли себя банкротами и поступали в заработки к таким же «плутам», как и они сами, которые уплачивали за них 24 рубля в год; утаив свои деньги, эти банкроты производили торговлю от имени лица, взявшего их в заработки. 7 августа 1762 года в Сенате состоялось определение о подаче всеподданнейшего доклада об отмене указа 1736 года и об издании нового, по силе коего отдача в заработки «партикулярным» людям допускалась бы только под тем условием, чтобы оплатчик сразу уплатил все долги банкрота. Доклад, однако, не был подан ввиду затребованных от Главного Магистрата и Коммерц-коллегии сведений, как они поступают с банкротами. Но как бы то ни было, указ 1736 года указывает на возможность того случая, когда из нескольких кредиторов один берет должника в заработки и за него расплачивается с остальными.

Вот те два случая, когда путем развития самобытных институтов создавался суррогат конкурсного процесса. Но практика не всегда пользовалась этим суррогатом. Известен один случай, когда Ма-

гистрат и Сенат могли бы или преподать правила конкурсного процесса на будущее время, как это делала иногда Коммерц-коллегия, или указать на возможность отдачи должника в заработки одному из кредиторов. В 1750 году в Контору Главного Магистрата были предъявлены к взысканию три векселя, выданные неким С. Сагатием: один Воливскому в 1745 году на 1193 рубля, другой — Страмичевскому в 1744 году на 380 рублей, и третий — Францу в 1747 году на 689 рублей. У векселедавца был дом в Петербурге. Контора Магистрата распорядилась продать дом с публичного торга и вырученные 2141 рубль 05 копеек передала Воливскому, а Страмичевский и Франц ничего не получили. Контора Магистрата и не подумала об открытии конкурса. Не подумал об этом и Сенат, хотя Страмичевский в апелляционной жалобе и просил «имение взять в конкурс, разделив по пропорции». Признав решение Конторы неправильным и оштрафовав ее за «неправое решение», он не отменил продажи, а предписал взыскать с векселедавца или его наследников, «ежели они к платежу в состоянии», по претензии Страмичевского. Сенат преподал лишь то правило на будущее время, чтобы из нескольких векселей, поданных ко взысканию против одного лица, преимущество давать тому, который прежде писан или протестован, или ко взысканию вступил. Применением правила *sicut prior es tempore, ita potior es jure* /кто раньше по времени, тот прежде по праву/ устранен конкурс.

Глава третья

Кодификация конкурсного процесса в XVIII веке

Первая, учрежденная Петром Великим в 1720 году и просуществовавшая до 1749 года Комиссия о коммерции³⁰ хотя и выработала Купеческий устав, хотя из нее и поступали мнения, указывающие на необходимость упорядочения конкурсного процесса (например, мнение Вице-Президента Коммерц-коллегии Фика, предложившего в 1732 году, «чтобы из пожитков разоренного долг расплачивать как казне, так и партикулярным людям равным числом по пропорции взятых» и чтобы злостных банкротов «яко воров повесить»), — тем не менее не выработала цельного конкурсного устава. *Императрица* Анна Ивановна, первая сознавшая крайнюю необходимость в конкурсном уставе, однако, поручила составление его не Комиссии о коммерции, а Коммерц-коллегии³¹. В указе от 6 февраля 1735 года по частному делу (конкурсу Мейера) говорится: «Каким образом в таких случаях поступать, Российских

---

³⁰ Комиссии о коммерции — законосовещательные органы, которые несколько раз создавались в XVIII веке специально для разработки торгового (коммерческого) законодательства

³¹ Коммерц-коллегия — орган центральной власти, созданный для покровительства торговле и занимающийся вопросами торговых отношений и торгового права; приблизительный аналог Министерства экономики (но с судебными функциями). В отличие от Комиссии о коммерции, это постоянно действующий орган.

особливых уставов не имеется ... а впредь как с банкротами поступать, о том, собрав из разных государств права купеческие, учинить устав Коммерц-коллегии и подать для рассмотрения в Сенат, а из Сената подать для апробации Ея Императорскому Величеству»³².

I. Устав о банкротях 1740 года

Дело составления устава, как видно, пошло успешно: к 1740 году он был уже сочинен в Коллегии, рассмотрен в Сенате и подан, при сообщении, Кабинету³³. То была тяжелая пора в жизни нашего Сената³⁴. Кабинет его совсем подавил своею широкою властью; формально, с внешней стороны, он ему, конечно, подчинялся, но, оскорбляемый выходками Кабинета, действовал в противность велениям последнего. Так было и с проектом банкротского устава. На поданный из Сената проект резолюцией Кабинета, состоявшеюся 1 сентября 1740 года, «велено о банкротях Сенату обще

---

³² Подлинный указ не сохранился. О нем говорится в указе 1 ноября 1767 года. ПСЗ. № 13000. Прим. автора.

³³ Т. е. Кабинету министров — верховному государственному органу, образованному в 1731 году и просуществовавшему до воцарения Елизаветы Петровны. В состав этого органа входили три Департамента, возглавляемые кабинет-министрами (в различные периоды количество кабинет-министров варьировалось от двух до четырех). Подпись трех кабинет-министров в определенных ситуациях имела силу императорской подписи. Таким образом, во время правления Анны Иоанновны Сенат играл подчиненную роль по отношению к Кабинету министров.

³⁴ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. — Том 2 (издание 2). — С. 246–247.

с Коммерц-коллегией, по новости некоторых сенаторов и коллегии президента, к тому ж призвав из Академии наук юстиции советника Гольбаха и советника же Эйке, иметь вновь рассуждение и учинить порядочный устав, который бы на все времена мог быть тверд и беспорочен, как на иноземцев, так и на русских купцов». Худ или хорош был проект, сочиненный в Сенате, — мы не знаем, но Сенат, очевидно, был обижен «велеием» Кабинета: и его критикой, и его намеком на малое знакомство с делом сенаторов и президента коллегии и призыванием на помощь двух академиков. Сенат не исполнил «велеия» Кабинета или исполнил его совсем не так, как было предписано. В представлении своем от 5 ноября 1740 года Сенат сообщает Кабинету, что он имел вновь рассуждение о возвращенном из Кабинета проекте, и господ академиков на совещание не пригласил. Случилась-де такая оказия: 12 сентября того же 1740 года Президент Коммерц-коллегии барон Менгден подал в Сенат своей проект, который и был рассмотрен при участии самого Менгдена, Вице-Президента Мелесино и Ассесора Меженинова и «по довольном обсуждении принят». Что же касается академиков, то их не пригласили потому, что «велеено было их призвать к рассмотрению первого, а не второго поданного проекта. Для наилучшего усмотрения, — заключает Сенат свое представление, — с оного проекта вносится (в Кабинет) точная копия». Эту «точную копию» Кабинет к 15 декабря озаботился обратить в закон. Уставу предписан следующий указ: «Имея всегдашнее попечение о своих верных подданных, кои от банкротов

в крайнее разорение были привожены, и милосердя к ним, указали *по всеподаннейшему Нам Нашего Сената представлению* с банкротами ... поступать по учиненному и под сим нашим всемилостивейшим указом напечатанному уставу во всем непременно». Указ этот, а равно как и Устав, как оказывается, никогда не были ни отпечатаны, ни обнародованы. Ни одно правительственное учреждение, начиная с Сената, не знало об обращении проекта барона Менгдена в закон. Если кто и знал о его существовании, то только как о проекте. Сам Сенат в 1749 году в определении своем от 14 февраля, после ответа на требования указов со стороны Главного Магистрата, «что с банкротами чинить» (сажать под караул, ответил Сенат), говорит: «сочиненный о банкротах регламент предложить к слушанию Правительствующего Сената немедленно». Или забыто было то обстоятельство, что проект Менгдена был послан в Кабинет, или этой пересылке «точной копии» не было придано значения — но Сенат не знал, что проект уже утвержден. В последующее время Сенат не раз в указах говорит об уставе, как о проекте. Так, в указе 24 октября 1762 года сказано: «Хотя о таких банкротах, каким образом с ними поступать, в 1740 году и выдан Генеральной Банкротской Регламент, но токмо оный в действо не произведен». Это выражение повторяется во множестве указов: 1762, 1763, 1765 годов. В 1767 году Сенат, по делу Грена и Цигенбейна, разрешая вопрос об исчислении голосов в общих собраниях кредиторов <...> прямо заявляет о «неимении в России устава о банкротах», а Императрица повелела сообщить

об этом Комиссии о составлении проекта нового Уложения³⁵. Коммерц-коллегия, т. е. учреждение, ведавшее конкурсные дела, в «Экстракте», предпосланном проекту Банкротского Устава 1763 года, повторяя об уставе 1740 года известное нам выражение: «Выдан был, но в действие не произведен», продолжает: «И в Коллегии его нет, зачем и никакого рассуждения на оный объявить не можно». Так что в Коллегии и следа не было этого закона. В 1766 году по требованию Комиссии о коммерции Устав разыскивают в Сенатском Архиве и наконец находят.

Не знало об Уставе и общество XVIII века. В московском депутатском наказе читаем: «За неимением устава о банкротах, купечество претерпевает великие убытки и разорение, и дабы честных людей от коварств предохранить, то все прилежно просим о издании в народ о банкротстве устава». Точно так же архангельский наказ просит, чтобы был издан особый регламент о банкротах³⁶. Деделовский наказ жалуется на отсутствие в законе строгих наказаний за злостное банкротство³⁷, — жалоба, лишенная смысла при знакомстве с велением Устава 1740 года: «Казнить смертью и повесить».

Барон Менгден, составляя свой проект, вероятно, пользовался иностранными конкурсными законами. Законы эти в переводе имелись в Коммерц-коллегии,

---

³⁵ ПСЗ. № 13001

³⁶ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии: историко-юридическое исследование. 1887. — Т. 1. — С. 455.

³⁷ Латкин В. Н. Указ. соч. С. 366.

так что пользование ими не представляло большого труда. Иноземное происхождение Устава не может подлежать сомнению. В этом убеждает:

1) прямое указание, в нем содержащееся, а именно: сказано, что устав «частью с правами и обычаями других государств, в которых негоция расцветает, сходен, частью ж по обстоятельству дела тако потребен»;

2) множество технических выражений, употреблявшихся в современных Уставу иностранных конкурсных законах, например «банкрот», «куратор», «масса», «отделение (*separatio*)» и др.; хотя надо заметить, что выражение «банкрот»³⁸ и «куратор»³⁹ у нас употреблялись и ранее, но тоже в законах иноземного происхождения;

3) в Уставе встречаются афоризмы, очевидно почерпнутые из иностранных сочинений; например: «несправедливо, чтобы кто обогатился с убытков других людей» (статья 21), «никто поневоле принужден быть не может от своей правости отстать» (статья 25), «вина в том, что убытков не отвращал и не предостерегал, хотя отвратить и предостерегать мог» (статья 32) и т. п.;

4) Устав предполагает у нас такие черты общественного строя и нравов, каких, очевидно, не было; так, со взглядом тогдашнего общества на образование и труд и с тогдашним их состоянием не вяжется то, что долги школы отнесены к первому классу и долги «служителей» ко второму, по пятиклассному делению долгов; не вяжется с тогдашним состо-

---

³⁸ Вексельный устав 16 мая 1729 г. ПСЗ. № 6410

³⁹ Указ 1 марта 1736 г. ПСЗ. № 6905

янием торговли и ее учреждений и то, что свойство несостоятельности обусловливается тем, был ли погибший на море товар «на страх отдан»⁴⁰ или нет; вел ли купец свои книги в исправности «по обыкновенному купеческому обхождению» или нет; точно так же не было у нас везде на западе встречающегося обыкновения объявлять о несостоятельности на улицах «с барабанным боем».

Состоит устав о банкротях из 74 статей и разделен на три части. Первая, называемая в остальных частях «Уставом» (устав о кураторах, статьи 1, 3 и 6), а иногда «уставом о банкротях» (устав о кураторах, статьи 19, 21, 23 и 26), содержит в себе законы формального конкурсного права в порядке самого производства, за исключением лишь тех, которые касаются кураторов и порядка распределения массы между кредиторами; состоит эта часть из 37 статей. Вторая часть, обозначенная литерой А, но названная в 18, 21 и 26 статьях первой части «уставом о кураторах», «кураторским уставом», состоит из 27 статей. Наконец, третья часть, обозначенная литерой Б, озаглавлена «Регламент о росписании классов, каким порядком долги банкротовщиковы кредиторам его плачены быть имеют»; эта часть не разделена на статьи, но может быть разделена на 10⁴¹. Законы материального права не только разбросаны в виде отдельных ста-

---

⁴⁰ Т.е. застрахован

⁴¹ 1 ст. — о сепаратистах, 2 — о кредиторах 1 класса, 3 — второго, 4 — третьего, 5 — четвертого, 6 — пятого, 7 и 8 — о процентах, 9 и 10 — об удовлетворении кредиторов по окончании конкурса. Прим. автора.

тей по всем частям Устава, но и содержатся в статьях чисто формального характера.

Пределы действия Устава относительно времени и лиц в нем точно определены. Что касается времени, то действие Устава распространялось не только на дела о несостоятельности, имеющие возникнуть в будущем, но и на дела, еще не законченные ко времени вступления его в силу; указом, предпосланным Уставу «с теми банкротами, кои до сего явились и дела их не решены, и которые впредь явятся». Из этого видно, что начальным моментом конкурсного процесса Устав признает «появление» банкрота, а конечным — «решение дела». Под появлением банкрота надо разуметь момент поставления в известность о несостоятельности того учреждения, в котором возбуждается дело (ст. 7), под решением же дела следует разуметь «разделение массы», — как это видно из статьи 37 Устава — отождествляемое с «совершением» конкурса. Так что новому Уставу должны были быть подчинены все конкурсы: 1) имеющие возникнуть до его издания; и 2) те, по которым массу еще не успели распределить между кредиторами. Относительно дел второго рода может возникнуть некоторое сомнение: должны ли были эти дела быть перерешены сызнова, изначала, или же они должны быть лишь продолжаемы по Уставу, с сохранением силы всех действий суда, кредиторов, кураторов и т. д., совершенных ранее? В Уставе никаких данных для разрешения этих вопросов не имеется. Есть основание думать, что конкурсные дела, начатые, но не оконченные, должны были, по мнению составителя, перерешены сызнова, изначала,

ибо «принцип изолирования судебных действий»⁴² есть плод новой теории, и применение его к учению о действии закона во времени мы находим лишь в недавнее время и в весьма редких случаях (Итальянский закон 25 июля 1871 года). Практическое применение этого принципа вызывает ряд сложных юридических вопросов, которые и интеллигентный человек XVIII века вряд ли мог иметь в виду. Положим, в конкурсе, открытом ранее 1740 года, делами заведует один куратор, никем не утвержденный, а по Уставу (ст. 16) кураторов должно быть четыре, и все они должны быть «конфирмованы» /утверждены/ Коммерц-коллегией. Можно ли допустить упомянутого единственного куратора к распределению массы между кредиторами? Или, например, Коммерц-коллегия до 1740 года разрешила на основании известного нам указа 1 марта 1736 года⁴³ возвратить хозяину отданного несостоятельному на комиссию кипу сукна, из которой 1½ аршина были отрезаны; затем, в 1740 году, вступает в силу указ, по которому (ст. 27) только «нетроганный за хозяйским клеймом» товар возвращается хозяину. Должна ли эта початая кипа сукна быть возвращена хозяину, или она должна поступить в конкурс? Все это вопросы очень сложные. В XVIII веке у нас еще смотрели на закон как на всесозидающую силу, как на единственное средство

---

⁴² Menger A. System des österreichischen Civilprocessrechts in rechtsvergleichender Darstellung. Vienna. 1876. B.1. S.S. 192–193. А.Х. Гольмстен. Учебник гражданского судопроизводства. С. 10.

⁴³ ПСЗ. № 6905

пересоздания жизненных условий: стоит издать закон, и все будет обстоять благополучно. При таком взгляде на закон законодатель не мог не придавать новому закону силы, парализующие старый закон везде, где это только было возможно. Если предписывалось неоконченные при господстве старого закона дела решать по-новому, то это именно значило, что в этом деле никакого следа от старого закона оставлено быть не должно⁴⁴...

Что касается действия Устава по отношению к лицам, то сила его должна быть распространена лишь на лиц торгового звания. В статье 37 сказано, что устав «до одних только купцов касается»⁴⁵. Самое «учинение» Устава мотивируется охранением торгового кредита. «Известно есть, — читаем во вступлении, — какие убытки и ущербы от банкротств общему народу, а особливо коммерции, происходят, ибо от оных кредиту ослабление и купечеству остановка чинится; а надежность и имение всякого торгового человека в сомнение приводится, и напоследи множество безвинных людей в великие убытки и часто в крайнее разорение и в самую нищету приходят». В этих видах сила Устава была распространена исключительно на лиц торгового звания */т.е. только на предпринимателей/*.

---

⁴⁴ С точки зрения современного понимания права, это не очень логичный подход. Если старый закон был настолько плох, что отказаться от него нужно немедленно и полностью, то как же можно было подчиняться этому «плохому» закону в прошлом?

⁴⁵ Здесь Устав находится в общем русле развития европейского законодательства о банкротстве, которое изначально распространялось только на предпринимателей.

Обращаясь к содержанию устава 1740 года, остановимся сначала на основном предположении конкурсного процесса — *понятии несостоятельности и ее видах*. Наука различает понятие недостаточности у должника имущества (*Insufficienz* /букв. «недостаточность»/) от такого положения дел, при котором, быть может, у должника и имеется достаточная для уплаты кредиторам сумма в долгах на других лицах, но долги эти или мало надежны, или на получение их в скором времени нельзя рассчитывать (*Insolvenz* /букв. «несостоятельность»/)⁴⁶. Устав хотя и говорит о несостоятельном, как о лице, которое «платить не в состоянии» (ст. 5, 6, 32), «кредиторов довольствоваться не может» (ст. 33), но причину этого неплатежа, недовольствования он видит только в недостаточности имущества должника; он характеризует состояние должника «разорением» (ст. 4, 6), состояние, при котором тот «выше имущества в убытки приведен» (ст. 5), ибо «сверх своей силы сведома отважился» (ст. 32), «торг продолжал, хотя капитала не имел» (ст. 33); а в одном месте прямо говорит, что при несостоятельности «имения должниково недостаточно» (ст. 21). Так что, очевидно, под несостоятельностью Устав разумеет такое положение дел, при котором у должника вообще нет имущества для полного удовлетворения кредиторов⁴⁷.

---

⁴⁶ Förster Fr. Theorie und Praxis des heutigen gemeinen preussischen Privatrechts auf der Crundlage des gemeinen deutschen Rechts. Издание 3. — Том 1. — С. 768–769. Издание 4. — Том 1. — С. 871–872.

⁴⁷ Т.е. в современном понимании это соответствует критерию неоплатности

Устав знает лишь два вида несостоятельности: несчастную и злостную. Третьему виду несостоятельности — неосторожной — Устав не придает самостоятельного значения, а отождествляет ее со злостной. Это очевидно не только из характеристики отдельных случаев злостной несостоятельности, но из ряда выражений, прямо на это указывающих. Так, Устав говорит, что нельзя освободиться от последствий злостного, «обманного» банкротства тем заявлением, «что-де никакого обманства не намерился, ибо довольно то, когда вина на него падет в том, что убытков не отвращал и не предостерегал, хотя отвращать и предостерегать мог» (ст. 32). Полное отождествление *dolus /обман/* и *culpa /вина/* очевидно. Весьма характерно Устав выражает мысль об этом отождествлении в другом месте. Повелевая злостного банкрота, «без всякого смотра на лицо, казнить смертью и повесить», Устав мотивирует эту меру так: «В образец для омерзения и осторожности» (ст. 31), т. е. того ради, чтобы вызвать, с одной стороны, чувство отвращения к обману, с другой, — внушить мысль о необходимости быть осторожным.

Отождествляя неосторожную несостоятельность со злостной и обозначая ее общим названием «обманного банкротства», Устав решительно настаивает на различии этого обманного банкротства от несчастного, «безвинного». Между ними, говорит он, «надлежит паче всего разность учинить» (ст. 1) и действительно проводит это различие и по условиям, и по последствиям. Что касается различия по условиям, то Устав признает несостоятельность «безвинною», несчастною:

1) когда она произошла без вины должника, вследствие наступления таких случайных обстоятельств, которых «чрез человеческую осторожность и мудрость отвратить было невозможно» (ст. 1), например: «от пожара, покражи, от неприятельского нападения, от несчастного банкротства другого» (ст. 4) и т. п.;

2) когда при наличии этих обстоятельств о должнике можно сказать, «что он честно и осторожно поступал» (ст. 2). Так что если кредиторами будет доказано противное, то должник, «хотя бы и подлинно о несчастных случаях доказать мог» (ст. 35), признается злостным банкротом; например, кредиторы доказали, что должник «великий торг ничем зачал», то хотя бы последний и доказал, что он впал в несостоятельность не по этой причине, а вследствие «нечаянного банкротства другого», он все-таки почитается обманным банкротом (ст. 4, 35).

Злостного банкрота Устав весьма метко характеризует как человека, который «поступил с ближним своим хуже вора: понеже от него оберегаться было невозможно» (ст. 3).

Основания злостного банкротства, по Уставу, могут быть сведены к трем: 1) «обманство», 2) «продерзость» и 3) «неосторожность».

1) Под «обманством» следует разуметь ряд умышленных действий должника в ущерб кредиторам. Сюда относятся те случаи:

а) «когда купец, усмотря уже банкротство свое, до объявления о том, по дружбе или для других приметок, другому какие расписки или поступные письма даст или переводы чинит» (ст. 14),

б) когда должник примет от третьего лица деньги или вещи, хотя и причитающиеся ему, или оставит их, с целью «утаить»; это положение мы выводим из того, что третьему лицу в этом случае Устав грозит отдачею в заработки «при строении крепости» (ст. 14); если третьему лицу угрожает такая кара, то, по духу Устава, должник, участвовавший в сделке с этим лицом, не мог быть признан безвинным банкротом. Если же должник во время конкурса сам утаит свое имущество или передаст его для утайки третьему лицу, — он почитается банкротом обманным. Если утайка в форме оставления денег или вещей у должника должника заставляет признать банкрота злостным, то не признавать его таковым, когда утайка совершается в форме передачи вещей или денег лицу, ни в каких отношениях к должнику не состоящему, нельзя. Но надо заметить, что эта последняя форма утайки, совершенная по окончании конкурса относительно имущества, полученного или нажитого «во время конкурса или после», влечет за собой осуждение должника «на каторгу», а не признание его обманным банкротом; это последствие *sui generis /особенного рода/*. Если бы банкрот в этом случае был признаваем обманным, то его следовало бы приговорить к смертной казни, а не к каторге (ст. 22);

в) следует почитать злостным банкротом на основании обмана и такого должника, который заключил сделку с некоторыми из кредиторов тайне от остальных. Этот вывод а *contrario /от обратного/* из того, что такая сделка имеет силу лишь, когда в заключении ее принимали участие все кредиторы (ст. 24, 25);

г) злостным почитается и тот, кто, видя из книг свою несостоятельность, торговлю свою не покинет, а станет «долги чинить» и «долги не платить» (ст. 6)⁴⁸.

2) Под «*продерзостью*» следует разуметь действия, в которых должник обнаружил явное неповиновение общим или специальным велениям банкротского устава. Сюда относятся:

а) нарушение общих велений⁴⁹, а именно:
аа) неисправное ведение «купецких» книг; книги эти должны содержаться «чисто, порядочно и неизодрано, и без чищения и скобления», а по окончании года надлежит «баланс чинить» (ст. 36)⁵⁰; Устав предполагает, что «всякий настоящий купец

---

⁴⁸ Таким образом, термин «обманство» означал совершенные должником сделок, которые по современному российскому законодательству могут быть оспорены в соответствии с правилами Главы III.1 Закона о банкротстве, а также заключение новых договоров и их неисполнение при наличии признаков банкротства (простое продолжение коммерческой деятельности при наличии признаков банкротства относилось к признаку неосторожности; но, как мы видим, неосторожность тогда приравнивалась к «обманству» и вела к смертной казни банкрота).

⁴⁹ В современном понимании это нарушение правил ведения отчетности и обязательных нормативов предпринимательской деятельности. Следует всецело одобрить общую гуманизацию законодательства о банкротстве по сравнению с XVIII веком, благодаря которой ошибки в бухгалтерском учете и отступление от нормативов Центрального Банка больше не караются смертной казнью.

⁵⁰ «Какие именно книги должны содержать купцы, и какова должна быть форма этих книг, устав не указывает». Киндяков. Исторический обзор мер правительственных, касающихся внутренней торговли в России с Петра Великого. Журнал мануфактур и торговли. — 1855. — № 1–2. — С. 215.

по окончании года книги свои оканчивает и читает баланс» (ст. 5). Устав говорит об исправном содержании книг как якобы о такой обязанности, исполнение которой освобождает от последствий злостного банкротства. Едва ли это так: вернее, что тут мысль составителя неточно сформулирована. Трудно допустить, чтобы банкрот, например, утаивший свое имущество, был признан несчастным, безвинным, благодаря тому только, что исправно вел свои книги. Надо полагать, что не исправное ведение книг обращает обманного банкрота в несчастного, а, вернее, неисправное ведение их обращает безвинного в обманного; бб) занятие торговлю без собственного капитала или с капиталом менее 1/3 стоимости купленного товара. Устав говорит, что часто бывает, что приказчики «зачинают великий торг ничем», т. е. покупают товар на деньги, взятые «через векселя»; таким лицам запрещается торговля, и Устав добродушно советует им «счастья своего лучше на конторах или в других местах искать». Устав, не позволяя «товаров ценою против капитала» более чем втрое покупать, мотивирует это тем, что «тогда не уповаемо, чтобы другим от его (купца) несчастья знатный убыток воследовать мог». Кто поступит «в противность» этим двум запрещениям и «в банкроты впадет», признается безусловно злостным банкротом (ст. 35).

Что касается продерзости в смысле б) нарушения специальных велений⁵¹, то сюда Устав отно-

---

⁵¹ В современном понимании это нарушение обязанности подать заявление о собственном банкротстве и сообщении недостоверной информации об имущественном положении должника.

сит: аа) необъявление Коммерц-коллегии о том, «что платить не в состоянии»; на это нарушение устав указывает слитно с продолжением торга, деланием долгов и уплатой долгов (ст. 6); бб) ложное показание «о потребных делу обстоятельствах». Должник обязан на допросе «ответствовать на учиненные вопросы обстоятельно и по сущей правде». Он признается злостным банкротом, если «поупрямится или не скажет правду» (ст. 30).

Наконец, 3) указывается примерно на ряд *неосторожных действий* несостоятельного, дающих, однако, основание признать его злостным банкротом⁵². Общая характеристика им дается та, «что должник мог их не совершить, но тем не менее совершил». Сюда относятся следующие случаи:

- а) когда должник, предвидя или видя свою несостоятельность, продолжает делать долги;
- б) когда он продолжает торговать, хотя видит, что капиталу уже более нет;
- в) когда он взялся за непосильное предприятие или, как выражается Устав, «выше своей силы заведомо отважился» (ст. 32);

---

⁵² Эта очевидно несовместимая с современным правосознанием норма (приравнивающая к преступнику человека, доверившегося недобросовестному партнеру или не застраховавшего риски) может быть, однако, объяснена тем, что сам институт банкротства был тогда доступен только профессиональным предпринимателям, которые должны были следовать нормам разумного и обоснованного поведения в наивысшей степени. Кроме того, вероятно, здесь есть еще остаточные признаки объективного вменения, т.к. последствия для контрагентов «обманного» и неосторожного должника в целом одинаковы, — они теряют свои деньги.

г) когда он мог (sic!) «на страх отдать» товар, погибший «от морской погоды, морских разбойников и проч.», но не сделал этого; виновным он признается в том, что «от лихоимства и с умысла других людей с собою в опасность и гибель при-
весть хотел» (ст. 33);

д) когда должник «с явным обманщиком в компанию вступил», т.е. образовал товарищество, и потом «от него в несчастье приведен» (ст. 34);

е) когда он поверил свои товары или большую часть их такому корреспонденту, «который мало кредита или плохую славу имеет» (ст. 34).

Что касается различия между «безвинным» и «обманным» банкротством *по последствиям*, то надо различать последствия личные от имущественных:

а) несчастного банкрота «штрафовать не подлежит» (ст. 3), «его паче всего ... от всякого истязания и штрафа освободить (ст. 19), ибо пристойно есть, чтобы такого, который без своей вины несчастлив стал, не приводить в вящее несчастье» (ст. 3). В одном лишь случае Устав сделал исключение: когда после раздела массы «безвинный банкрот» удовлетворяет кредитора не в том порядке, в каком надлежало, или вообще утаит вновь приобретенное имущество, то его за это предписывается «ссылать на каторгу» (ст. 22). Признавая злостного банкрота «хуже вора» (ст. 3), Устав относится к нему чрезвычайно строго и считает «достойным штрафом» смертную казнь через повешение (ст. 31);

б) с имуществом несостоятельного того и другого рода Устав предписывает поступать одинаково (ст. 31), но это лишь до прекращения конкурса; по прекращении его кредиторы несчастного несо-

стоятельного, не получившие полного удовлетворения, могут требовать платежа из вновь нажитого имущества не только самого должника, но и его жены и детей (ст. 22, 28, 29); кредиторы же злостного банкрота такого платежа от его жены и детей (о самом казненном и говорить нечего) требовать не могут. Устав весьма характерно мотивирует это тем, что казненный несостоятельный «все долги животом своим заплатил» (ст. 10 Регламента). Другое предложение конкурсного процесса является наличием нескольких кредиторов⁵³, имеющих получить удовлетворение из имущества несостоятельного, хотя Устав не формирует это предложение, но что оно признается им, доказательством тому служит все содержание Устава.

Переходим к вопросу об органах конкурсного процесса. Таковыми являются: а) *конкурсные установления*, а именно конкурсный суд, кураторы и собрание кредиторов и б) *стороны*, а именно, — должник и кредиторы.

1) Конкурсные установления:

а) *конкурсный суд*. Характерная черта конкурсного процесса по уставу 1740 года та, что дела о несостоятельности, как показано будет ниже, должны были вестись при деятельном участии органов правительства и под их контролем. Какие именно это были органы? — Устав говорит о ратушах, о мо-

---

⁵³ Т.е. множественность кредиторов; для одного кредитора конкурс не нужен, т.к. нет необходимости в особых правилах распределения имущества должника.

сковской Коммерц-коллегии конторе⁵⁴ и о Коммерц-коллегии. Но не следует думать, что эти установления находились по Уставу в каком-либо точно определенном инстанционном отношении и что ими в действительности исчерпывался круг установлений, ведавших конкурсные дела.

А) Коммерц-коллегия в делах этого рода выполняла двоякую функцию: 1) конкурсного суда первой степени — это по конкурсам, которые открывались в Петербурге; весь устав состоит из правил, предписанных Коллегии как суду первой степени: должник является в Коллегию (ст. 6); кредиторы, которые «в Петербурге образуются», являются туда же (ст. 12, 16), и т. д. Так как конкурс открывался по «доношению» должника (ст. 7, 10–18, 24, 30, 37 Устава о кураторах, ст. 1, 2, 7–11, 18–23, 25–27), которое он подавал Коммерц-коллегии, то, надо полагать, что основанием подсудности дел о несостоятельности служило место жительства должника, а не кредиторов; Устав не упоминает о подсудности дела, когда должник живет «инда где» /*т. е. в ином месте*/, а кредиторы — в Петербурге, но он упоминает об обратном случае, когда кредиторы живут «инда где», а должник — в Петербурге; в этом случае дело производится в Коммерц-коллегии, а местные установления посылают подлинные документы этих иногородних кредиторов в Коллегию (ст. 8). 2) Коммерц-коллегия была и надзирающим установление над местными конкурсными судами. Это видно из того, что, по Уставу, «ежели, кроме С.-Петербурга и Москвы, в других местах

---

⁵⁴ Т.е. Московском отделении Коммерц-коллегии

какой банкрот явится, то оные дела по совершении конкурса и по разделении массы присылать в Коммерц-коллегию, дабы она могла *освидетельствовать, во всем ли по сему Уставу поступлено, и не приключились ли такие причины, кои дальнего рассмотрения и точного определения востребу- ют*» (ст. 6). Из этой обязательной для местных судов присылки дел в Коллегию видно, что она могла по поводу найденного ею упущения приступить к «дальному», то есть дальнейшему рассмотрению дела в смысле исправления ошибки и устранения последствий той или другой неправильности. Могла ли быть во время конкурса приносима жалоба в Коллегию на кураторов, Устав не говорит.

Б) Московская Коммерц-коллегия Контора. В Уставе три раза говорится об этой Конторе: раз — по конкурсу, открытому в Петербурге, кредиторам, «в Москве обретающимся», предлагается заявлять свои претензии Коммерц-конторе (ст. 8); в другой раз — Конторе предписывается отсылать в Коллегию подлинные документы этих кредиторов (ст. 8), и в третий — должникам несостоятельного предлагается заявлять Конторе о своих обязательствах (ст. 12). Из этих указаний мы видим, что действия Коммерц-конторы суть действия по так называемой реквизиции, то есть по поручению другого суда, в данном случае — Коммерц-коллегии. Эта деятельность Конторы не дает основания видеть в последней орган конкурсного процесса или, по крайней мере, недостаточно характеризует роль Конторы в конкурсном процессе. То общее соображение, что все московские конторы петербургских коллегий выполняли функции послед-

них в Москве⁵⁵, отличаясь от них лишь отсутствием коллегиального устройства, дает основание думать, что и для Москвы Коммерц-контора должна была быть тем же самым, чем для Петербурга Коммерц-коллегия, то есть конкурсным судом первой степени, судом, в инстанционном отношении не зависимым от Коммерц-коллегии. В этом нас убеждает и то, что, по Уставу, местные конкурсные суды первой степени должны были присылать конкурсные дела, по окончании их, в Коммерц-коллегию; Коммерц-контора от этой обязанности была освобождена (ст. 37); хотя Устав тут прямо и не называет Коммерц-конторы, но говорит, что присылаемы должны быть дела банкротов, которые «явятся» где-либо, кроме Петербурга и Москвы, то есть все дела, кроме дел самой Коллегии и ее московской Конторы.

Наконец, В) ратуши, о которых говорит Устав, упоминаются в тех же трех местах, как и Московская контора, то есть о них говорится лишь как о судах, действующих по реквизиции. Отсюда еще нельзя сделать вывода, что ратуши-то и должны были быть единственными местными конкурсными судами первой степени везде, кроме Петербурга и Москвы. В Уставе имеется весьма существенный пробел: нет решительно никаких указаний на то, какие именно местные учреждения ведали конкурсными делами. Как о конкурсном суде Устав говорит только о Коммерц-коллегии, а Коммерц-контора и ратуши только помогают коллегии в конкурсах, происходящих в Петербурге, но это

---

⁵⁵ Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. Полное собрание сочинений. — М., 1859. — Т. 6. — С. 219.

не мешает Уставу указывать на возможность «совершения конкурсов во всех торговых городах» (ст. 37). Судя по регламенту 1719 года, Коммерц-коллегия имела в городах свои подчиненные органы — магистраты⁵⁶, но к 1740 году магистраты получили во всех городах название ратуш⁵⁷. Это соображение дает основание думать, что составитель Устава именно на ратуши смотрит, как на местные конкурсные суды.

Коммерц-коллегия в конкурсных делах действовала «в собрании», *in corpore*, постановляя свои «определения» (ст. 7, ст. 11 Устава о кураторах), но некоторые обязанности по этим делам возлагались на отдельных должностных лиц. Так, чрез Советника и Секретаря Коллегии производилась, немедленно по объявлении несостоятельности, опись имущества и опечатание книг и писем несостоятельного (ст. 7); затем Советник назначался «присутствовать при деле»; он сдавал кураторам книги и письма по описи и, надо полагать, присутствовал при рассмотрении книг и писем (ст. 18); разрешал кураторам «брать с собою в другое место» книги и письма (ст. 25 Устава о кураторах). Относительно терминологии в статьях Устава, говорящих о Советнике Коллегии, замечается некоторая неточность: в двух статьях говорится о «члене» Коллегии, в одной о «Коммерции Советнике». Таких официальных названий не существовало. Членами Коллегий были Советники и Ассессоры. Что в конкурсных делах исполняли особые обязанности именно Советники,

---

⁵⁶ ПСЗ. № 3318

⁵⁷ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. — С.-Петербург, 1875–1877. — Том 1. — С. 331.

видно из того, что член, состоящий «при деле», в одном месте назван «Советником», но Советником не «Коммерц-коллегии», а для краткости «Коммерции» (подобные сокращения часто встречаются, например, Коммерц-коллегии Контора иногда назывались просто «Коммерц-контора» (ст. 12)).

К конкурсным установлениям принадлежат также *б) кураторы*. По спорному в настоящее время вопросу о существовании кураторства Устав вполне удовлетворяет требованиям той смешанной теории, по которой куратор, представляя интересы и кредиторов, и должника, уравнивая их, является должностным лицом, органом государства, действующим по поручению суда⁵⁸. Устав выразил эту мысль весьма рельефно. Утвержденный в должности или назначенный Коммерц-коллегией, куратор действует под ее надзором; ему дается от коллегии «полномочие», дабы он мог им во всех делах «для очищения своего пользоваться» (ст. 2 Устава о кураторах, далее также УоК). Введение должности куратора мотивируется Уставом тем, что «имение без смотра оставлено быть не может» (введение к УоК) — мотив государственный, полицейский. Будучи должностным лицом, куратор в то же время, с одной стороны, представитель кредиторов: он управляет «имением кредиторским», управляет им «к пользе кредиторов наилучше» (введение к УоК); с другой стороны, он представитель должника: кураторы должны, говорит Устав, «вместо должни-

---

⁵⁸ Cosack K. Das Anfechtungsrecht der Gläubiger eines zahlungsfähigen Schuldners innerhalb und ausserhalb des Konkurses nach deutschem Reichsrecht. Stuttgart. 1884. S. 234–236.

ка быть и то же чинить, что должнику надлежало» (введение к УоК).

Кураторы в числе четырех человек или выбирались наличными кредиторами, или назначались Коммерц-коллегией. Выборы и заявление об их результатах должны последовать на другой день по истечении двухнедельного срока со дня публикации о вызове кредиторов (ст. 16). Выбранные кредиторами подтверждались Коллегией немедленно, если к тому не встречалось препятствия (ст. 17). Назначение же кураторов Коллегией «по должности» могло последовать лишь при одном из двух условий: во-первых, «когда кредиторы в представлении кураторов не могли согласиться», или, во-вторых, когда вышеупомянутый срок заявления о выбранных кураторах истек (ст. 17). Устав высказывается решительно в пользу выборного начала; он карает кредиторов, не воспользовавшихся своим правом; если для назначения кураторов какие-либо «расходы ... воспотребуются», то они обязаны их возместить. Мотивируется это тем, что «они одни в медлении виновны» и «отлучные кредиторы отягощены быть не имеют» (ст. 17). После утверждения выбранных или назначения кураторов они приводятся к присяге (ст. 18).

Что касается условий, которым должны удовлетворять кредиторы, определяемые в кураторы, то Устав указывает на них, лишь имея в виду лиц, выбираемых в кураторы; об условиях, касающихся кураторов, назначаемых Коллегиею, ничего не сказано, но смело можно утверждать, что первые могут быть применены и к лицам, назначаемым в кураторы. Условия эти сводятся к трем категориям: одни суть условия, касающиеся нравственных качеств

этих лиц, другие — положения в конкурсе среди других кредиторов, третьи — подданства. К условиям первого рода относится то, что кураторами должны быть выбраны люди «добрые и надежные» (ст. 16), и утверждены они могут быть «буде (окажутся) неподозрительны» (ст. 17). Условие второго рода заключается в том, что кураторы выбираются из числа кредиторов пятого (низшего) класса, то есть из тех, «кои меньше всех правости имеют» (ст. 16). Составитель Устава, вероятно, исходил тут из того положения, что кураторы из числа кредиторов последнего класса: 1) будут более беспристрастными судьями: они мало теряют вследствие несостоятельности должника, а потому и питают к нему меньшую злобу; 2) приложат больше старания к увеличению активной массы: только при благоприятных условиях они могут получить удовлетворение из массы; это заставляет их действовать особенно усердно. Третье условие такого рода, что подданство должника определяет собою то, из каких подданных должны быть выбраны кураторы. Если должник русский и все кредиторы его тоже, то все четыре куратора выбираются из русских, что, конечно, иначе и быть не может, ибо кураторы выбираются из кредиторов, так что и упоминать об этом незачем было. Если же должник иностранец, а кредиторы и русские, и иностранцы, то выбираются в кураторы двое русских и двое иностранцев (ст. 16).

Должность куратора есть *munus publicum /общественная обязанность/* — лицо, выбранное или назначенное, не может отказаться. Это положение прямо выражено в Уставе в такой форме: «Ежели кто в кураторы выбран или... назначен будет,

а имеет законные резоны представить, для которых ему в ту должность вступить невозможно, то представить оные немедленно, которые по обстоятельству дела и в рассуждение приняты быть надлежат» (ст. 23 УоК). Следовательно, освобожден от кураторства может быть лишь кредитор, представивший законные (неизвестно какие) резоны. А между тем в начале той же статьи находим мысль, противоречащую этому положению, а именно, сказано, что «кураторам от кураторства, когда однажды на себя сняли, не отставать». Выходит, как будто кураторы принимают на себя должность, то есть могут принять или не принять, а «однажды» приняв, не могут отказаться. Но такое толкование слишком противоречит прямому смыслу дальнейших слов статьи, а потому правильное разумеет под «на себя сняли». — «приняли на себя, хотя бы против желания». Кредитор, имеющий законные (?) резоны уклониться от кураторства, может ими воспользоваться не только «немедленно» по избрании или назначении, но и «во время кураторства», если «та же причина приключится, от которой ему в продолжение оного явная остановка будет». На место уклонившегося куратора избирается новый на общем основании (ст. 23 УоК).

Кураторы действуют в конкурсе сообща, как отдельное установление, имеющее свое отдельное помещение «на кошт общей массы», своего бухгалтера, назначаемого с согласия кредиторов пятого класса (ст. 24 УоК). Как установление, подчиненное Коммерц-коллегии, кураторы в затруднительных случаях могли обращаться к ней за разъяснениями (ст. 26 УоК). Председателем собрания кураторов был, веро-

ятно, тот Советник Коллегии, который назначался «присутствовать при деле» (ст. 25 УоК). Круг обязанностей кураторов, по существу, весьма обширен и определяется Уставом таким образом: «имуществом управлять, долги на людях взыскивать, товары и пожитки распродать, с кредиторами расчет чинить, и напоследи всякому, что его собственное, возратить и долги заплатить» (введение к УоК)⁵⁹. Общей ответственности кураторы подвергались:

а) за медленность: если в течение года дело не будет окончено (разве бы были приведены достаточные резоны), то кураторы обязаны: 1) «сами снести дальние расходы», то есть отвечать за убытки, причиненные их медлительностью, например, уплатить за наем помещения, жалованье бухгалтеру и др., 2) «заплатить кредиторам с имеющегося в массе капитала их» по расчету времени 12% годовых (ст. 27 УоК);

б) за чрезмерные расходы; Устав категорически объявляет, что «никакие расходы зачтены не будут, кроме тех, кои необходимо потребны, с росписками отданы и в особливую книгу записаны» (ст. 17 УоК);

---

⁵⁹ По существу, здесь четко приведен перечень обязанностей, которые в современном законодательстве о банкротстве возлагается на арбитражного управляющего. В то же время эти обязанности возлагаются на орган, сопоставимый с комитетом кредиторов в его современном понимании. Полагаем, что это можно объяснить значительно более прокредиторской ориентацией законодательства о банкротстве XVIII века. Однако, как видно из дальнейшего изложения, и ответственность на кураторов возлагается гораздо более серьезная, чем на современных арбитражных управляющих. Любопытно, что они материально отвечают за затягивание процедуры банкротства. Какой-то вариант подобной ответственности, пожалуй, не помешал бы и сейчас.

в) в том случае, когда деньги, принадлежащие массе, от небрежения кураторского пропадут (ст. 16 УоК).

Ответственность отдельных кураторов выражается в плате денежного штрафа в размере 1000 рублей: 1) за уклонение от обязанностей куратора (ст. 23 УоК) и 2) за уноску книг и писем несостоятельного на дом без разрешения Советника (ст. 25 УоК).

Наконец, третьим конкурсным установлением является *в) собрание кредиторов*. По Уставу, эти собрания представляют нечто неорганизованное; он говорит лишь о действиях, которые совершаются всеми или некоторыми кредиторами. Действия эти такого рода, что предполагают общее обсуждение. Так, 1) собрание всех наличных кредиторов предполагается: а) при избрании кураторов (ст. 16, 23); б) при решении вопроса о том, должны ли товары, предназначенные к «заморскому отпуску», быть отпущены или проданы, причем мнению кредиторов пятого класса кураторам предписывается придавать «особливое» значение (ст. 5 УоК); в) при заключении сделки, на основании которой несостоятельному должнику оставляется часть его денег «для отправления впредь торга» или «на пропитание» (ст. 24). Затем 2) собрание кредиторов пятого класса предполагается при назначении бухгалтера (ст. 24). Наконец, 3) в тех случаях, когда кураторы пожелают обратиться за разъяснением того или другого вопроса к Коммерц-коллегии, они должны выслушать («взять») мнение кредиторов третьего и пятого классов (ст. 26), что тоже требует общего их собрания. Трудно сказать, почему тут исключены все кредиторы четвертого класса. К классу этому отнесены

сироты и кредиторы по «закладным обязательствам» (ст. 5 Регламента)⁶⁰. Последние, конечно, могли бы участвовать в обсуждении вопросов, решаемых кредиторами третьего и пятого классов. Вероятно, это редакционный недосмотр. Вторая часть статьи 5 Регламента, где речь идет о кредиторах по «закладным обязательствам», быть может, позднейшая прибавка, несогласованная со статьей 26 устава о кураторах.

Вторую категорией органов конкурсного процесса являются *стороны*, а именно:

1) несостоятельный должник. Юридическое положение должника, впавшего в несостоятельность, различно по различию трех периодов: со времени фактической несостоятельности до «объявления» несостоятельным, затем от объявления до конца конкурса и, наконец, от прекращения конкурса до полного удовлетворения всех кредиторов.

Первый период характеризуется тем, что должник «усматривает, что платить не в состоянии» (ст. 6), «усматривает уже свое банкротство» (ст. 14). Ввиду такого положения его дел, ради охранения интересов кредиторов, ему предписывается:

- а) торговлю прекратить: он «повинен того же часу торг свой покинуть»;
- б) «никому ничего не платить»;
- в) «более долгов уже не чинить» (все — ст. 6);
- и г) «по дружбе или другим приметам» никаких «рописок или поступных писем» не выдавать и «переводов не чинить» (ст. 14).

---

⁶⁰ Здесь и далее по тексту термин «заклад» употребляется автором в более общем значении залога.

Последствия нарушения первых трех запрещений не указаны в Уставе; они понятны: нарушение первого запрещения имеет значение при определении свойства несостоятельности; продолжение торговли есть действие, благодаря которому несостоятельность, по существу, неосторожная, по Уставу является злостною. Нарушения второго и третьего родов влекут за собою, вероятно, возврат кредиторами в массу всего полученного ими от должника и признание вновь «учиненных» долгов недействительными. Что же касается «росписок, поступных писем и переводов», то Устав предписывает их «уничтожить, и ни во что не ставить», а «деньги и вещи брать в общую массу». Но эта ничтожность, как оказывается, не есть ничтожность абсолютная, то есть всегда лишаящая акт всякой силы по отношению к третьим лицам; для признания такого акта абсолютно ничтожным Устав требует так называемой *conscientia fraudis* /*сознание злонамеренности*/ или, как он выражается, чтобы противник «о состоянии должника был известен»; если же он о состоянии этом не был известен, то ему нельзя «претензии своей лишены быть» (ст. 14), то есть право, на акте основанное, остается в силе. Так что при *conscientia fraudis* «росписки, поступные письма и переводы» абсолютно ничтожны, а при отсутствии ее они ничтожны лишь по отношению к конкурсным кредиторам, сохраняя полную свою силу между лицом, принявшим их, и должником, то есть они относительно ничтожны⁶¹. Практически это

---

⁶¹ Menzel A. Das Anfechtungsrecht der Gläubiger nach Österreichischem Rechte. 1886. S.11.

важно в том отношении, что, если должник «паки пожиточен будет» и все конкурсные кредиторы его будут удовлетворены, кредиторы его по распискам, поступным письмам и переводам, как не лишенные своих «претензий», могут с него потребовать должное. Но эта относительная ничтожность⁶² может быть признана лишь в том случае, когда лицо, принявшее расписку, поступное письмо или перевод, действительно имело «претензию» на должнике; если же оно «на банкротовщике никакой претензии не имеет», то есть самая сделка фиктивна, то акт почитается абсолютно ничтожным; независимо от того, такой кредитор обязан «вместо штрафа» уплатить в Коммерц-коллегии «вдвое против того,

---

⁶² Термин «относительная ничтожность» используется иногда и в современной литературе в качестве синонима оспоримых сделок. Вместе с тем относительную ничтожность (или относительную недействительность — *relative Unwirksamkeit*) не следует смешивать с оспоримостью. Оспоримые сделки, будучи вначале действительными, после оспаривания становятся недействительными абсолютно, в отношении всех и каждого. Относительно недействительные (ничтожные) сделки изначально не имеют силы в отношении конкретных заинтересованных лиц, в сделке не участвовавших; для всех же остальных, в том числе для контрагентов, они полностью действительны. Например, § 135 Германского гражданского уложения (ГГУ) устанавливает, что если распоряжение предметом нарушает предусмотренный законом запрет его отчуждать, направленный на защиту интересов только определенных лиц, то распоряжение недействительно лишь в отношении этих лиц. Норма аналогичного содержания предусмотрена в § 135 ГГУ (более подробно см., например, Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. — М., 2007 // Цит. по СПС «Консультант-Плюс»).

во сколько росписка, поступное письмо или перевод обойдется», а если заплатить не в состоянии, то для заработка этой суммы он «к строению крепости осужден быть имеет» (ст. 14).

Во втором периоде, со времени «объявления» должника банкротом:

а) должник берется «под арест»; но эта мера могла быть устранена поручительством, в форме *cautio iudicio sisti* /*гарантии того, что должник явится в суд*/ или, как выражается Устав, в том, что «до коллежского впредь определения не скроется и не сбежит» (ст. 5). Какое это определение? Надо думать — определение о свойстве несостоятельности. Если должник будет признан несчастным банкротом, то Коллегия определяла: «от поставленного по себе поручительство ... освободить» (ст. 14). Если же он будет признан злостным банкротом, то, надо полагать, ввиду грозящей ему смертной казни Коллегия определяла об арестовании его. Когда поручительство представлено быть не могло, должник оставался под арестом и освобождался лишь в случае признания его несчастным банкротом (ст. 19);

б) «при состоявшемся конкурсе, — говорит Устав, — имение должниково стало быть уже не его, но кредиторское, и ему им уже распоряжать не подлежит» (вступление к УоК). В этих видах на все его имущество — движимое (ст. 7) и недвижимое (ст. 15) — налагается арест; управление его имуществом переходит к кураторам (вступление к УоК); деньги или вещи, причитающиеся ему от других лиц, им приняты быть не должны; точно так же передача этих вещей или денег должнику или утайка их влечет для третьего лица ряд невыгодных

последствий: его предписывается держать под арестом, пока оно не уплатит в массу переданную или утаенную сумму или цену вещи, а также все убытки, причиненные утайкою; а если оно уплатить не в состоянии, «то заработать ему деньги при строении крепости». Если об этом платеже или утайке был сделан донос, то третье лицо должно было уплатить доносителю столько же, сколько уплатило в массу (ст. 13). Наконец, несостоятельный лишается права располагать имуществом, им во время конкурса полученным «по наследству или другим случаем» или нажитым (ст. 22). О праве должника вступать в договоры и о праве кредиторов оспаривать эти договоры во время конкурса в Уставе ничего не говорится, но, очевидно, что с этой стороны положение должника не может быть для него более благоприятным, чем в первом периоде. Должник лишается всего своего имущества — Устав оставляет «одни иногда личные нужные съестные припасы и его и домашних всedневные одежды»; давать же ему «деньги на пропитание» предписывается «вовсе отставить». Устав говорит, что прежде немалое количество денег «давано» было на пропитание — это, по его мнению, «весьма несправедливо есть, ибо кредиторам явные убытки от того происходят» (ст. 23). Но «кредиторы все или, по крайней мере, те, которые от того убыток понести могут», вправе ему предоставить не только средства к пропитанию, но и «для отправления впредь торга»; но они должны составить об этом особый «договор» и передать его на «конфирмацию» Коммерц-коллегии (ст. 24, 25).

Наконец, о третьем периоде можно говорить, лишь имея в виду несчастного банкрота, — злост-

ный банкрот, как мы видели, искупает вину животом, и о «дальном платеже» долгов не может быть и речи (ст. 10 Регламента). Что же касается банкротства несчастного, то все полученное и нажитое несостоятельным «кредиторам принадлежит»; ничего не утаивая, он обязан уплачивать долги кредиторам в том же порядке, в каком они получают удовлетворение во время конкурса; нарушение этой обязанности, как мы видели, влечет за собою ссылку на каторгу (ст. 21, 22, а также ст. 9 Регламента). После смерти несостоятельного обязанность эта переходит к его жене и детям; это мы выводим: 1) прямо из того, что: а) женино и детское (от прежнего супружества) имущества входят в конкурсную массу (ст. 28) и б) наследство, полученное женой после прекращения конкурса, идет в пользу кредиторов (ст. 10 Регламента), и 2) а *contrario /от обратного/* из того, что жена и дети казенного злостного банкрота, «ежели потом пожиточны будут к дальнему платежу и ежели масса достала, принуждены быть не могут» (ст. 10 Регламента); значит, при несчастной несостоятельности они могут быть к тому принуждены. Тут, однако, может возбудить сомнения выражение «и ежели масса достала»; можно думать, что жена и дети освобождаются от платежа лишь в том случае, если масса была достаточна для покрытия всех долгов. Но благодаря такому толкованию вся статья теряет свой смысл; если масса «достала» и долги все уплачены, то спрашивается, какие же «долги» казенный «заплатил своим животом»? Очевидно, здесь выражение «масса достала» означает «масса приобрела», то есть ежели в массу поступило еще новое имущество. Наконец, надо заметить, что, в какой мере имущество де-

тей от прежнего супружества входит в конкурсную массу, в такой же мере оно отвечает за долги после смерти их отца. Дети (но не жена) могут доказывать, что данное имущество «никогда в руки и во владение банкротовщиконо не пришло, но всегда отдельно оставалось» (ст. 29). Конечно, это право за ними сохранялось и по смерти отца, уже по прекращении конкурса — они отвечают лишь тем имуществом, которое не было отделено от отцовского.

Противниками несостоятельного должника в конкурсном процессе являются его 2) кредиторы. Между кредиторами надо различать конкурсных кредиторов от сепаратистов, *ex jure crediti /по сути, залогодателей/* и *ex jure dominiі /собственников вещей, переданных должнику/* и от кредиторов массы.

а) *Конкурсные кредиторы*. Это суть кредиторы по денежным обязательствам должника, не только личным, но и обеспеченным залогом; последние, однако, лишь в том случае, когда заложенная вещь не находится во владении кредитора. Это мы выводим из того, что по Уставу в том случае, когда залогодатель владеет заложенной вещью, он вовсе не принимает участия в конкурсе, ибо когда залог выкуплен кураторами, он получает долг от них (ст. 4 УоК), а если не выкуплен, то получает долг путем продажи вещи.⁶³ Но так как кредитор по «залогному обязательству» отнесен к числу конкурсных кре-

---

⁶³ Любопытный пример последовательной реализации принципа полного сохранения правового режима залога в банкротстве и лишение кредитора, требования которого обеспечены залогом (в этом случае залогом), возможности участвовать в процедуре банкротства.

диторов, то остается одно — предположить, что это залогоприниматель, не владеющий заложенной вещью. Конкурсными кредиторами могут быть туземцы и иностранцы (ст. 16), частные лица, безусловно исключая жену и детей (ст. 28, 29), и казна (ст. 11, ст. 2 Регламента), причем безразлично, наступил ли срок обязательства или нет; последнее положение прямо показано по отношению к векселям; а именно, сказано, что вексельный кредитор получает удовлетворение «без различия времени, когда вексельные письма даны и акцептованы, или по оным сроки минули» (ст. 4 Регламента), то есть минули или не минули — это безразлично. Это же правило Устав предписывает соблюдать и в отношении всяких долгов сиротам и кредиторам по так называемым «закладным обязательствам» (ст. 5 Регламента), не распространяя его на остальных кредиторов.

Права конкурсных кредиторов, по Уставу, чисто преклюзивного /пресекательного/ характера: незаявление о них влечет за собою безусловную потерю их; Устав говорит о лишении претензии (ст. 8), о том, что кредиторы «претензии своей лишены быть имеют» (ст. 9), если пропустят положенный для заявления срок, а именно: двухнедельный для кредиторов, в России живущих, и шестимесячный — для «заморских». И по окончании конкурса и разделе массы «претензии», которые могли быть, но не были заявлены, безусловно теряются; по окончании конкурса, говорит Устав, «никакого на должнику требования чинить более не позволяется» (ст. 10). Но если кредитор до окончания конкурса докажет, «что ему... прежде объявить никак невозможно было», то «претензия его может быть принята» (ст. 10).

Конкурсные кредиторы получают удовлетворение исключительно из массы (ст. 22), через кураторов (ст. 22 УоК), в порядке пяти классов; при конкурсе, говорит Устав, «разных сортов кредиторы друг перед другом преимущество имеют». Мотивируется это тем, что «понеже один кредитор лучше предостерегся или, ежели б мог, лучше бы берегся, нежели другой подлинно учинил, тако ж и один в суде весьма кратким образом, а другой чрез продолжительный процесс уже к платежу своему достигнуть может» (введение к Регламенту). Соответственно этим преимуществам они делятся на следующие пять классов. К первому классу отнесены долги казне, церкви и школе (ст. 2 Регламента); ко второму — расходы, «употребленные на конкурс» и «плата служителям несостоятельного на текущий год» (ст. 3 Регламента). К третьему классу отнесены долги по векселям (ст. 4 Регламента), сохранившим силу вексельного права (прим. 1 к ст. 4 Регламента); мотивируется это тем, что вексельные долги «для нужного в купечестве кредита привилегированы быть имеют». К четвертому классу Устав относит долги сиротам, «ибо праведно есть, чтобы о тех старание имелось, кои сами про себя стараться не могут», и кредиторам, права коих обеспечены залогом, не находящимся в их владении. Устав выражается о них очень туманно; он говорит, что это суть «кредиторы, у которых есть от банкротовщика обязательное письмо, в котором им известное, что в залог за их капитал обязалось и то почти всегда называется залогом обязательство» (ст. 5 Регламента). Тут, очевидно, типографская ошибка, вследствие которой вся тирада смысла не имеет: между словами «известное» и «что» должна быть поставлена не за-

пятая, как в тексте, а черта, благодаря чему получится выражение «известное-что» в смысле «что-либо». Наконец, к пятому классу отнесены долги по счетам, заручным письмам, векселям, потерявшим силу вексельного права, сохранным распискам, комиссионным сделкам, поверенным в кредит товарам, когда самих вещей, отданных на сохранение, в комиссию и в кредит «налицо уже не имелось и отделить было уже невозможно, по ассигнациям» и по другим долгам (ст. 6 Регламента). Удовлетворяются кредиторы при соблюдении следующих правил:

1) кредиторы каждого из последующих классов получают удовлетворение, когда кредиторы следующего класса вполне удовлетворены (ст. 4, 5 Регламента);

2) кредиторы каждого класса при недостаточности имущества получают по соразмерности, «по пропорции претензий их» (ст. 6 Регламента);

3) кредиторы не получают, со времени объявления о несостоятельности, процентов на свой капитал, разве бы они (проценты) «письменно обещались» или были определены «по указам и уставам» (ст. 7 Регламента);

и 4) кредиторы по общему правилу получают удовлетворение наличными деньгами (ст. 14 УоК), но: а) кредиторам пятого класса, при недостатке наличных денег, могут быть переданы «надежные еще не плаченные долги», то есть надежные долги, которые, однако, «несмотря на всякое о том старание, взысканы быть не могли или из чужестранных государств еще не получены», и б) кредиторам могут быть, в крайнем случае, переданы «ненадежные» долги, с которыми Коммерц-коллегия вообще может «поступить по усмотрению» (ст. 21 УоК).

Таково положение отдельных кредиторов в конкурсе. В общем, в совокупности Устав смотрит на них, как на собственников имущества, принадлежавшего должнику до объявления его несостоятельным. Устав говорит, что «все то, что его (должника) собственное, и так названо быть может, принадлежит кредиторам» (ст. 27), «имение должника во стало быть уже не его, а кредиторское» (введение в УоК). Это, очевидно, неверная квалификация отношения конкурсных кредиторов к имуществу должника: по смыслу Устава должник остается собственником своего имущества; если раз Устав признает за кредиторами право получить лишь столько, сколько причитается по их «претензиям», то он не может признавать их собственниками; он видит в них лиц, осуществляющих свое обязательственное право путем ликвидации имущества должника. За ними можно и по Уставу признать право судебного залога на это имущество⁶⁴.

б) *Сепаратисты ex jure crediti /по праву кредитора/*. Таковыми признаются кредиторы, хотя тоже имеющие личные требования, но получающие удовлетворение не из массы, а из определенного, не входящего в ее состав имущества, например, залогопринимателя. Залогоприниматели считаются, как мы видели, конкурсными кредиторами лишь в том случае, если не владеют залогом, в противном случае они получают удовлетворение двояким образом: 1) если «залог стоить будет больше», чем взято денег под его обеспечение, «то, возвратя занятые

---

⁶⁴ Hellmann F. Lehrbuch des deutschen Civilprocessrechts. S. 966–968.

за оный деньги, отобрать назад»; после такого выкупа вещь поступает в массу (ст. 4 УоК), или 2) если кураторы не признают выгодным выкуп, вещь остается у залогопринимателя и он получает удовлетворение путем продажи ее.

в) *Сепаратисты ex jure dominii /по праву собственника/*. Это суть лица, коих собственное имущество окажется у несостоятельного. Имущество это им возвращается и в массу не входит. Устав указывает на три основания, по которым чужое имущество может находиться в обладании должника:

1) Отдача на сохранение. Устав дает весьма полную характеристику договору поклажи. Так, предметом ее могут быть «пожитки, товар и деньги»; отдаются они «под охранение», «в запечатанных ящиках, кипах или мешках», с обязательством ими «не распорядиться и на свою потребу или пользу не употреблять»; но относительно этого обязательства Устав делает оговорку: «кроме некоторого известного случая и уговора, который, однако, не приключился»; это, кажется, следует понимать в том смысле, что если поклажепринимателю под известным условием предоставлено было право распоряжения и пользования вещью, отданною на хранение, и условие это не сбылось, то отношение рассматривается как поклада, в противном случае, то есть, когда условие сбылось, поклажедатель не может пользоваться выгодами, связанными с поклажей при конкурсе. Наконец, не должно быть «малого какого сомнительства» в том, что под поклажею не скрывается какой-либо другой акт; поклажедатель должен это «ясными и неоспоримыми

доказательствами утвердить»; если не требовать этих доказательств, «то бы многие, как говорит Устав, могли о претензиях своих объявлять, будто под охранение отдали, и тем прочих кредиторов обижать». При этих условиях поклажедатель может требовать выдачи ему имущества, так как оно его «собственное есть и осталось» (ст. 26).

2) Отдача на комиссию. Комитенту возвращаются товары лишь в том случае, если они «не троганы, за хозяйским клеймом еще налицо имеются» (ст. 27). Составитель Устава не воспользовался в этом случае указом 1 марта 1736 года, на основании которого, как мы выше видели, товар, отданный на комиссию, мог быть возвращен «хозяину», хотя бы и был «начат немного»⁶⁵.

3) Отдача в «заем». Так как тут речь идет о товаре, то надо думать, что под «займом» следует разуметь «кредит». Так что возврату подлежит товар, купленный в кредит (ст. 27).

Наконец, г) *кредиторов массы* Устав причисляет ко второму классу (расходы).

Рассмотрев вопрос об органах конкурсного процесса, переходим к вопросу о *конкурсной массе*. Под «массою» или «общемою суммою» Устав понимает так называемую активную массу, то есть имущество несостоятельного, подлежащее разделу между конкурсными кредиторами (ст. 10, 14, 28, 29; ст. 16, 24 УоК; ст. 4, 9, 10 Регламента). В массу входит имущество, не только принадлежащее должнику в момент откры-

---

⁶⁵ ПСЗ. № 6905

тия конкурса, но и в течение конкурса приобретенное им каким бы то ни было способом (ст. 22); имущество, принадлежащее не только ему, но и его жене, и ею приобретенное по наследству или другим «случаям». Ответственность жен мотивируется тем, что «оне вовсе повинны несчастье мужей своих с ними свести, и в прочем всякий подлог тем предостерегается» (ст. 28). Входит в массу как движимое (деньги, пожитки, товары) (ст. 7, 22, 27; ст. 3, 5, 7, 11, 13, 21 УоК), так и недвижимое имущество (имения) (ст. 15; ст. 7 УоК).

В конкурсной массе следует различать имущество наличное, как налицо находящееся, от имущества долгового, как состоящего на других лицах по тому или другому основанию.

А) *Наличное имущество*. В состав его, кроме собственного и жениного, входит имущество детей несостоятельного от прежнего брака; но им, как мы видели выше, предоставляется доказать, что данная вещь никогда не находилась во владении их отца «и всегда отделена оставалась»; тогда она исключается из описи (ст. 29). Почему здесь речь идет лишь о детях от прежнего брака, а не от настоящего, сказать трудно. Очень может быть, что тут имеются в виду жены должника от прежнего брака, то есть его пасынки и падчерицы, как это и было понято впоследствии при переработке Устава.

От самого должника все отбиралось, кроме платья и съестных припасов (ст. 7, 23). Товары, которые «на лицо имеются» и предназначаются «к заморскому отпуску», не всегда включаются в массу. Устав различает два случая: когда накладная («коносомент») уже послана к покупщику, и когда она к нему еще не послана. В первом случае, по признанию «ко-

носоменты» подлинным, товар должен быть отправлен; во втором случае он может быть и не отправлен, если кураторы, по соглашению с кредиторами, преимущественно пятого класса, или теми, которые «вящий интерес в том имеют», признают это более выгодным; в этом случае товар поступает в массу (ст. 5. 6 УоК). Наконец, в массе остается:

1) товар, взятый несостоятельным на комиссию, если он «троган и не за хозяйским клеймом» (ст. 27);

2) вещи, хотя и отданные ему на сохранение, но не в «запечатанных ящиках, кипах или мешках», и, вообще, когда есть хотя «малое сомнительство» в том, что под поклажею скрывается другая сделка (ст. 26);

3) товары, якобы запроданные, при подложности коносамента (ст. 6 УоК);

4) вообще, вещи, которые должны были поступить к другому лицу, но суд признал, что лицо это «на банкротовщике никакой претензии не имеет» (ст. 14).

Б) *Долговое имущество*. Сюда относятся:

1) долги на других лицах. Должники несостоятельного сами должны вручить суду причитающиеся с них деньги или вещи (ст. 13); в противном случае, «по тоекратном требовании», с них деньги или вещи эти взыскиваются (ст. 11 УоК); при безуспешности взыскания в массу поступают долговые документы (ст. 21 УоК);

2) заложенные вещи, находящиеся во владении залогопринимателя; если кураторы, как мы видели выше, признают это выгодным, они могут выкупить залоговые и включить их в массу (ст. 4 УоК);

3) вещи, отданные несостоятельному на сохранение (ст. 12);

4) вещи, перешедшие *in fraudem creditorum* к постороннему лицу «по дружбе или для других приметок» (ст. 14);

5) вообще вещи несостоятельного, находящиеся каким-либо образом в чужих руках; они возвращаются в массу. Из этой-то общей суммы или массы и *ex jure domini*, получают удовлетворение конкурсные кредиторы (ст. 1 Регламента).

Наконец обращаемся к вопросу о *конкурсном производстве*. Открывается процесс подачею должником «доношения» о том, что он платить долгов не в состоянии. Подано оно должно быть «по крайней мере в трои сутки с того времени, как должник о несчастьи своем уведомился», то есть по книгам своим пришел к сознанию своей фактической несостоятельности. В «доношении» этом он должен указать на обстоятельства, приведшие его в такое состояние, и представить тому доказательства. К доношению должна быть приложена «правдивая роспись»: 1) долгов его другим лицам; 2) долгов других лиц ему; 3) всего его наличного состояния, имения. «Правдивость» этой росписи он обязан «по требованию» (суда или кредиторов) подтвердить присягою (ст. 2). Может ли конкурс быть открыт и по требованию кредиторов, а также Коммерц-коллегии или других установлений *ex officio /в силу должностных обязанностей/* — об этом Устав не говорит. Если составитель Устава видел в этой подаче доношения единственный способ обнаружения банкротства, то он впал в непримиримое противоречие с самим собой. Ведь, по Уставу, объявление о своей факти-

ческой несостоятельности есть такого рода обязанность, неисполнение которой влечет за собою признание должника «банкротовщиком обманным». Как же, спрашивается, признать его таковым? Откуда-нибудь да должна же исходить инициатива, а исходить она может от кредиторов, как от лиц заинтересованных. Немедленно по принятии «доношения» Коммерц-коллегия:

1) поручает одному из своих членов и секретарю составить подробную опись товарам, пожиткам и домашним вещам и принять на хранение конторские книги и письма;

2) постановляет определение об аресте должника или принимает поручительство (ст. 7);

3) распоряжается о производстве «публикации»; в Санкт-Петербурге публикация производится «через напечатание в публичных ведомостях и с барабанным боем в три дня сряду», а в другие города посылаются указы (в Коммерц-контору и в ратуши); в публикациях и указах этих делается вызов кредиторам и должникам несостоятельного, дабы они в положенные сроки явились: в Петербурге обретающиеся и заморские «через своих полномочных или корреспондентов» в Коммерц-коллегию, в Москве обретающиеся — в Коммерц-коллегии Контору, а в других городах — в ратуши (ст. 8, 9, 12);

и 4) если у должника окажется где-либо недвижимое имение, то на него «немедленно налагается арест»; если оно находится за границею, то о наложении ареста направляются «субсидиальные письма к тем начальствам, в которых ведомстве имение находится» (ст. 15). До истечения положенных сроков кредиторы должны явиться в судебное место «с

претензиями своими и принадлежащими документами». Коммерц-коллегии Контора и ратуши, сняв копии с этих документов, отсылают подлинники «по крайней мере в неделю» в Коммерц-коллегию, под страхом уплаты 25 рублей штрафа и вознаграждения за убытки (ст. 8). По истечении двухнедельного срока, на другой день, наличные кредиторы должны явиться в Коммерц-коллегию и представить выбранных ими кураторов (ст. 16); по утверждении их или по назначению других «от должности», Коммерц-коллегия предлагает кураторам принести присягу (ст. 1 УоК). Присяга принимается на другой день по определению на должность в присутствии кредиторов, «кои при том быть желают». Затем назначается член Коллегии, вероятно, тот, который описал имущество, для присутствования «при деле»; он по описи сдает кураторам движимость, «книги и письма банкротовщика» и, для свидетельства и сличения с книгами и письмами (ст. 24 УоК), документы, предъявленные кредиторами. Все это перевозится ими в особо нанятое помещение (ст. 14; ст. 2 УоК). Коммерц-коллегия выдает кураторам полномочия на русском и немецком⁶⁶ языках (ст. 2 УоК). Первым делом кураторов по рассмотрении всех документов является: решить вопрос о свойстве несостоятельности и, если они признают, что несостоятельность несчастная, сообщить Коммерц-коллегии, «дабы банкротовщик из-под ареста и от поставленного по себе поручительства осво-

---

⁶⁶ Это может свидетельствовать как о немецких корнях Устава, так и об общепринятом использовании немецкого языка в хозяйственном обороте.

божден быть мог» (ст. 19; ст. ст. 9, 10 УоК). Найдя в имуществе несостоятельного вещи, подлежащие скорой порче, кураторы, как это было и до Устава⁶⁷, немедленно, по троекратной публикации, продают их с публичного торга (ст. 3 УоК). Затем, восполнив деятельность Коммерц-коллегии, буде окажется недвижимое имение еще не арестованное, то есть, наложив на него арест (ст. 8 УоК) и дополнив роспись долгов и имения, представленную должником (ст. 7 УоК), кураторы приступают к составлению активной массы на основании вышеизложенных правил. Собрав все наличные и на других лицах состоящие вещи, они назначают аукционную продажу, производя о том троекратную публикацию (ст. 13 УоК), в продаже этой могут принять участие и сами кредиторы, но никакие зачеты тут невозможны: должны быть уплачены наличные деньги (ст. 15 УоК); вообще никому из приобретателей никаких отсрочек не дается, и деньги должны быть уплачены тотчас же; если же кураторы (а не «кредиторы», как, очевидно, благодаря опечатке, говорит Устав) кому в долг поверят, то сами должны внести деньги (ст. 14 УоК). Вырученные от продажи деньги кураторы должны записать в особую книгу и хранить в целости под своею ответственностью (ст. 16 УоК). Когда все имущество продано, деньги собраны, все претензии кредиторов рассмотрены, кураторы должны составить расписание долгов несостоятельного, указав самые основания долга и расчет удовлетворения («разчеты учинить»), и при рапорте подать это расписание в Коммерц-коллегию. Коммерц-кол-

---

⁶⁷ Указ 22 июня 1738 года. ПСЗ. № 7606

легия, положив «резолюцию о росписании классов», препровождает ее к кураторам, которые в двухнедельный срок должны привести ее в исполнение и «Коллегии о том рапортовать» (ст. 20 УоК). Таково содержание устава о банкротях 1740 года.

II. Банкротский устав 1753 года

По собственному своему почину Сенат в 1753 году рассмотрел вновь устав 1740 года. «Сочиненный» им Устав в том же году был поднесен Императрице *Елизавете Петровне* при докладе, в котором Сенат указывает на тот общеизвестный в то время факт, что многие иностранные и русские купцы «набирают в долг немалые суммы наличными деньгами и товарами», а затем объявляют себя банкротами; но через некоторое время «таким чужим похищенным капиталом» снова пускаются в торговые обороты и наживают состояние, не думая удовлетворить своих кредиторов; когда же те к ним обращаются, но они отвечают, что «после приключившегося им несчастья некоторые капиталы получили по наследству и другим образом». «Сенат, признавая сие за явный обман и совершенное плутовство, необходимо по должности своей принужден нашелся к пресечению такого видимого плутовства и обманства, и как то в прочих государствах есть, сочинить особливый о банкротах устав». В общем составе, система, содержание и редакция большинства статей устава 1740 года остались без изменения, но некоторые лишь статьи подверглись коренной переделке. Сам Сенат говорит, что в его проекте «некоторое против прежнего отменено, а другое приполнено». Не останавливаясь на целом

ряде редакционных изменений⁶⁸, мы укажем лишь на существенные переделки.

Как сказано выше, уставу 1740 года предпослан указ, коим ему придана обратная сила в том смысле, что конкурсные дела, еще окончательно не разрешенные, должны были быть перерешаемы по новому Уставу. Заключение устава 1753 года содержит в себе правило противоположное. «А кои до состояния и публикации сего устава в банкротство впали, с такими поступать по уложению и по тогдашним прежним указам». Конечно, и по уставу 1740 года банкротские дела, уже оконченные, не перерешались, но по уставу 1753 года сила его не распространялась не только на эти оконченные дела, но и на дела начавшиеся, но еще не оконченные. Выходит, следовательно, что устав смотрит на фактическое наступление несостоятельности как на факт процессуальный и ставит вопрос о применении нового или старого конкурсно-процессуального закона в зависимость от того, когда совершился в сущности материально-правовой факт «впадения в банкротство».

Оставив без изменения постановления устава 1740 года, касающиеся несостоятельности, Сенат

---

⁶⁸ В ст. 7 слово «положение» выпущено, в ст. 18 переставлено одно предложение, и слова «по подаче» заменены словом «вступившие», в ст. 32 слова «чего ради» перенесены в ст. 22, в ст. 22 прибавлено слово «коим», в ст. 22, 26, 27, 28, 29 и 37, в Уставе о кураторах в ст. 24 и 27 слово «масса» заменено словами «общая сумма», в ст. 24 слово «усмотря» выпущено, в ст. 27 «для чего» выпущено, в ст. 35 слово «Сюда» заменено «К сему», в Уставе о кураторах в ст. 7 вместо слова «где» — «здесь или инде — где», в ст. 8 прибавлено слово «о банкроте», в ст. 21 переставлено слово «подать» и прибавлено «против вышеписанного». Прим. автора.

изменил постановления, определяющие различие между «безвинным» и «обманным» банкротством по личным для несостоятельного должника последствиям. По уставу 1740 года безвинный банкрот ссылался на каторгу только в том случае, если будет уличен в том, что по окончании конкурса удовлетворил своих кредиторов из недополученной им в конкурсе сумме не в порядке, предписанном Уставом, или утаил вновь приобретенное имущество. Каторга тут назначалась безусловно. Устав 1753 года ограничил ее тем условием, что «ежели одного, то есть имущества, не достанет» на полное удовлетворение всех кредиторов. Следовательно, если в данном случае обнаружится, что должник, например, получил известную сумму по наследству и удовлетворил не в указанном порядке своих кредиторов или скрыл полученную сумму, то его надлежало сослать в каторгу лишь в том случае, если не все кредиторы его из этой суммы будут вполне удовлетворены; если же из полученной по наследству суммы он в произвольном порядке удовлетворит всех своих кредиторов или уличен будет в утайке суммы, вполне покрывающей долги всех кредиторов, то он от наказания освобождался. Его приговаривали к каторге по двум причинам, а именно, как выражается устав, за «достальной долг» и «что онный банкротовщик пожитки свои утаить старался», то есть за неуплату долга и за утайку. Утайке, следовательно, не придавалось самостоятельного значения. Если должник и уличался в утайке, и окажется, что «достального долга» у него нет и «он кредиторов своих совершенно удовлетворил», то его надлежало от каторги освободить. В уставе 1740 года этого ограничения не было, и Сенат внес в свой проект поста-

новление об этой долговой каторге с целью провести мысль, которую, как мы увидим ниже, он через девять лет хотел даже изложить в особом всеподданнейшем докладе, — мысль об отмене указа 1736 года. Указав на то, что от каторги банкрот освобождается благодаря полному удовлетворению своих кредиторов, Сенат прибавляет «а на окуп такого банкротовщика из платежа по двадцать по четыре рубля на год, как то прежде бывало, отнюдь никому не отдавать». Мотивы этого дополнения к уставу 1740 года были изложены Сенатом в 1762 году и нам известны. Значит, уже в 1753 году Сенат знал о существовании тех злоупотреблений, какие практиковались при применении указа 1736 года. Но нельзя сказать, чтобы Сенат, сделав указанное дополнение к уставу 1740 года, осуществил свою мысль вполне. Ведь указ 1736 года относился до всех несостоятельных должников, будь у них один или несколько кредиторов, а устав 1753 года имел в виду лишь банкротов и, следовательно, если бы он вступил силу, то зло было бы устранено лишь наполовину, — вся масса несостоятельных должников, имеющих одного кредитора, все-таки могла практиковать изложенный в докладе Сената путь к почти безнаказанному обману своих кредиторов — уплата 24 рублей в год при громадном долге чрезвычайно льготная рассрочка. Ниже мы увидим, что упомянутую мысль, даже по отношению к банкротам, Сенат не сумел осуществить надлежащим образом.

«Обманного» банкрота по уставу 1740 года надлежало «казнить смертью и повесить». В уставе 1753 года этого последнего слова нет, то есть форма смертной казни не определена. Мало того, к ст. 31 сделано такое дополнение: «для того, кто к такой казни осужден бу-

дет о таких представлять в Правительствующий Сенат и дожидать указа, а до получения одного ссылать таких осужденных на смерть банкротов в Рогорвик⁶⁹ и употреблять с прочими в работу». Дополнение это сделано было, конечно, в видах согласования устава с теми указами Сената, коими он запретил приводить в исполнение смертные приговоры без сенатского утверждения. Сенат воспользовался своим тогдашним высоким и самостоятельным политическим положением⁷⁰ и провел в уставе о банкротстве мысль о фактической отмене смертной казни. Заменяя ее по отношению к банкротам каторгой, он забыл о другой мысли — отмене указа 1736 года. Указав на отмену отдачи в заработки с платежом 24 рублей в год по отношению к таким безвинным банкротам, которые уже по окончании конкурса приобрели имущество и скрыли его от всех или от некоторых кредиторов, Сенат забыл упомянуть об этой отмене по отношению к таким банкротам, которые не только признаны «обманными», но осуждены на смерть. Очень может быть, что Сенат различал ссылку с употреблением на работу от каторги, и, не называя первую каторгой, тем именно хотел сказать, что указ 1736 года к этому случаю не может быть применен. Если так, то его можно обвинить если не в забывании, то в излишней уверенности в умственную и нравственную доброкачественность должностных лиц, заведовавших ссылкой в Рогервике. Если бы устав 1753 года

---

⁶⁹ Это, очевидно, Рогервик — нынешний балтийский порт. См. Неволин К. А. Общий список русских городов. Полное собрание сочинений. — Т. 4. — С. 79, 37. Прим. автора.

⁷⁰ См. Градовский А. Д. Указ. соч. — С. 250.

был подтвержден, затем, например, Коммерц-коллегия осудила злостного банкрота на смерть, представила о том в Сенат, сослала бы осужденного в Рогервик, и осужденный нашел бы лицо, которое согласилось взять его в заработки по 24 рубля в год, то мы не думаем, чтобы должностное лицо, заведовавшее ссылкой, не согласилось применить указ 1736 года и освободить осужденного. Вот почему мы выше и сказали, что внесением в ст. 23 устава правила о неприменении отдачи в заработки, Сенат и по отношению к банкротам далеко не осуществил своей мысли об отмене этой меры.

В вопросе об органах конкурсного процесса существенным изменениям подверглись постановления о *конкурсных установлениях*. В уставе 1740 года речь идет о Коммерц-коллегии, Московской конторе ее и ратушах, как о конкурсных судах. Устав 1753 года изменил компетенцию петербургского и московского конкурсных судов, а относительно местных судов дал лишь некоторые общие указания. В качестве конкурсных судов фигурируют: Коммерц-коллегия, Главный магистрат, учрежденное от Коммерц-коллегии Комиссарство, Контора Главного магистрата, Городовые магистраты и ратуши. Правила устава 1740 года, как мы выше сказали, написаны для одной Коммерц-коллегии, устав же 1753 года преподает правила деятельности в качестве чисто конкурсных судов не только Коллегии, но и Главному магистрату и его Конторе. Несостоятельный должник обязан заявить о своем «несчастье» именно этим учреждениям, эти учреждения распоряжаются об описи и описании имущества, они же публикуют о несостоятельности; должник несостоятельного и кредиторы,

выбравшие кураторов, обращаются в судебные учреждения Москвы, то есть в те же учреждения; затем устав уже не упоминает о новых учреждениях, а говорит об «определенных судебных местах».

1. Коммерц-коллегия и по уставу 1753 года отправляет двойную функцию, а именно: а) конкурсного суда первой степени; эта функция значительно сужена сравнительно с уставом 1740 года; Коллегии подведомы лишь те в Петербурге возникшие конкурсы, в которых банкрот «англинский купец». Затем, б) надзирающим учреждением Коллегия не признается по отношению ко всем местным конкурсным судам, а лишь по отношению к «учрежденному от оной в Москве Комиссарству». Это мы выводим из того, что присылались конкурсные дела для «освидетельствования, во всем ли по указу поступлено» в Коллегии и в Главный магистрат, как выражает Устав: «до которого места принадлежать будет». До Коллегии, надо полагать, «принадлежать будут» состоящие при московском Комиссарстве конкурсы над английскими купцами.

2. Главный магистрат являлся тем же, чем должна была быть Коллегия, но по отношению к купцам «другой какой-либо нации» и русским, причем для Москвы он был и судом первой степени, а надзирающая роль ему принадлежала по отношению роль ему принадлежала по отношению к его Конторе, к Городовым магистратам и ратушам.

3. Контора Главного магистрата была конкурсным судом первой степени для петербургских купцов, включая англичан.

Что, наконец, касается, 4. учрежденного от Коммерц-коллегии Комиссарства, 5. магистратов и 6. ратуш, то о них говорится лишь как о судах, действующ-

щих по реквизиции, по поручению. Первое действует в Москве, оно по поручению Коммерц-коллегии принимает заявления от кредиторов должника-англичанина, живущего в Петербурге, и отправляет в коллегию подлинники документов этих кредиторов; вторые и третьи делают то же самое в других городах по поручению Главного магистрата и его Конторы. И тут реквизиция сама по себе не указывает на то, что Комиссарство, магистраты и ратуши должны были быть конкурсными судами. Но то соображение, что Комиссарство было подчинено Коллегии, а магистраты и ратуши были подчинены Главному магистрату⁷¹, и что Устав возлагает на Коллегию и Главный магистрат освидетельствование дел, «совершенных в других местах, до которых принадлежать будут», убеждает, что Комиссарство, магистраты и ратуши должны были быть конкурсными судами. Но тут нельзя не указать на один редакционный недосмотр. В 37 статье устава 1740 года, где речь идет о присылке дел для освидетельствования, сказано, что присылаться должны дела по конкурсам, производившимся, кроме Петербурга и Москвы, в других местах. Это в связи с общим соображением дало нам право выше сказать, что московская Коммерц-коллегии Контора, как свободная от присылки дел в Коллегию, была в иерархическом отношении учреждением, независимым от Коммерц-коллегии. В уставе 1753 года предложение «кроме Петербурга и Москвы» осталось, и только лишь добавлено, что и в Главный магистрат эти дела должны быть посылаемы. Отсюда можно сделать такой вывод: следовательно, и Комиссарство, как на-

---

⁷¹ Дитятин И.И. Указ. соч. С. 347.

ходящееся в Москве, и Контора Главного магистрата, как находящаяся в Петербурге, были свободны от присылки дел, первое — в Коммерц-коллегии, вторая — в Главный магистрат, и, следовательно, были учреждениями независимыми, — вывод, противоречащий тому положению, в каком вообще Комиссарство стояло к Коллегии, Контора Главного магистрата — к Главному магистрату. Если бы Сенат имел в виду возможность такого вывода, то он, конечно, вместо слов «кроме Петербурга и Москвы, в других местах» написал бы «учрежденном от Коммерц-коллегии Комиссариате, в Конторе Главного магистрата, Городовых магистратах и ратушах».

Затем, в уставе 1753 года, сравнительно с уставом 1740 года, совершенно иное деление кредиторов на классы, иной порядок их удовлетворения. Число классов уменьшено — их четыре⁷². В первый класс отнесены кредиторы третьего класса, во второй — из первого класса казна, в третий — кредиторы второго класса, в четвертый — из первого класса церковь и школа, весь четвертый и весь пятый классы. Так что к первому классу причислены вексельные кредиторы. Сам составитель устава 1740 года говорит, что «вексельные долги привилегированы быть имеют, чтобы все другим долгам предпочтены были», а между тем отнес их к третьему классу. Сенат, совершенно последовательно в Уставе, предназначенном для купече-

---

⁷² Благодаря этому число статей изменилось; мы делим Регламент на 9 статей: 1-я — о сепаратистах, 2-я — о кредиторах первого класса, 3-я — второго, 4-я — третьего, 5-я — четвертого, 6-я и 7-я — о процентах, 8-я и 9-я — об удовлетворении кредиторов по окончании конкурса. Прим. автора.

ства, поставил на первый план долги по самым важным чисто торговым сделкам. Казне отведено менее выгодное положение, — она из первого класса перенесена во второй, причем сделано дополнение в том смысле, что долги, хотя и по векселям, но выданным казенному купеческому банку, причисляются ко второму классу. В третий класс перешли кредиторы массы и служители. В четвертом классе оказались церковь и школа рядом с сиротами и кредиторами, права коих обеспечены залогом, не находящимся в их владении; затем идут разные долги, включая туда и векселя, потерявшие силу вексельного права. Если положение церкви и школы ухудшено, то положение кредиторов по разным долгам значительно улучшено. Устав 1753 года говорит, что с другими кредиторами четвертого класса и эти последние получают «равномерно». По уставу 1740 года они получали неравномерно, например, с кредиторами-закладоприемателями, а как кредиторы пятого класса удовлетворялись после них. Затем общие правила удовлетворения кредиторов те же, что и в уставе 1740 года.

Наконец, некоторые изменения в уставе 1753 года произошли вследствие изменения классов: 1) Устав 1740 года указывал на кредиторов пятого класса, как на лиц, из которых должны быть избираемы кураторы; устав 1753 года, уничтожив целый класс, не изменил состава этих лиц — они избираются из последней группы кредиторов четвертого класса; 2) по уставу 1740 года при решении вопроса о том, должны ли товары, предназначенные к заморскому отпуску, быть проданы, предписывалось придавать особое значение мнению кредиторов «последнего» класса. В уставе 1753 года и правило это, и вы-

ражение «последнего» вполне сохранены; но так как последний класс кредиторов по этому уставу гораздо многочисленнее последнего класса устава 1740 года, то при решении вышеупомянутого вопроса по уставу 1753 года «особливое значение» должно было быть придано мнению не только кредиторов по разным долгам, но и представителям церкви, школы и сирот и закладоприемателям. То же самое следует сказать о выборе бухгалтера. Наконец, 3) по уставу 1740 года в затруднительных случаях кураторы могли обращаться к суду за разъяснением, выслушав предварительно мнение кредиторов третьего и пятого классов; в уставе 1753 года указывается в этом случае на мнение кредиторов первого и четвертого классов. Кредиторы третьего класса, как мы сказали, стали кредиторами первого класса, но круг кредиторов четвертого класса стал шире, и получилось, что в рассматриваемом случае кураторы должны выслушать мнение всех кредиторов, кроме представителей казны, кредиторов массы и служителей.

Устав 1753 года, поднесенный в том же году Императрице Елизавете Петровне, был возвращен в Сенат «неконфирмованным». Пролежал он там семь лет и пролежал бы, быть может, еще дольше, если бы случайно о нем не вспомнили по поводу одного злостного банкротства. Санкт-петербургский купец и маклер Федор Раев был объявлен банкротом. Вероятно, ввиду необычайности обнаружившихся со стороны Раева злоупотреблений по его делу была учреждена следственная комиссия. 8 июня 1760 года указом Сената повелено было эту следственную комиссию упразднить, а все дело Раева передать в Контору Главного магистрата для окончания, а «каким

образом, — говорится в указе, — впредь с такими банкротами поступать, о том Коммерц-коллегии рассмотреть сочиненный в 1753 году Банкротский Регламент и что к оному надлежит прибавить или отставить, о том оной Коллегии со мнением Сенату представить». Ни в Сенате, ни в Коллегии ни одного экземпляра устава 1753 года не оказалось — таковой был вытребован из дела комиссии о Раеве.

III. Банкротский устав 1763 года и источник его — «Прожект банкротского устава» 1761 года

Не скоро Коммерц-коллегия принялась за рассмотрение устава 1753 года, возложенное на нее указом 8 июня 1760 года. Через три с небольшим месяца по присылке из Сената указа о сочинении устава, именно 29 сентября 1760 года, учреждена была (вторая) Комиссия о коммерции или, вернее сказать, преобразована из комиссии о пошлинах. Указом 9 октября Сенат повелел Коммерц-коллегии: «Какие в Коллегии имеются дела к распространению коммерции, отнести на новую комиссию». Коммерц-коллегия рассудила: «Понеже банкротский устав следует к охранению коммерции», послать полученную из комиссии о Раеве копию устава 1753 года в Комиссию о коммерции. 10 ноября это определение Коллегии и было исполнено, то есть дело составления банкротского устава передано в Комиссию о коммерции. Деятельность Комиссии, однако, насколько известно, выразилась лишь в том, что она обратилась в комиссию о сочинении нового Уложения с просьбой, «ежели по банкротскому уставу учинены были какие рассуждения... оное все сообщено было в Комиссию о коммерции». Кроме этого, решительно

ничего Комиссией сделано не было. Оказалось, что большинство членов ее «от присутствия в оной уволены», ввиду чего Сенат 7 января 1762 года приказал «той комиссии с делами быть в Коммерц-коллегии», а пока банкротский устав и дело о Боровицких порогах не будут рассмотрены, членам Комиссии «быть в присутствии таких дел». Следовательно, благодаря этому указу, к делу сочинения банкротского устава была приобщена Коммерц-коллегия. Через пять месяцев дело это перешло опять в исключительное ведение Коллегии. 8 июля Сенат, несмотря на то, что ни банкротский устав, ни дело о Боровицких порогах еще не только не были окончены, но даже ни разу и не слушались, и, следовательно, вопреки своему же указу 7 января, повелел «Комиссию о коммерции отставить, членам и служителям явиться в прежние места, откуда кто определен, а имеющиеся в оной Комиссии дела для надлежащего исследования и рассмотрения отдать в Коммерц-коллегию». В исполнение этого указа в коллегию был возвращен устав 1753 года.

С осени 1762 года Сенат начинает обнаруживать лихорадочную торопливость в деле сочинения банкротского устава. Посылается указ в Главный магистрат с требованием сведений, как поступалось доньше с банкротами; наводятся о том же справки в сенатском архиве. Изготовленный всеподданнейший доклад об отмене закона 1736 года об отдаче в заработки решено не подавать. Коммерц-коллегии на основании определения 24 октября посылается 18 ноября указ, чтобы она через неделю по получении его прислала устав с «экстрактом и рассуждением, что по которому пункту учинить полагается и для каких точно резонов»; а «ежели за несогласием голосов все

дело решить не можно, то, приобща те голоса, прислать». В то же время Сенатской Конторе приказано «понуждать ту Коллегию в скорейшем сочинении» устава. 27 ноября указ Сената получен в Коллегии. 29 ноября Сенатская контора, вероятно, одновременно с Коллегией получившая указ о «понуждении», тоже прислала указ. И вот начинается замечательно спешная деятельность Коммерц-коллегии. В день получения сенатского указа в Коллегии происходят два заседания. В одном составляется определение об отсылке в Сенат рапорта о том, что банкротский устав «доныне коллегией неоднократно был трактован, токмо еще не окончен». Ввиду этого Коллегия определяет «оный предложить к слушанию». О другом заседании, происходившем «после полудня», в журнале читаем: «Слушан был банкротский устав, сочиняемый той Коллегией ... и выслушано до четвертой главы». На другой день, 28 ноября, опять происходило заседание, на котором этот «вновь сочиненный в коллегии устав был окончен рассмотрением». Коллегия определила переписать его набело, сочинить в самом скором времени «по материалам экстракт и для каких резоннов какой пункт учинен» и предложить ей к слушанию.

Таким образом, в два заседания был заслушан обширный акт и притом с крайней неравномерностью — в первом заседании 6/7, а во втором — 1/7 устава; особенно поразительно, что в первое заседание, «после полудня» было сделано так много. Конечно, «заслушать» устав в два заседания можно, если он действительно «неоднократно был трактован», но в этом-то мы и сомневаемся. В журнале первого заседания хотя и постановлено рапортовать Сенату, что устав еще не окончен, но рапорта посла-

но не было, вероятно, потому, что это «неоднократное трактование» не было согласно с истиной. По-слан был рапорт 3 декабря, через день по подписании журнала, и в рапорте этом уже сообщается, что устав рассмотрением кончен, а о «неоднократном трактовании» в нем уже не говорится. «Экстракт» и «резоны» были предложены Коллегии и заслушаны ей 16, 17, 18, 19 и 20 декабря. Если все эти резоны были дебатированы в заседаниях, то надо полагать, что члены заседали от зари до зари. Но одно обстоятельство кажется несколько странным. Сначала был рассмотрен устав, в двух заседаниях, а потом резоны, т. е. мотивы его, в пяти заседаниях. Каким образом умудрилась Коллегия рассмотреть отдельно законы от их мотивов, трудно сказать. В журнале Коллегии 28 ноября и в рапорте, поданном 3 декабря Сенату, Коллегия проговорила: она говорит, что экстракт и резоны еще «сочиняются». Это совершенно верно. Их мог «сочинять» или секретарь, или один из членов. Но тогда рождается другой вопрос: неужели для слушания этих резонов, занимающих 14 страниц, потребовалось пять заседаний! Мы думаем, что эти журналы и заседания были чисто фиктивны. Трудно допустить, чтобы со времени передачи устава о банкротах в исключительное ведение Коллегии, то есть с 7 января до первого заседания Коллегии, 27 ноября, происходили заседания о банкротском уставе. Не надо забывать. Что в заседании 27 ноября слушали уже готовый устав, — не устав 1753 года, который на главы не разделен, а новый устав, состоящий из 4 глав, из коих первые три заслушаны в первом заседании, а четвертая — во втором. В журнале 27 ноября сказано, что устав еще

не окончен, а между тем, в тот же день слушают его с начала и до четвертой главы, — вернее думать, что он еще не был «начат», то есть был сочинен кем-нибудь, но Коллегией еще не слушан. «Резоны» же в это время еще не были «сочинены», их сочинили уже после. Кто же «сочинил» и устав, и резоны? Положительных данных не имеется, но несомненно, что никто из членов Коллегии. Если бы кто из них был автором устава, то, подобно тому, как это было сделано в 1740 году, фамилия его была бы названа. Есть в журнале 27 ноября выражение, которое при известном толковании указывает на автора устава. Там сказано: «А как оный находился в Комиссии о коммерции, то ныне по оному докладывать и производство чинить секретарю Хозяинову». Если слово «оный» относить к уставу, то получится совершенная нелепость. Во-первых, тот устав, который рассматривался в заседании Коллегии, никогда не был в Комиссии о коммерции — он «сочинен Коллегией», по ее заявлению, а, во-вторых, то обстоятельство, что устав «находился» в Комиссии о коммерции, не дает основания назначать особого докладчика и делопроизводителя. Мы полагаем, что слово «оный» относится к Секретарю Коллегии и что вследствие спешности работы, а может быть, и намеренно, Секретарем в журнале написана фраза, которую можно понимать и так, и этак. Мне кажется, что фраза должна быть написана так: «Ныне по оному докладывать и производство чинить секретарю Хозяинову, как оный находился в Комиссии о коммерции». И выходит, что Хозяинов находился в Комиссии о коммерции, почему он и самый сподручный докладчик. Вероятно, автором устава,

да и резонов, был этот секретарь Коммерц-коллегии Яков Хозяинов. Сам ли он его сочинил, или позаимствовал? Этот вопрос разрешается весьма характерно. Совершен был подлог грандиозных размеров. Является ли виновником его один Хозяинов или вся Коммерц-коллегия, неизвестно. Коллегия и в журналах своих, и в доношениях и рапортах Сенату говорит, что устав ей «сочинен». Что же оказывается? Это — «Прожект» 1761 года, сочиненный «неизвестной персоной», лишь несколько измененный (см. ниже). Как он, составленный частным лицом, попал в Коллегию, — решительно непонятно. Мы не допускаем, чтобы Коллегия решилась выдать перед высшим правительством труд постороннего лица за свой собственный. Вернее всего, что дело происходило так: Коллегия поручила Хозяинову сочинить устав, а тот, служа когда-то в Комиссии, добыл, неизвестно, какими путями, «Прожект» и поднес его членам Коллегии, которые его и «выслушали», и «апробовали».

Но как бы то ни было, устав был готов, и Коллегия 3 декабря отрапортовала о том Сенату. Самого устава она не послала, а сообщила: «Как ныне Правительствующим Сенатом велено приложить (к уставу) Экстракт, расписав в нем пунктами по материям, какое по которому пункту положение было... и по нынешнему рассуждению, что по которому пункту учинить и для каких точно резонов, то за сочинением оного Экстракта на показанный срок присылкою (устава) остановилось, однако же Коллегия к тому же крайнее прилагает старание и вскоре прислано быть имеет». 13 декабря рапорт этот был получен в Сенате, и в тот же день состоялось определение

об отсылке в Петербург нарочного курьера с указом, коим «велеть той Коллегии банкротский регламент и прочее... прислать с тем курьером как наискорее, не продолжая ни малейшего времени». Пока курьер скакал от Москвы до Петербурга, в Коллегии происходили те пять заседаний, в которых слушаны «экстракт» и «резоны» к банкротскому уставу. В день последнего заседания, 26 декабря, состоялось определение о том, что «сочиненный банкротского устава формуляр, переписанный набело, опробован и подписан» и чтобы он почитался «яко настоящий протокол»; копия с него вместе с экстрактом были посланы, по доношению, в Сенат. Журнал об этом подписан 3 января 1763 года. 8 января подписано было доношение, а к этому дню и курьер подоспел; в тот же день ему вручили уже не изготовленное доношение, а вновь составленный рапорт с уставом вместе с «экстрактом» и резонами.

Дальнейшая судьба устава неизвестна. Известно только, что в 1764 году подлинный экземпляр его был вытребован из Сената в восстановленную Комиссию о коммерции. В делах Таможенного департамента имеются оба изготовленных в Коммерц-коллегии экземпляра. В одном из них, вероятно, предназначенном к отсылке в Сенат при доношении 8 января 1763 года, устав изложен в форме закона, без мотивов, но с проектом указа, предпосланного самому уставу. В указе якобы Императрица вспоминает о своем деде, Петре Великом, изыскивавшем «разными образы полезные способы к благополучию всего общества ... и к распространению коммерции», излагает содержание указов Петра Великого, Екатерины Первой и Елизаветы Петровны

о несостоятельных должниках, причем по поводу закона 19 июня 1736 года передает почти дословно критику этого закона, содержащуюся в упомянутом выше проектированном докладе Сената 7 августа 1762 года, причем мотивом издания банкротского устава выставляет «отвращение поныне происходящих от таковых банкротов плутовских вымыслов и обществу вреда». Второй экземпляр есть «Росписной банкротский устав»; это, вероятно, тот экземпляр, который при рапорте 8 января был вручен сенатскому курьеру. Самому уставу предпослан «Экстракт на сочиненный вновь в Коммерц-коллегии Банкротский устав». В «Экстракте» этом изложены дословно 203, 206 и 276 статьи X главы Уложения 1649 года, передано содержание касающихся несостоятельных должников указов Петра Великого, Екатерины Первой и Анны Иоанновны, затем указывается на то, что до 1740 года банкротские дела решались по Уложению и указам, а в 1740 году был «сочинен устав, но в действо не произведен» и, наконец, что был сочинен другой устав в 1753 году, который и рассмотрен в Коллегии при сочинении настоящего устава.

«Росписной» устав написан в три графы. Первая графа озаглавлена: «В сообщенной из Комиссии о Раеве Банкротского устава копии написано», вторая — «Ныне по рассуждению Коммерц-коллегии» и третья — «Для каких резонов». Так что в первой графе изложен устав 1753 года, во второй — устав 1763 года, а в третьей — мотивы последнего, составленные крайне небрежно: множество новых положений совершенно не мотивировано, причем сказано лишь или, что «сей пункт написан по рас-

суждению Коллегии, ибо о сем в прежнем уставе не упомянуто», или, что «сей пункт написан почти сходно с прежним, но токмо объяснен», или «дабы ни в чем недостатка быть не могло», или «объясняет пространнее», и т.п.

Нет в «Росписном» уставе также указания на главный источник устава 1763 года — «проект» банкротского устава 1761 года. Но мы при изложении содержания устава будем пользоваться не только указанным Коллегией источником — уставом 1753 года и мотивами к нему, — но и источником, ей или ее секретарем скрытым, — «проектом» 1761 года и мотивами к нему. «Проект» этот, составленный, как сказано в одной официальной бумаге, «неизвестной персоной», надо думать, в 1761 году был представлен Императрице Елизавете Петровне. По крайней мере, составлен он был в этом году, на что имеется указание в самом «проекте»; а именно сказано, что ведение купцами торговых книг обязательно «с будущего 1762 года». Кем составлен проект, решительно неизвестно; несомненным является лишь то, что сочинен он не правительственным учреждением, а несколькими частными лицами. Первое подтверждается и формой, и многими выражениями; например, предпослан проекту не указ, а теоретическое рассуждение, в примечаниях высказываются некоторые *ria desideria* в такой форме: «весьма полезно было, ежели соблаговолено будет», «какой устав действительно учредится, то не соблаговолено ли будет по оному внести» и т.п. Второе явствует из того, что в нескольких примечаниях сказано «сочинители сего плана» и т.д.

Состоит «прожект» из введения и 26 статей, без разделения на главы. Введение содержит в себе рассуждение о том, что устав составлен «для вящего утверждения поверенности» в торговле, и что «нужду имеет» в уставе лишь тот заимодавец, который обманется в своем «занимателе», думая, что он человек «добрый и в состоянии». В этих «двух пунктах» займодавец может обмануться трояким образом: 1) должник, будучи добрым человеком, впадет в несостоятельность; 2) будучи состоятельным, «станет плутом» и объявит себя банкротом; 3) в одно и то же время окажется и «плутом», и несостоятельным. Во всех этих случаях «поверенность займодавца единственное убежище имеет» к уставу о банкротах, благодаря которому, в первом случае он может быть уверен в том, что никто «лишнюю часть» не захватит, и он надлежащую долю получит, во втором — что должнику не только трудно, но и «по тяжкому наказанию» опасно скрыть и укрыть свое имущество, а в третьем — и в том, и в другом. До сих пор такого устава не было, и от этого происходило много вреда купечеству и обществу вообще, в предотвращение чего составлен этот устав, «в который к здешним обстоятельствам из иностранных учреждений и обыкновений приличное внесено».

Возвращаемся к уставу 1763 года. Система его следующая: состоит он из 55 статей, разделенных на 4 главы. Каждая глава и статья имеют свое заглавие. Первая глава «О банкротах вообще, от каких причин в такое состояние могут прийти» содержит семь статей: 1-я — «Когда и почему признавать банкрота», 2-я — «О разности банкрота», 3-я — «О непорочных банкротах», 4-я — «О неосторожных

банкрутах», 5-я — «О злостных банкрутах», 6-я — «О содержании купцами книг», 7-я — «О объявлении банкротом о своем несостоянии кредиторам». Вторая глава «Как поступать судебному месту по объявлении о банкроте от кредиторов» содержит 15 статей: 1-я — «О взятии банкрута в судебное место и о допросе», 2-я — «О немедленном запечатании банкротских имений», 3-я — «О содержании банкрута под караулом», 4-я — «Ежели банкрот изпод караула уйдет и кто его укрывать будет», 5-я — «О публикации о пришедшем в банкротство», 6-я — «О объявлении кредиторам на банкрута претензий своих в положенные сроки», 7-я — «О объявлении банкротова имения и о долгах», 8-я — «О нечинении таковым, кто усмотрит свое несостояние или после вступления от кредиторов требований, платежа долгов и прочих фальшивых сделок и подлогов», 9-я — «О поступлении с имениями таких должников, кои умрут», 10-я — «О таких наследниках, кои после умершего в наследство вступят», 11-я — «По каким банкротствам учреждать конкурсы», 12-я — «Когда и каким порядком учреждать конкурсы», 13-я — «О определении по конкурсу от судебного места члена», 14-я — «О допущении, ежели кто куратором сам быть не пожелает, а вместо них поверенных», 15-я — «О выборе судебному месту в кураторы, ежели кредиторы в выборе не согласятся».

Третья глава «Как кураторам при конкурсе поступать» состоит из 25 статей: 1-я — «О приеме кураторам банкротских имений, книг и писем», 2-я — «О ведении при конкурсе журнала и о конкурсных расходах», 3-я — «Об отдаче в конкурс аресто-

ванных от судебных мест банкротских имений», 4-я — «О имениях банкротских вне государства», 5-я — «О назначении и допущении вместо отлученных кредиторов вместо них поверенных», 6-я — «О учинении банкротских имений обстоятельной описи», 7-я — «Об отдаче поставленных у банкрота на сбережение денег имениев хозяевам», 8-я — «Об отдаче имения прежнего банкрота жены супружества детям», 9-я — «О закладах правильных», 10-я — «О товарах, на которые за море коносамент послан и о комиссионных», 11-я — «О частях банкротовых в компаниях и откупах», 12-я — «О продаже банкротских имений», 13-я — «О продаже банкротских товаров российского продукта», 14-я — «О взыскании по вступившим в конкурс векселям с поручителей», 15-я — «О хранении вырученных за банкротские имения денег», 16-я — «О распросе банкрота, ежели в чем окажется подозрительный», 17-я — «Ежели банкрот в сохранении его имения кого оговаривать будет, а тот станет запираяться», 18-я — «О сочинении счетов», 19-я — «О разделах», 20-я — «О несогласиях при конкурсе», 21-я — «О перемене кураторов по требованиям займодавцев», 22-я — «О невзыскании по векселям рекамбии⁷³ и процентов», 23-я — «О медиаторском разборе», 24-я — «О окончании конкурса в год», 25-я — «О даче суда в неудовольствии от конкурса».

Четвертая глава «Каким образом банкротов штрафовать и кои из них от одного исключаются»

---

⁷³ Рекамбио, или «обратный вексель», т.е. требование лица, оплатившего по векселю, к одному из лиц, обязанных перед ним по этому же векселю.

состоит из 8 статей: 1-я — «О свободе непорочно-го банкрота от всякого взыскания и о даче ему аттестата», 2-я — «Каким образом с неосторожным банкротом поступать и чему оной подлежит», 3-я — «О наказании злостного банкрота». 4-я — «О поступлении при конкурсе по большинству кредиторских голосов», 5-я — «О вольных сделках», 6-я — «О поступлении с приказчиками и сидельцами, когда они в таковых делах окажутся по сему уставу», 7-я — «Ежели кто кого в челобитьи банкротом напишет недельно», 8-я — «О произвождении банкротских дел на простой бумаге». Затем следует «заключение» о праве кураторов в случае затруднений обращаться к Сенату, и, наконец, формула присяги кураторов. Сравним этот состав устава 1763 года с составом устава 1753 года и «прожекта» 1761 года.

В уставе 1763 года устав 1753 года явился в значительно измененном виде. Внесено 19 совершенно новых статей, и из остальных 36 статей большинство подверглось существенной переделке, хотя составитель, внося новое содержание в ту или другую статью устава 1753 года, старался по возможности сохранить ее текст — иногда сохранены два, три слова.

Что касается «прожекта», то каждая статья имеет свое заглавие, причем к некоторым приписаны в тексте «толкования» или на полях «примечания»; первые суть объяснения статей, вторые — мотивы их. Лишь одна статья «прожекта» не вошла в устав 1763 года; остальные же суть простые, в большинстве случаев дословные, повторения с некоторыми лишь более или менее существенными изменениями, причем некоторые статьи «прожекта» разбиты на несколько статей; так, статья 6-я разбита

на восемь статей, 3-я и 5-я на четыре, 7-я, 12-я, 23-я, 24-я и 25-я — на две; из толкований два — к 3-й, к 23-й и 25-й статьям, составляя две статьи устава 1763 года. Для наглядности, не боясь повторения, рассмотрим, из каких статей «прожекта» какие составлены статьи устава 1763 года. Первая статья «прожекта» озаглавлена «Кто есть банкрот», — она не вошла в устав, 2-я — «Когда и почему признавать банкрота» — эта статья в уставе помещена под тем же заглавием (ст. 1 гл. 1), но в конец статьи внесено «толкование», 3-я — «Как поступить судебному месту по объявлению о банкроте» — разбита в уставе на 4 статьи: «О взятии банкрота⁷⁴ в судебное место и о допросе» (1 ст. 2 гл.), «О немедленном запечатывании банкротских имений» (2 ст. 2 гл.), «О публиковании о пришедшем в банкротство» (5 ст. 2 гл.) и «О содержании банкрота под караулом» (3 ст. 2 гл.), 4-я — «По каким банкротствам учреждать конкурсы» — эта статья оставлена под тем же заглавием (ст. 11 гл. 2), 5-я — «Когда и каким порядком учреждать конкурсы», — эта статья разбита на статьи под тем же заглавием (ст. 12 гл. 2), затем «О определении к конкурсу от судебного места члена» (ст. 13 гл. 2), «О допущении, ежели кто куратором сам быть не пожелает, а вместо их поверенных» (ст. 14 гл. 2), «О выборе судебному месту в кураторы, ежели кредиторы в выборе не согласны» (ст. 15 гл. 2), 6-я — «О вступлении кураторов в должность

---

⁷⁴ Так в издании А.Х. Гольмстена 1888 года, несмотря на то, что несколькими страницами ранее при описании статей устава 1763 года используется написание «банкрут», «банкрутский» и т. д.

и что первое производить» — на статью «О приеме кураторами банкротовых имений, книг и писем» (ст. 1 гл. 3), «О имениях банкротовых вне государства» (ст. 4 гл. 3), «Об учинении банкротовым имениям обстоятельной описи» (ст. 6 гл. 3), «Об отдаче поставленных у банкрота на сбережение денег имением хозяевам» (ст. 7 гл. 3), «Об отдаче прежнего банкротовой жены супружества детям» (ст. 8 гл. 3), «О товарах, на которые за море коносамент послан, и о комиссионных» (ст. 10 гл. 3) и «О хранении вырученных за банкротовы имения денег» (ст. 15 гл. 3), 7-я — «О объявлении требований на банкрота и о долгах и о имениях банкротских» разбита на статьи «О объявлении кредиторам на банкрота претензий своих на положенные сроки» (ст. 6 гл. 2), «О объявлении банкротова имения и о долгах» (ст. 7 гл. 2), 8-я — «Кто банкрота укрывать будет» — перешла под заглавием «Ежели банкрот из-под караула уйдет и кто его укрывать будет» (ст. 4 гл. 2).

Возвращаемся к уставу. О пределах действия устава 1763 года относительно времени в нем содержится лишь одно мимолетное указание. Говоря об обязанности должника «объявить кредиторам» о своей несостоятельности «через трое суток с какого времени он уведомится», устав прибавляет: «А также и тем, кои до состояния сего устава такое же несчастье усмотрели». Это имеет то значение, что трехдневный срок не обязателен для должника, усмотревшего свое несчастье «до состояния» устава; сколько бы времени с этого усмотрения ни прошло, конкурс должен быть открыт и проводиться по уставу. Отсюда мы делаем вывод, что если банкротство наступило фактически до издания

устава, но еще не вызвало конкурсного процесса, то процесс, им впоследствии вызванный, подчиняется правилам нового устава. Это мы утверждаем на основании современной теории. Фактическое наступление несостоятельности есть явление области материально-правовой, начатие же конкурсного процесса — явление процессуальное. Хотя бы явление материально-правовое, дающее повод явлению процессуальному, возникло ранее издания процессуального закона, применение последнего к процессуальному явлению не дает права утверждать, что закону этому придана обратная сила по отношению к материально-правовому явлению. Говорить об обратной силе процессуального закона относительно материально-правового явления нельзя⁷⁵. Так что правила устава применяются ко всем конкурсным процессам, еще не возникшим, когда бы самая несостоятельность ни обнаружилась — до или после введения устава, и, следовательно, решающее значение придается не моменту обнаружения банкротства, а моменту начатия конкурсного процесса (теория процессуального единства).

Сознательно или нет, Коллегия признала это начало, сказать трудно. Последнее предположение, казалось бы, будет вернее, потому что указание на эту теорию слишком мимолетно, случайно. Если так,

---

⁷⁵ См. мой Учебник русского гражданского судопроизводства. С. 7–10, и мое исследование «Принцип тождества в гражданском процессе». С. 4, 5. Прим. автора. Учебник переиздавался в современной России (Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Под ред. Попова Ю.А., Треушниковой М.К. — Краснодар, 2004).

то, с другой стороны, наводят на размышление два обстоятельства: 1) приведенное нами мимолетное указание содержится в статье в большей своей части, сочиненной в Коллегии, выражения же «а также и тех, кои до составления сего устава» и т. д. нет в «прожекте», следовательно, фраза эта помещена неспроста. С другой стороны, именно по вопросу о действии устава во времени «сочинитель» устава отступил от принятого им приема; все *ria desideria* авторов «прожекта», изложенные в заключительном примечании, за исключением лишь касающегося вопроса о действии устава во времени, обращены в статьи устава. Примечание к этому вопросу содержит в себе правило, как раз противоположное тому, какое мы вывели из данных устава. Авторы «прожекта» говорят: «не соблаговолено ли будет по оному велеть поступать с публикация»... и продолжают словами устава 1753 года: «а кои до состояния и публикация оного устава в банкротство впали, с такими поступать по прежним узаконениям».

Сочинитель устава, конечно, читал это предложение авторов «прожекта», но не внес его в устав, а внес в него вышеупомянутое выражение «а также и тем, кои до состояния» и т. д. Эти два обстоятельства заставляют думать, что по каким-то соображениям «сочинитель» устава предпочел одно воззрение другому.

Что касается действия устава по отношению к лицам, то устав 1762 года несколько расширил круг лиц, на которых должны распространяться его правила. По уставам 1740 и 1753 годов он «до одних купцов только касается», а устав 1763 года говорит: «Под сие звание (банкрот) подвергается

купец, заводчик, фабрикант, и откупщик и, одним словом, всякий, торгом промышляющий». Из этого положения видно, что у нас во второй половине XVIII века понятие «купца» приобрело значение видовое, отличное от понятия «заводчика», «фабриканта» и т. п., — не думаю, чтобы раньше эти понятия не совмещались в одном, в понятии купца.

Обращаясь к содержанию устава 1763 года, начнем с понятия *несостоятельности и ее видов*. Если понятие *Insufficienz*, недостаточности имущества, в каком смысле устав 1740 года понимает несостоятельность, приходилось выводить из отдельных выражений, то делать это относительно устава 1763 года нет надобности. Не приняв определения «прожекта», по которому несостоятельность есть такое положение лица, при котором оно «имеющиеся на нем долги заплатить сполна не в состоянии», он дает тем не менее прямое указание на то, что под несостоятельностью разумеется *Insufficienz*, оттеняя понятие недостаточности имущества именно тем признаком, коим оно отличается от понятия *Insolvenz*. Несостоятельным по смыслу устава почитается тот, кто «усмотрит, что ему от торгу учинился убыток и кредиторам своим на заплату их капиталу недостает 25 процентов». Мотивирует Коллегия это сочиненное ей постановление тем, что при таком отношении актива к пассиву есть возможность рассчитывать на то, что кредиторы вступят с должником в соглашение и простят ему эти 25% — «как обыкновенно в купечестве и бывает». Но по какому бы основанию эта норма ни была выставлена, если она раз выставлена, то этим указывается, что несостоятельность разумеется в смысле «недостаточности». Мало того,

устав говорит, что не следует полагать «в капитал сомнительных и ненадежных к получению долгов». Этим прямо сказано, что для состоятельности мало одной *Insolvenz*, то есть такого состояния, при котором у должника, хотя и хватит имущества, но оно в долгах безнадежных, малонадежных или получение коих не скоро предвидится. Если такие долги включить в актив, и если благодаря этому купец усмотрит, что пассив его превышает актив на 25 %, то он по уставу может и не объявлять о том кредиторам.

Устав 1763 года признает уже не два, а три самостоятельных вида несостоятельности: непорочную, неосторожную и злостную. Мотивирует коллегия это следующим образом: «Прибавлен третий сорт банкрота и назван неосторожным для того, что таковой в захватные долги отваживался, в чаянии себя тем поправить, не имея умыслу других разорить, и потому ни к беспорочным, ни к злостным причесть его не можно, и хотя как злостный, так и неосторожный оба наказаны быть достойны, однако же неосторожный против злостного, рассуждается, облегчен быть должен, чего для им и особое каждому наказание предписано».

Более научной представляется мотивировка трехчленного деления банкротства, данного авторами «проекта» 1761 года. Они доказывают невозможность слияния неосторожного банкротства со злостным в один вид и неравномерность наказания банкротов обоих видов тем, что «по обычаям всего света да и точно по здешним законам различные вины подвержены различным наказаниям; сколь же различна вина между злостным и неосторожным банкротом, довольно ясно... и хотя от не-

осторожного убытки и происходят, но не столь вредные и не будучи умышленные весьма от воровства отменные и всякому сносные, одним словом воровство и простота никогда не могут по справедливости одно быть наказаны... потому неосторожный банкрот на каторгу не отправляется, дабы тем его не равнять со злодеями и ворами, ибо нередко может случиться, что неосторожный банкрот человек совести не худой, а впадает в банкротство по недоумению и от оплошности своей, что за злодейство и за воровство почтены быть никак не могут».

Несостоятельных всех трех категорий устав называет «банкротами», заявляя, что «хотя в общем понятии по большей части банкрот почитается бесчестным человеком, но честность и бесчестие состоит не в том звании, а и происходит единственно от поступок его, чрез которые он в то состояние приведен будет, и от поведения его после того приключения»⁷⁶. В этой характеристике мы находим весьма верную группировку признаков отдельных видов несостоятельности: они отличаются

---

⁷⁶ Устав тем не менее признает, что распространение о купце ложного слуха о его банкротстве, слуха, вредящего его кредиту, не должно сходить безнаказанно. За подачу члелобитной о признании банкротом, если это не подтвердится, полагается 1000 руб. штрафа, а за обозвание банкротом на письме или на словах — 500 рублей в пользу обиженного, «дабы смотря на то другие честных людей повреждать не осмеливались». О взыскании бесчестья за распространение слуха о банкротстве говорится и в «прожекте», но в самом тексте, как говорят авторы, об этом «не упоминается по такому мнению, что такое учреждение сколько бы ни нужно было, да в уставе о банкротах оно взнестъ может быть рассудится неприлично». Прим. автора.

между собой *по условиям*, из коих, действительно, одни касаются действий несостоятельного до открытия конкурса, другие — действий его во время конкурса. *Непорочным*, или несчастным банкротом устав называет несостоятельного, который «и торг свой порядочно производил», и «во все по силе сего устава поступал», то есть исполнял свои: 1) частные, профессиональные обязанности и 2) обязанности публичного характера. Последние перечислены: а) объявил своевременно о своей несостоятельности; б) ничего из имущества своего не скрыл; в) на все предложенные ему вопросы «совестливо отвечивал»; г) по возможности содействовал конкурсу в исполнении его обязанностей. Исполнив все эти обязанности, купец, разорившийся вследствие неотвратимых «случаев», почитается непорочным банкротом. Устав дает весьма подробный перечень этих случаев — одни тождественны со случаями, указанными в уставах 1740 и 1753 годов, остальные подобны им — общая характеристика им дается та же. *Неосторожного* банкротства устав характеризует весьма метко: «Ничего такого подложного не учинил, за что бы оного вором почесть можно было, но и от беспорочного весьма далеко отстоит». Эта характеристика вернее той, которая содержится в слове «неосторожный». Все, что стоит между *dolus* и *casus*, есть то, в чем виновен неосторожный банкрот, а туда входит не одна неосторожность, но и небрежность, то есть не только недостаточная предусмотрительность, но и небрежение как к своим интересам, так и к своим обязанностям. Все «причины» неосторожной несостоятельности, приводимые уставом, могут быть сведены к этим группам.

1) К первой группе относятся:

а) продажа взятого в кредит товара с убытком «против того, во что он ему стал»; надо полагать, что такая продажа должна производиться с целью не обмануть кредиторов, т.е. забрать поскорее сколько можно денег за товар, — тогда бы она была бы причиной злостного банкротства, — а с невероятным или со слишком слабым расчетом наверстать убытки в будущем. Купец признается неосторожным банкротом потому, что безрассудно рисковал чужим имуществом именно в такой форме. Это подтверждается заключительными словами фразы «проекта», начало которой «сочинитель» устава 1763 года выписал; а именно: после слов «во что они ему стали, с убытком продавал» сказано «и вновь покупал, не имея лучшей надежды, чтобы с прибылью продать».

Устав 1763 года не принял общего ограничения торгового риска, принятого уставами 1740 и 1753 годов; он не запрещает торговли с капиталом менее 1/3 стоимости купленного товара, мотивируя это тем, что такое ограничение дает злостным банкротам повод отговариваться, «якобы они не свыше данного позволения торговали», а с другой стороны, благодаря такому ограничению «честные люди напрасно кредита своего лишаются». Другое ограничение, а именно запрещение производить торговлю, не имея вовсе своего капитала, хотя и сохранилось в той форме, что это «подтверждается ... всем торгующим», но санкции это запрещение не имеет. По прежним уставам нарушение этих двух ограничений влекло за собой признание банкрота обманым, — в уставе 1763 года этого правила нет. В «проекте» нет ни этого правила, ни самих ограничений;

о втором из этих ограничений ничего не говорится, но против первого — отношения собственного капитала к купленным товарам — авторы весьма энергично восстают. Они сравнивают введение этого ограничения с наложением «тесных оков» на коммерцию; ничего подобного, говорят они, «во всей Европе не имеется, да и не найдется один рассудительный и совестливый купец, который бы не согласился, что от оногo более вреда, нежели пользы произойти необходимо должно, инако признавать будет только богатый и завидливый, который чрез то ненасытное свое желание удовольствоваться может умножением своего богатства и подле него рожденный не в богатстве скудное пропитание себе получит и наконец умрет бедным, сколь бы его верность, рачение и дарованное искусство достойны ни были».

б) Жизнь не по состоянию, мотовство и роскошь.

2) Ко второй группе, т.е. действиям, коими должник обнаружил небрежение к собственным интересам, относятся: а) небрежное отношение к товарам, благодаря чему в них произошла порча и повреждение; б) пропускание удобного срока для сбыта товара; в) пропускание условленного срока поставки или сдачи товара; г) неотдача товара на страх /т.е. в страховании/; относительно последнего устав 1761 года сказано «способно») чинить было можно».

Наконец, 3) к третьей группе, т.е. действиям, коими должник обнаружил небрежение к своим обязанностям, относятся: а) необъявление о своей несостоятельности, зная или не зная, что пассив превышает актив на 25% («проект» говорит о не-

объявлении о несостоятельности, которую «задолго ведал»), и б) неимение или небрежное ведение книг и записок. Относительно этой обязанности устав 1763 года, в противоположность уставам 1740 и 1753 годов, содержит в себе ряд правил. Значение этой обязанности описывается как «резонах», так и в тексте устава: оно двоякое: во-первых, сам купец «ежегодно ... может себя считать» и «видеть с прибылью ли или с убытком торг свой производил», и, во-вторых, в случае конкурса по ним можно составить обстоятельный счет. Устав предписывает иметь такие книги или по крайней мере тетради, в которые с обозначением месяца и числа записывались бы: 1) собственный капитал — в чем он состоит; 2) что отдано в долг деньгами или товарами; 3) какие у кого товары взяты в долг, или на деньги, «или и натурой, и деньги». Конечно, этим не дано самой формы, образца книг, — из чего видно, что «сочинитель» устава согласился с мнением авторов «проекта» 1761 года, что «содержать книги одинаковой формы не можно, да и не нужно, ибо по разным обстоятельствам торгов и промыслов ведение таковых книг довольно разнствовать может». В эти книги не должны быть вносимы домашние расходы, для этого должны иметься «особливые записи». Относительно внешней стороны книг предписывается только «оныя не чернить», требование же уставов 1740 и 1753 годов, — чтобы они содержались «без чищения и скобления», и «проекта» 1761 года, — чтобы их «не марать и не херить /т.е. перечеркивать/», — это существенное условие доказательной их силы признано Коммерц-коллегией за «великую тягость и напрасное подозрение» по тому оригинальному соображению, что «тот

не опишется, кто не пишет, а часто случается, что и на одной строке две описки бывают».

Наконец, *злостного* банкрота, — говорит устав, — назвать должно вором. Основаниями злостного банкротства устав признает подобно прежде рассмотренным уставам, умышленные действия должника в ущерб кредиторам и простое неповиновение велениям банкротского устава, прямо не причиняющее убытки кредиторам, но разница та, что неповиновение лишь специальным, а не общим велениям устава влечет за собой признание должника злостным банкротом. Это — раз; а другое различие то, что устав внес одно предложенное авторами «проекта» 1761 года новое основание: недостаточность имущества как последствие преступления, ранее совершенного должником. Что касается первой группы оснований, то сюда относятся: выдача «ложных» векселей и других обязательств, удовлетворение одних кредиторов и заключение с одними кредиторами мировой сделки тайно от других, сокрытие и утайка имущества, причитающегося должнику от других лиц или находящегося у них (на это прямо указывается), и т. п. — словом, все умышленно учиненное «для произведения в убыток других с надеждой тем пользоваться самому». Что касается оснований второй группы, то из двух прежних — дачи ложных показаний и необъявления о своей несостоятельности — оставлено одно, другое обращено в основание неосторожной несостоятельности, и прибавлены еще неявка на суд и побег из суда. Наконец, о третьей группе оснований устав выражается таким образом: «Ежели продерзким образом что учинил в противовес закону и от сидения под караулом или от взыска-

ния за то штрафу или конфискации товаров или имениев придет в несостоянии». Это называется драть с одного вола две шкуры — за то, что отсидел «под караулом» и разорился, приказывается «бить нещадно кнутом» и «ссылать на вечную работу». Это совершенно не вяжется с гуманными соображениями, как видно, весьма просвещенных авторов «проекта», высказанными ими по другим вопросам.

Таково различие видов несостоятельности по условиям. Что касается различия по последствиям, то и устав 1763 года различает личные последствия от имущественных.

а) «Непорочный банкрот, — говорит Коммерц-коллегия в своих «резонах», — от всякого штрафа освобождается ... по его невиновности, ибо он в долги впал не от себя, а от воли Божией». О ссылке его на каторгу, как это предписывалось уставами 1740 и 1753 годов, за утайку имущества по окончании конкурса в уставе ничего не говорится. Он лишь угрожает лишением честного имени тому несчастному банкроту, который, приобретя впоследствии состояние, не расплатится со своими кредиторами. Это лишение честного имени (незнакомое «прожектору»), поставленное рядом с лишением Божьего благословения, не имеет юридического значения. Неосторожный же банкрот подвергается наказанию, но лишь в том случае, когда кредиторы того пожелают; они могут «писать» его в солдаты или матросы без выслуги, а если он к службе не годен, то могут требовать «определения его на фабрику в вечную работу», — постановление, весьма напоминающее Купеческий устав 1727 года. Если же кредиторы пожелают и найдут «порядочно-

го» оплатчика, то могут отдать должника «на скуп». Но к этому вопросу мы сейчас вернемся. Наконец, злостного банкрота предписывается «немедленно» по признании таковым («без всяких следствий», как говорит «прожект»), «бить кнутом публично нещадно и сослать в вечную работу, куда по указам следует». Мотивирует Коллегия замену этим наказанием смертной казни тем, что «и такового тяжкого наказания видится довольно». Приговаривается он к этому наказанию, даже если «скроется», заочно, — «как будто бы он действительно в лицах находился» — и подвергается наказанию, «когда из бегов пойман будет». Инициатива в привлечении злостного банкрота к уголовной ответственности принадлежит кредиторам, — «на их волю оставляется, подавать или не подавать о том судебному месту», «А хотя, — говорит далее устав, — они и подадут, да притом наказывать не пожелают, таких и без наказания в вечную работу ссылать». Из этого видно, что составители устава ссылку не считают наказанием; если кредиторы раз подали судебному месту о том, что по поступкам его, банкрота, следует признать злостным, и просят его не наказывать, то он освобождается лишь от нещадного сечения, а в ссылку все-таки отправляется. Если бы не такова была мысль устава, то есть если бы и без подачи судебному месту и при подаче просьбы не наказывать, банкрот был совсем освобожден от кары, то незачем бы было и различать эти два случая — с подачей и без подачи. Это подтверждается еще и тем, во-первых, что устав, перечисляя случаи, когда требуется постановление общего собрания кредиторов, говорит, что кредиторы же решают вопрос о том, приговаривать ли злостного банкрота «к нака-

занию и ссылке» или «освободить его от наказания», и, во-вторых, что в «прожекте» 1761 года мысль эта выражена вполне ясно; там сказано: в таком случае кнутом не бить, а посылать в вечную работу». Дети, уплатив весь долг за отца, тем могут освободить его и от ссылки. К этому мы сейчас вернемся.

б) С имуществом несостоятельных всех трех видов поступается одинаково, — оно распределяется между кредиторами. Различие между видами несостоятельности по последствиям относительно его имущества, а не имущества жены и детей, которое во всяком случае по окончании конкурса свободно от взыскания, сказывается лишь по окончании конкурса, — в правах кредиторов, не получивших полного удовлетворения. Несчастный банкрот освобождается от взыскания «недостаточной суммы», — устав лишь советует ему, чтобы он, «чувствуя столь крайнее и снисходительное разрешение», уплатил своим кредиторам. Авторы «прожекта» 1761 года так мотивируют это положение: «Не без основания уповать можно, что сим способом более число таких (т.е. недоплаченных) долгов заплатится, нежели б когда ко взысканию подвержены были, ибо совестный человек, когда в состоянии будет, и без понуждения отдаст, а бессовестный нехотя и с понуждением отдавать станет под чужими именами и тому подобными происками утаивать свое состояние»; от такой обязательности уплаты долгов «как обществу, так и займодавцам пользы никакой не уповательно быть, ибо такие (должники) как неохотно, так и свободно (потому что всякий час препятственны быть могут) производить их промыслы, от чего, однако, вся надежда, кою имеют займодавцы, единственно зависит». Что же касается банкрота неосторожного,

то он не освобождается ото взыскания неоплаченных долгов, и осуществимость прав его кредиторов поставлена в зависимость от их воли и стараний. Как мы выше видели, кредиторы могут не сдать его в солдаты или матросы, не отдать на фабрики, но сдать «на скуп», получая удовлетворение от оплатчика. Составитель устава воспользовался тут тем суррогатом конкурсного процесса, который принят был и указом 1736 года: суррогат полностью приложен к тому явлению, суррогатом которого он должен был служить. Недавняя теперь (1762 г.) мысль Сената об отмене указа и об установлении «скупа» сразу полной суммой не нашла отголоска в уставе 1763 года, несмотря на строгую критику указа 1726 года в проектированном указе, предпосланном уставу. Устав предписывает ряд правил относительно этого «скупа», а именно: 1) для установления скупа: а) требуется решение кредиторов большинством голосов и б) чтобы оплатчик был «порядочным» человеком; 2) условия скупа суть: а) срок, определяемый сообразно сумме долгов, — должник отдается на заработки на пять лет, если долг не превышает пяти тысяч рублей, и на десять, — если он выше этой суммы; б) ежегодная плата равняется сумме долга, деленной на число лет; в) в счет этой суммы не полагается никаких процентов. Прекращается «скуп»: а) отработкой долга и б) смертью должника, — с момента смерти должника оплатчик от своего обязательства свободен. Выставляя изложенные условия «скупа», устав, однако, придает им диспозитивное значение. Кредиторам предоставляется отдавать банкрота на «скуп» и «на иных основаниях» или совсем освободить. Наконец, относительно злостных банкротов, осуществимость прав кредиторов ставится в за-

висимость «от воли детей». Устав склоняет их к тому увещеваниями, но не обязывает; он сулит детям, уплатившим долг отца, полное освобождение последнего от «тяжкого ига каторжной работы» и, чего нет в «проекте», — публикацию об их поступке «для всенародного известия». Понятно, что принятие кредиторами платежа для них обязательно, — на что имеется намек в том, что в счет уплачиваемой суммы никаких процентов не полагается. Уплату всей суммы долга устав, в противоположность «проекту», не ставит непременно условием, — это предоставляется соглашению детей банкротовых с кредиторами.

Вторым предположением конкурсного процесса является наличность нескольких кредиторов. Устав 1763 года, однако, как будто допускает возможность этого процесса и при одном кредиторе. Говоря о том, что конкурсное управление не учреждается, когда сумма всех долгов несостоятельного не превышает 3000 рублей, устав предписывает суду «при одном или нескольких кредиторах» производить дело «во всем основании и в силе сего устава». Нельзя понимать это производство при одном кредиторе в том смысле, что суд выбирает из нескольких кредиторов одного для разделения с ним труда по конкурсу, ибо было бы ни с чем не сообразно допускать возможность конкурса при одном кредиторе. Нам кажется, что авторы «проекта», а за ними «сочинитель» устава, хотели тут выразить ту мысль, что те лишь правила банкротского устава, которые касаются не исключительно конкуренции прав нескольких кредиторов, а имеют общее значение, как правила взыскания, должны быть применены и к тому случаю, когда у должника лишь один кредитор.

Наконец, устав знает и третье условие конкурсного процесса — *желание кредиторов об открытии этого процесса*. Одни кредиторы являются инициаторами процесса, — они просят суд об открытии конкурса. Заявление должника о его несостоятельности не может быть рассматриваемо как инициатива, ибо: 1) заявление его о том, делаемое на суде, есть лишь обнаружение факта, которым кредиторы могут воспользоваться, и 2) заявление его о том же, обращенное к самим кредиторам, может иметь разные последствия: а) или кредиторы будут просить об объявлении его банкротом; б) или они уступят ему те 25 %, которых недостает до полного погашения долга, или дадут отсрочку, во внимание к приводимым им обстоятельствам, или, наконец, вступят с ним в мировую («вольную») сделку, заключение которой возможно и по открытии конкурса.

Переходим к *органам* конкурсного процесса. Из конкурсных установлений а) о конкурсном суде, в смысле обозначения его, устав 1763 года говорит в общих выражениях, называя его «судебным местом, от которого конкурс учрежден». Только в пяти местах он как бы проговаривается, называя эти места «магистратами» и «ратушами», что совершенно отвечало тогдашнему юридическому положению этих органов городского управления⁷⁷. Подробно расписывать эти судебные места Коллегия считала «не для чего, ибо всякий знает, кому, куда и на кого бить челом или о себе объявить». Что конкурсными судами были ма-

---

⁷⁷ Дитятин И.И. Указ. соч. С. 380.

гистраты и ратуши, всего яснее видно из двух положений устава: 1) относительно приказчиков и сидельцев, промотавших хозяйский товар или забравших товар без доверенности, постановлено «во всем поступать по (сему) уставу, не учреждая конкурса в магистратах и ратушах», и 2) конкурсам предписывается «употреблять где надлежит магистратскую печать».

При тогдашнем отсутствии строгого разделения властей, было весьма понятно, что магистратам и ратушам, как конкурсным установлениям, могла быть придана и судебная, и административная функция, причем, как увидим ниже, рядом с гражданской юрисдикцией им присваивалась и юрисдикция уголовная.

Как определялась уставом *подсудность* конкурсных дел «судебному месту»? Отрывочные данные указывают на то, что иски по обязательствам должны были предъявляться по месту исполнения последних, а если кредитор имел несколько исков, или было несколько кредиторов, то иск должен был быть предъявлен «в том городе, где платеж большей частью написан»; этот суд был и конкурсным судом в тех случаях, когда конкурсного управления не учреждалось — этому суду всего естественнее было быть и конкурсным судом в нормальных случаях, то есть при учреждении конкурса. Заявит ли должник сам на суде о своей несостоятельности, или кредиторы сделают это заявление, — это безразлично. Что именно суд по месту исполнения обязательств, а не по месту жительства, был и конкурсным судом, доказывается и тем, что устав указывает на случаи, когда несостоятельный должник не живет на месте нахождения суда, — ему дается поверстный /т. е. зависящий от расстояния между местом жительства

и местом нахождения суда/ срок для явки на суд. Но, с другой стороны, устав допускает возможность и таких случаев, когда конкурсным судом является суд места жительства банкрота; это видно из того, что он предписывает судебному месту вызвать должника в весьма краткий срок, а именно в тот же день или на другой день по заявлении кредитором о его банкротстве. Когда именно применялось то или другое основание подсудности, нельзя сказать, — в уставе нет на то никаких указаний. Если же раз, как это добавил к «проекту» «сочинитель» устава, началось дело о банкротстве в данном суде, то туда стекались все требования на должнике, — ни в каком другом суде никаких дел его «производить» не полагалось.

Что касается деятельности конкурсного суда, то надо прежде всего различить его юрисдикцию, как суда гражданского, как суда уголовного и как органа администрации.

I. В сфере гражданской юрисдикции деятельность конкурсного суда различна, смотря по тому, будет ли учреждено конкурсное правление или нет. Устав, как выше упомянуто, допускает учреждение «конкурса» лишь по делам, в коих сумма долговых требований превышает 3 000 руб. (авторы «проекта» полагали достаточной сумму в 2 000 руб.). На деятельности его второго рода мы останавливаться не будем, заметим лишь, что сам суд делает то, что уставом возлагается на конкурсное правление. В деятельности же его по делам, по коим учреждается «конкурс», резко различаются два периода: до учреждения конкурса и по учреждении его. В первом периоде он, как увидим ниже, вызывает должника, допрашивает его,

распоряжается об его аресте, об аресте его имущества, об описи, опечатании и хранении последнего, вызывает кредиторов и должников банкротовых и т.п., наконец, утверждает избранных или назначает кураторов, составляющих вместе с членом судебного места конкурс. Более пассивной является его роль во втором периоде. Функции его по отношению к конкурсу могут быть сведены к четырем:

1) он является органом надзирающим. В этой роли он: а) может обращаться к конкурсу с запросами; б) конкурс, как и по уставам 1740 и 1753 годов, «буде в год дела не окончит» (положение, отвергнутое «прожектором»), должен просить суд об отсрочке; в) суд же подвергает его в случае медленности штрафу; и г) по окончании дела конкурс должен о том рапортовать суду.

2) Суд является апелляционной инстанцией по отношению к конкурсу. Этим был восполнен существенный пробел в уставах 1740 и 1753 годов. Жалоба на определение конкурса может быть принесена при следующих условиях: а) она может быть принесена только тем, «кто обижен ... при разборе *требований*, т.е. только кредитором, а не должником, не самим банкротом; б) только тот кредитор может ее подать, «претензия» которого принята⁷⁸, если же она «явится неправильной, будет отставлена конкурсом» и кредитор «отъедет», то «в челобитьи ему отказать»; в) чтобы данный спор между кредитором и конкурсом не был разобран ранее медиаторским /*третейским*/ судом; г) срок на по-

---

⁷⁸ Современный аналог — кредитор, требования которого включены в реестр требований кредиторов

дачу жалобы полагается двухмесячный, а «отлучным» четырехмесячный, считая со времени «апробации» кредиторами «генерального счета»; и д) апеллятор должен дать «подписку с порукой» в правоте своей жалобы: в случае признания жалобы неосновательной он обязан в массу уплатить «столько же, во сколько его неправильный иск состоял», в противном случае эта сумма взыскивается с массы. Наконец, характерным представляется постановление устава, по которому «точно по таким делам» предписывается руководствоваться исключительно постановлениями устава, «а других узаконений не выписывать».

Почти все эти правила целиком взяты из «проекта» 1761 года; изменения заключаются лишь в том, что «проект» не отнимал у «отъехавших» кредиторов права обжалования, затем не удлинял срока подачи жалоб «отлучными» кредиторами, — эти положения внесены самим «сочинителем» устава. С другой стороны, он не принял двух положений «проекта», а именно: 1) чтобы в суде по этим жалобам производился «суд по форме», и 2) чтобы сторона, проигравшая дело, уплатила сверх цены иска «указные пошлины» и «волокиты». Последние три изменения весьма рациональны: первым восполнен важный пропуск, третье объясняется отсутствием надобности в особом указании, — конечно, и пошлины, и волокиты, даже без упоминания об этом, взыскивались бы на общем основании, второе — есть исправление ошибки: магистраты и ратуши по делам купеческим не могли разбирать общим «судом по форме», а разбирали их «таможенным судом» по указу 1727 года.

3) Суд дает свою санкцию определениям конкурса: общую, в виде предоставления своей печати, и в частности, входя в обсуждении существа дела, о признании должника непорочным банкротом и выдаче ему «аттестата». Характерно то, что если суд не засвидетельствует в двухнедельный срок аттестата, то на него может быть принесена жалоба «в вышней команде», и он подвергается штрафу в 500 рублей.

Наконец, 4) суд в иерархическом порядке является посредствующим установлением между конкурсом и центральными учреждениями, а именно: а) между ним и Сенатом, б) между ним и Коллегией иностранных дел. К Сенату суд обращается тогда, когда конкурс встретит затруднение в недостатке правил в уставе, а к Коллегии, — когда у банкрота окажется имущество, долги и требования за границей; в этом случае суд может требовать от Коллегии «субсидиальных писем» («помошних грамот») для уполномоченного, отправляемого от конкурса за границу. Оба эти положения, как положения, в коих указывается на иерархический порядок сношения конкурса с высшими учреждениями, новы, хотя второе и взято целиком из «прожекта» 1761 года, — но оба повода сношения взяты из уставов 1740 и 1753 годов, по которым недоумения конкурса разрешались судом, а при аресте имущества, находящегося за границей, сам суд посылал субсидиальные письма.

II. Сфера уголовной юрисдикции «судебного места» весьма широка. Наказанию подвергался не только банкрот и кураторы, но и посторонние лица. Высшим наказанием была вечная каторга, низшим — денежный штраф, а именно, полагались:

<p>1) Вечная каторга с битьем кнутом нещадно</p>	<p>Злостным банкротам, должнику, заключившему с кредиторами мировую сделку в ущерб отсутствующим кредиторам, лицам, виновным в упущении, вследствие которого злостный банкрот бежал из-под караула, и приказчикам и сидельцам, промотавшим товар или забравшим товар без доверенности</p>
<p>2) Вечная каторга или сдача в солдаты или матросы</p>	<p>Неосторожным банкротам и упомянутым виновникам побега неосторожного банкрота</p>
<p>3) Каторга срочная</p>	<p>Несостоятельным к уплате штрафа должникам банкротовым и лицам, у которых его имущество находится, если они в срок его не передали конкурсу; срок каторги рассчитывается так, чтобы за каждые 12 рублей приходился год; кредиторам предоставляется сдать виновного на окуп; то же самое полагается лицам, взявшим по стачке /т. е. по согласованию/ с банкрота, со времени наступившей фактической несостоятельности, векселя и другие обязательства</p>
<p>4) Сеченье плетью</p>	<p>Укрывателям банкрота, если они «чи люди и крестьяне» и укрывали без ведома господ, а также «подлые люди, у которых никакого имения нет»; тому же подвергаются лица, на которых банкрот показал, как на поклажепринимателей, и они станут «клепать и запираяться»</p>

<p>5) Денежные штрафы</p>	<p>Укрывателям банкрота высших сословий в размере недополученного кредиторами с банкрота; кредиторами, приписавшим к претензиям лишку — в размере приписанного; кредиторам, вступившим в мировую сделку заведомо в ущерб отлучным кредиторам, — в размере требования этих последних, должникам банкротовым и лицам, у которых его имущество находится, если они пропустили срок для передачи его конкурсу; лицам, взявшим с банкрота, по открытии фактической его несостоятельности, векселя и другие обязательства — в шестерном против скрытого размере; мотивируется эта строгость тем, что «утаители» и т. п. лица «должны по справедливости быть почтены вредителями общей пользы и более самого банкрота штрафа достойными»; одна шестая поступает в конкурс в возмещение убытка, а из остального $\frac{1}{2}$ — доносителю, $\frac{1}{2}$ — массе; если же взысканная сумма «превосходить будет», то остаток отдается в «Магистрат на окуп неимущих, содержащихся в казенных доимках и в небольших долгах»; тому же наказанию подвергается и банкрот за клевету — в размере 1000 и 500 рублей (см. выше) и, наконец, кураторы за упущения, — о чем будет сказано ниже</p>
---------------------------	---

Карательная функция конкурсного суда по «проекту» 1761 года проявляется в несколько менее суровой форме, причем наказания назначены крайне неуравнительные:

1. вечная каторга с битьем кнутом нещадно полагается злостному банкроту и банкроту, заключившему с кредитором мировую сделку в ущерб «отлучным» кредиторам;

2. каторга (вечная?) как заменительное наказание для должников и владельцев имущества банкрота, несостоятельных к уплате денежного штрафа в случаях, когда таковой полагается;

3. телесные наказания налагаются за умышленное сокрытие долга или вещей, принадлежащих банкроту, и за предъявление фиктивных требований;

4. денежным штрафам подвергаются: должники и владельцы имущества банкрота — в тройном размере, если они заявили об этом по истечении срока, и в шестерном, если утайка обнаружилась по доносу; кредиторы, требующие, по стачке с должником, излишнюю сумму и получившие от банкрота удовлетворение тайно от других — в размере, установленном судом по его усмотрению: первые — сверх лишения правильного требования, вторые, — кроме того, сверх возврата незаконно полученного. Из взысканных денежных штрафов одна половина идет в пользу «гофшпиталя», а другая поступает на массу.

Наконец, говоря о юрисдикции конкурсного суда, нельзя не указать на то, что суд этот по уставу функционирует и в качестве не специального конкурсного суда, а суда общего, т. е. в сущности рассматривает иски конкурса к должникам банкротным, хотя и делает это лишь по заявлению конкурса и без соблю-

дения всех судебных правил; так, суд производит обыск, арестует имущество, стращает «плетьми», и перед ним чинится признание и присяга. Случаи этого рода суть:

1) когда банкрот, не представив документов поклажи, укажет на своих поклажепринимателей, и эти последние окажутся «людьми не подозрительными и состояния доброго», то устав предписывает «учинить обыск по Уложению». Дальнейшее зависит от результата обыска: одобряют ли его на обыске или нет; в первом случае он должен быть приведен к присяге и если присягнет, что не брал «в сохранение», то его освобождают от взыскания; если же «к присяге не пойдет», то с него взыскивается то, «в чем банкрот показал»; во втором случае предписывается «принуждать его к показанию истины под пристрастием плетьми, а сверх того сечь». Вся эта процедура «сочинена» в Коммерц-коллегии, — в «прожекте» о ней не упоминается.

2) Относительно должников банкротных суду предписывается «прилежное старание употреблять и конкурсам вспомогать и равным же образом, как с банкротом, во взыскании на нем долгов поступается», как то чинить аресты, а в случае «сумнительства», по маловажным делам брать с обеих сторон присяжные расписки, но по «немаловажным» приводить к присяге; отказ от дачи подписки или от присяги рассматривается как признание долга; которой из сторон присягать, — это предоставляется их соглашению. Правила эти о подписке и присяге взяты из «прожекта» 1761 года, причем, однако, в уставе сделано дополнение, «но буде обе стороны на присягу идти пожелать, в таком случае ту присягу отдать ответчику».

Наконец, III. Административные функции «судебного места» заключаются в том, что оно берет на сбережение сумму, оставшуюся за уплатой кредиторам умершего банкрота, и назначает (случай, не указанный в «прожекте» 1761 года) опекунов «с добрыми поруками» к малолетним пасынкам банкрота, если в составе имущества их отчима окажется имущество, им принадлежащее.

И по уставу 1763 года некоторые действия совершаются не всем «присутствием», «собранием» суда, а членами его, т. е. членами магистрата или ратуши; но уставами 1740 и 1753 года роль члена была не определена: указывалось на некоторые его обязанности и на «присутствование» его при деле. По уставу 1763 года до учреждения конкурса он (без секретаря) лишь присутствует при описи имущества несостоятельного должника, но зато по учреждении «конкурса» входит в его состав с определенным кругом обязанностей, к рассмотрению коих сейчас перейдем.

Другим конкурсным установлением является б) «конкурс» или то, что ныне называется «конкурсным управлением». «Кураторы обще с членом судебного места, — говорит устав, — составляют конкурс», и, «доколе дело банкротство продолжаться имеет, конкурс надлежит признавать учрежденным судебным местом, чего для во оном иметь зеркало и писать от того конкурса во все места, куда потребно будет доношениями, а печать употреблять где надлежит магистратскую». Из этого видно, что в уставе 1763 года впервые (в «прожекте» 1761 года этого нет) высказывается взгляд на «конкурс», как

на судебное место первой степени, притом, как мы выше видели, подчиненное магистратам и ратушам, как судам второй степени.

Учреждается конкурс, как мы видели, не по всем банкротствам, — решающее значение имеет сумма долговых требований: если она превышает 3 000 рублей (в «прожекте» 1761 г. — 2 000 рублей), конкурс учреждается, в противном случае, не учреждается. Мотивирует это Коммерц-коллегия тем, что «конкурс в малых делах более расходу, нежели прибыли принести может».

По идее своей «конкурс» устава 1763 года — то же самое, что по уставам 1740 и 1753 года: совокупность кураторов. Учреждается он для «разбирания дел банкрота» и, являясь государственным учреждением, в то же время охраняет интересы и банкрота, и кредиторов, и должников его. Мысль эта выражена в уставе вполне определенно. В составе «конкурса» мы видим два элемента: правительственный и частный; первый представляется членом судебного места, который обязан «сверх вспомоществования по делам конкурса наблюдать, дабы все производимо было наилучшим порядком, да и в смотре того, чтобы ничего в действо произведено не было не в силу или в противность сего устава»; второй представляется кураторами. С другой стороны, устав выражает полную уверенность в том («уповательно»), что кураторы по собственному интересу и по должности ничего для общей (конечно, кредиторской) пользы упускать не будут; в противовес кураторам повелевается члену суда «некоторым образом особливо за банкрота и должников его по справедливости накрепко стоять», так

как конкурс есть все-таки учреждение, «заступающее место банкрота (и жены его)».

«Разбор дела банкрота» есть конечная, главная задача конкурса: приняв дело от суда, он разыскивает и приводит в точную определенность имущество несостоятельного, реализует его, составляет «генеральный счет» и распределяет массу между кредиторами. Действует он, по общему правилу, *in corpore /т.е., собираясь вместе/*, применяя: а) правила устава, и лишь в затруднительных случаях, при недостатке закона, обращается к суду, и б) нормы торгового-обычного права, — что видно из выражения «купеческие порядки», которыми конкурс должен руководиться при разрешении разногласий между книгами банкрота и заявленными претензиями и долгами. Член суда едва ли был председателем; по крайней мере, при разногласии, при разделении голосов голос его не давал перевеса, а вопрос переходил на разрешение общего собрания кредиторов (а не на разрешение суда, как это предлагали авторы «прожекта» 1761 года); если же на стороне одного мнения был один куратор и член, на стороне другого — три куратора, то мнение большинства имело решительное значение, а «несоглашающегося куратора, — прибавляет «прожект, — не принуждать подписываться, чему он не согласен, а голос писать или не писать, остается на его воле». Не всегда конкурс должен был действовать *in corpore*: а) некоторые действия совершались одним из кураторов; так, на одного из них могло быть возложено «исправление письменных дел и сочинение счетов», на другого — ведение сумм, которые полагались на расходы по конкурсу; б) конкурс мог нанимать поверенных

для совершения тех или других действий, а именно, для принятия и распоряжения и продажи», имущества, находящегося вне города, где помещается конкурс, и для распоряжений по имению, долгам и требованиям, «находящимся» за границей. Независимо от того, конкурс мог нанимать: 1) постороннее лицо, а не назначать куратора «для исправления письменных дел и сочинения счетов», и 2) бухгалтера; но, говоря о последнем, устав замечает вообще, что конкурсу следует «сколько возможно от лишних расходов удерживаться». Большинство этих случаев препоручения конкурсом отдельных действий тому или другому лицу взято из «прожекта» 1761 года. Не допускает он лишь «для исправления письменных дел» ни назначения куратора, ни найма любого постороннего лица. Авторы «прожекта» хотели, чтобы при каждом конкурсе состоял «публичный нотариус», назначаемый самими кураторами, известный им по «искусству и прилежанию»; на обязанности его должно было лежать: «все журналы весть, так и исходящие, и внутренние письма, свидетельства и прочее, подписывать на низу, так как секретари обыкновенно подписывают в судебных местах дела... прикладывать печать... смотреть, чтобы все писано было порядком и где надлежит, упоминая о приличных пунктах сего устава»; ему положено было вознаграждение из массы: в Петербурге и Москве — «три рубля за каждый день, за полдень полтора рубля», а в других городах — «вполю». «Сочинитель» устава почему-то не считал удобным назначение к каждому конкурсу публичного нотариуса.

Что касается ответственности конкурса, то устав 1763 года, сравнительно с ранее рассмотренными,

изменил меру ответственности за медленность: со всех кураторов (но не с члена суда) взыскиваются только убытки, без процентов. Мотивируется это тем, что это «штраф весьма довольный». Об ответственности за чрезмерные расходы устав не упоминает, но, как мы заметили выше, лишь советует конкурсу от лишних расходов воздерживаться. Ответственность кураторов за пропажу сумм может быть и общая, и на стороне отдельного куратора; первая, — когда кураторы постановят сделать какой-либо неправильный расход, вторая, — когда отдельный куратор назначен для заведывания расходами или уполномочен к получению сумм. Кроме этого случая ответственности отдельного куратора, устав из прежних сохранил один — за уклонение от обязанностей, без указания причин и без представления за себя другого лица, но изменил его в том смысле, что уклонившийся уплачивает штраф не в 1000 рублей, а в размере стоимости найма за него другого лица⁷⁹. Об ответственности, установленной уставами 1740 и 1753 годов за унос книг и писем на дом, устав не упоминает.

Как и по уставам 1740 и 1753 годов, кураторы или избираются кредиторами, или назначаются судом, но число их поставлено в зависимость от общей суммы долгов банкрота: если сумма эта менее 10000 рублей, их полагается не менее двух, а если более, — то не менее четырех (а по «прожектору»

---

⁷⁹ Авторы «прожектора», не допуская замены избранного куратора наемным лицом, предложили штрафовать отказавшегося без уважительных причин куратора потерей требования в пользу массы.

1761 года — четыре и шесть). Мотивирует Коммерц-коллегия это изменение тем, чем и мотивирована зависимость учреждения или неучреждения конкурса от суммы долгов. Заявление суду о выбранных наличными кредиторами кураторах должно последовать не позднее шести дней с момента второй публикации, то есть если первая публикация была произведена немедленно по объявлении банкротства, — то не позже десяти дней с этого объявления, — следовательно, на четыре дня ранее, чем по прежним уставам. Конфирмации избранных кураторов судом не требуется, — по крайней мере, о ней устав ничего не говорит. Назначение кураторов судом и последствия его следуют тем же правилам, как и раньше. Избранные или назначенные кураторы приводятся к присяге, и им выдается «указ». Вся эта процедура должна быть окончена «до воследования третьей публикации», так как в этой публикации должны быть объявлены имена кураторов; так что конкурс должен быть образован окончательно не позже 18 дней по объявлении банкротства. Вступивший в должность куратор может, как увидим ниже, при известных условиях отказаться от кураторства, и может быть уволен определением общего собрания кредиторов, причем в последнем случае уволенный может и не быть заменен другим, «дабы конкурс остановки не имел», как мотивирует это правило Коммерц-коллегия. Новоопределенный куратор, по «проекту» 1761 года, с прежними постановлениями конкурса может и не согласиться и требовать нового рассмотрения, разве бы дело касалось кредиторских требований; правило это, однако, в устав не вошло.

Что касается условий, которым должны удовлетворять лица, определяемые в кураторы, то устав 1763 года значительно расширил число их, а вместе с тем и расширил круг этих лиц: условия, касающиеся положения кредитора по классу его требования и подданства, совсем опущены, так что остались лишь условия нравственные: определяемые в кураторы могут быть лица добрые и неподозрительные. Кураторами могут быть как сами кредиторы, так и поверенные отлучных кредиторов и посторонние лица, но о последних сказано, что они должны быть купцами.

Это совершенно основательное расширение круга лиц, из коих избираются кураторы, установлено самим «сочинителем» устава, так как «проект» 1761 года ставил ряд ограничений национального характера. Авторы его, в сущности, лишь несколько дополнили постановления уставов 1740 и 1753 годов: там, как мы видели, указано на два случая: когда должник и кредиторы русские и когда должник иностранец, а кредиторы и русские, и иностранцы; к этим двум комбинациям авторы «проекта» добавили еще четыре: 1) когда должник иностранец, а кредиторы русские; 2) когда должник и кредиторы иностранцы; 3) когда должник русский, а кредиторы иностранцы; 4) когда должник русский, а кредиторы иностранцы и русские. Общее правило относительно всех этих комбинаций то, что когда должник и кредиторы одной национальности, то избираются кураторы именно из лиц этой национальности; если же или должник, или часть кредиторов русского должника иностранцы, — то избирается половина из иностранцев, половина из русских. Не-

лишне сделать еще одно замечание: содержащееся в уставе ограничение круга поверенных кредиторов, которые могли бы быть выбраны в кураторы, лишь поверенными заморских кредиторов, прямо взято из «прожекта», но там, кроме попутного указания на это в том месте, где речь идет об избрании кураторов, было выражено прямое запрещение выбирать кураторов из числа поверенных незаморских кредиторов. Это прямое запрещение не вошло в устав 1763 года, а попутное указание сохранилось. Интересно было бы знать: было ли прямое запрещение исключено из устава, потому что оно казалось излишним ввиду попутного указания, или предполагалось вовсе исключить самое ограничение, но по недосмотру оставлено мимолетное на него указание?

Кураторство по уставу 1763 года потеряло значительную долю своего публично-должностного характера, вернее, из него выделились случаи, в которых должность куратора не может быть названа *in ius publicum* /общественным бременем, обязанностью/. Устав, следуя «проjektу», прежде всего, различает кураторов, избранных кредиторами, и кураторов, назначенных судом; о праве последних отказаться от кураторства устав не говорит; затем, относительно кураторов избранных, говорит о праве этом лишь по отношению к тем, которые избраны из числа кредиторов, а не из лиц посторонних; сделано ли это намеренно или по недосмотру, сказать трудно. В тех же случаях, когда отказ возможен, устав его не допускает: а) по законным (?) причинам, к которым примерно отнесено и «отягощение кураторством при других конкурсах»; б) по усмотрению остальных кураторов; и в) без указания причин;

в последнем случае отказывающийся от кураторства должен «вместо себя с уполномочием поверенного надежного и способного человека из купечества представить», ежели же не представит, то на его место, по решению кураторов и кредиторов, должно быть нанято на его счет другое лицо. Мотивирует «сочинитель» устава это новое, не указанное в «проекте» право куратора заменить себя другим лицом тем, что «куратор имеет такое свое партикулярное дело, которое его присутствия или смотра не отменно требует и чтобы его сим не отягощать и в убытки не привести».

Кураторам, надо думать, полагалось известное вознаграждение. Это можно вывести из следующего: 1) кредиторы, не избравшие кураторов, подвергаются штрафу в размере «платы за труд» кураторам, назначенным судом; в уставах 1740 и 1753 годов они подвергались штрафу в размере «расходов, буде они востребуются»; в этом одном, конечно, нельзя было еще видеть намека на вознаграждение за кураторский труд; 2) вместо уклонившегося куратора, при известных нам условиях, «нанимался» другой; и 3) из вышеупомянутых резонов Коммерц-коллегии видно, что конкурс с двумя кураторами обходился дешевле конкурса с четырьмя.

Мы выше видели, что на определения конкурса могут быть приносимы жалобы «судебному месту». Независимо от того, «споры между конкурсом и требователями и должниками» до апробации «генерального счета» собранием кредиторов (по апробации жалобы «требователей» приносятся суду) могут быть разрешаемы *медиаторским* (третейским) судом, если только обе стороны на это согласны:

согласие это должно быть выражено в особой записи, засвидетельствованной публичным нотариусом, «без взятия пошлин». Избираются три или пять медиаторов, по усмотрению сторон. Определения медиаторского суда — окончательные: спор, раз разрешенный этим судом, не может быть вновь рассмотрен «судебным местом».

Упраздняется конкурс или нормально, выполнением своей задачи, или случайно, вследствие мировой сделки, состоявшейся между должником и кредиторами его. Что касается первого случая, то задача конкурса считается выполненной, когда деньги с продажи имущества и долги «собраны и разделены будут»; тогда конкурс вместе с кредиторами дает особому поверенному полномочие на получение «несобранных денег» и на раздел их между кредиторами. Относительно второго случая заметим, что, по заключении мировой сделки, конкурс не сразу упраздняется, а по сделании «обстоятельного счета».

Сочинитель устава почему-то не внес в него из «прожекта» 1761 года правила, по которому, в случае достаточности денег, которые банкрот имеет получить по двустороннему договору или доходов с имения для покрытия всех долгов банкротных, конкурс прекращается, причем если долги покрыты доходами с имения, то имение должнику возвращается.

Наконец, третьим конкурсным установлением является в) собрание кредиторов, или, как выражается устав, «общество кредиторское». Вообще, надо заметить, что устав 1763 года, следуя «прожекту» 1761 года, допустил в широкой степени участие

кредиторов в конкурсном процессе. До учреждения конкурса участие «одного или сколько прилучится» кредиторов выражается не только в том, что они присутствуют при судебных действиях, например, при описи, допросе, осмотре наследниками книг умершего должника, но и решают вопросы большей или меньшей важности; так, они решают вопросы: об исключении тех или других вещей из описи, об освобождении должника из-под караула с поручками или без порук, о распечатании вещей умершего банкрота ввиду явившихся наследников, об устранении конкурса путем отсрочки, уступки или мировой сделки и выбирают кураторов. По учреждении конкурса вопросы, подлежащие обсуждению «общества кредиторского», могут быть разделены на три категории: 1) вопросы, решаемые собранием кредиторов самостоятельно; 2) вопросы, решаемые им вместе с конкурсом; и 3) вопросы, решаемые им вместе с судом. К первой категории относятся вопросы: об условиях продажи имущества банкрота, о времени, когда приступить к разделу массы, о признании должника банкротом и о личных выше рассмотренных последствиях неосторожного и злого банкротства, вопрос о правильности того или другого из двух мнений, на которые разделились голоса в конкурсе, о мировых сделках и о смене кураторов. Ко второй категории относятся вопросы: о выборе лица на место уклонившегося или смененного куратора, о выборе куратора «для исправления письменных дел», об увольнении куратора, о выдаче аттестата непорочному банкроту, о выдаче поверенному полномочия на окончание конкурсного дела и об обращении к суду за разрешением затруд-

нения — все эти случаи уже рассмотрены выше⁸⁰. К третьей категории относятся вопросы об основательности резонов, приводимых конкурсом в оправдание своей медленности и о назначении второго и третьего торга при продаже фабрик. Наконец, созываются общие собрания кредиторов для апробации «генерального счета» и, по окончании конкурса, для раздела дополученной суммы.

Хотя устав и не дает подробных правил организации «обществ кредиторских», но, очевидно, представляет себе их как собрания всех кредиторов — без различия классов, как это было в уставах 1740 и 1753 годов, — имеющих обсуждать вопросы в должном порядке. Ради устранения происходящих от несогласия споров, «затруднений и помешательств», установлено правило об исчислении большинства или, как устав выражается, «большой половины» голосов. Дела решаются в собрании по большинству голосов, а большинством почитается число кредиторов, имеющих в сложности право не менее, чем на три четверти всей долговой суммы. Только для заключения мировой сделки требуется единогласное решение собрания. Заслуга «сочинителя» устава 1763 года по этому вопросу более теоретическая, кодификационная. Авторы «проекта» 1761 года при каждом частном случае повторяют, что кредиторы решают такой-то вопрос большинством трех четвертей голосов. «Сочинитель» устава обобщил отдельные указания, выставив общее правило.

---

⁸⁰ «Проект» 1761 года требует согласия кредиторов и при отпуске заготовленного товара за море. Прим. автора.

Что касается второй категории органов конкурсного процесса, а именно сторон, то юридическое положение 1) несостоятельного должника определяется уставом 1763 года тоже различными правилами, соответственно трем периодам: до объявления банкротства, по объявлении банкротства и по окончании конкурса. Правила эти касаются одного или нескольких из этих периодов.

а) В течение всех трех периодов должник лишается права торговли: видя свою фактическую несостоятельность, он должен «прекратить торг». Только несчастному банкроту право это возвращается до окончания второго периода, именно по истечении двух недель со времени апробации собранием кредиторов генерального счета, то есть с утверждением судом аттестата; неосторожному банкроту это право возвращается, если он по воле кредиторов будет освобожден от наказания; над злостным запрещение это тяготеет ввиду его «вечной ссылки»; но и ему это право возвращается, когда он от ссылки освобождается детьми.

б) Правила, касающиеся последних двух периодов. Должник «по учинении надлежащего о запечатании пожитков, и прочего распоряжения» лишается свободы. Сначала он содержится под караулом, а затем над неосторожным и злостным банкротами приводят в исполнение приговор о лишении их свободы в той или другой из известных нам форм. Освобождается банкрот, без различия видов несостоятельности, от содержания под караулом, как и по уставам 1740 и 1753 годов, по представлении

поручительства; но желанию кредиторов придано решительное значение: они могут освободить его и без поручительства⁸¹ и могут отвергнуть представленное поручительство. Затем эта *cautio iudicio sisti / обязательство банкрота явиться в суд/* изменена несколько в том смысле, что поручитель ручается не только в том, что должник «до окончания дела не скроется и никуда не отлучится», но и «всякий день» будет являться в суд или в конкурс. Однако банкрот, признанный несчастным, освобождается от содержания под караулом немедленно по официальном признании его таковым: по апробации генерального счета ему выдается аттестат⁸²; он сам должен «объявить» этот аттестат суду, из чего видно, что с выдачей аттестата он освобождается от ареста. Условия освобождения от наказания неосторожного и злого банкрота уже изложены выше.

в) Правила, касающиеся первых двух периодов. Общая характеристика этих периодов та же, что и по прежним уставам, в частности, должнику, который предвидит свое «неминуемое несостояние» или уже «объявлен банкротом», запрещается: а) «как своим займодавцам, так и никому из них по свойству и дружбе платежа к обиде другим чинить», б) векселя переписывать, в) обязательства выдавать задними числами, г) выдавать расписки и поступные письма,

---

⁸¹ Мотивирует Коллегия это тем, «чтобы судебные места собою не отпускали и впредь от того особливых жалоб быть не могло». Вероятно, такие жалобы были. Прим. автора.

⁸² По «проекту» 1761 года конкурс должен был в шестинедельный срок выдать этот аттестат. «Сочинитель» устава заменил срок выражением «ни мало не мешкая». Прим. автора.

д) чинить переводы и укрепления, е) «давать заклады» в обеспечение «настоящих долгов» и е) выдавать кредиторам и посторонним лицам «по стачке» векселя и другие обязательства. Последствия нарушения этих запрещений изложены в уставе весьма туманно, а именно, предписывается: 1) если найдутся такие ненадлежащие сделки и переписки, оные *уничтожатся*; 2) «заклады отбирать в конкурс, а тем займодавцам иметь равенство с прочими кредиторами»; 3) «с такими, кои станут по таким данным по стачке векселям и обязательствам требовать, поступать как с «утаителями». Не говоря уже о том, что тут не указаны последствия первого запрещения — уплаты долга *in fraudem creditorum* (т.е. возврат уплаченного), — не ясно: 1) о каком «уничтожении» сделок идет речь: «в уставе 1740 года (а также 1753 года), как мы видели выше, ничтожность подобных сделок была относительная⁸³: «сочинитель» же устава 1763 года, заявляя в «резонах», что «сей пункт написан с прежним положением согласно», обнаружил совершенное непонимание той теории, которая проводилась в уставе 1740 года и следа которой нет в уставе, им «сочиненном». Надо думать, что здесь речь идет о ничтожности абсолютной, — на относительную ничтожность нет и намека; 2) выражение «тем займодавцам», конечно, относится не ко всем ранее перечисленным, а лишь к тем, которым дан заклад в обеспечение их «настоящего требования»; тогда и ясно станет, о каком «равенстве» на конкурсе говорит устав; 3) неясно, относится ли кара, которой устав угрожает лицам, получившим по стачке вексе-

---

⁸³ Т.е. сделки признавались оспоримыми

ля и другие обязательства, исключительно до этих лиц, или же этому подвергаются, например, кредиторы, для которых векселя переписаны и написаны задним числом. Надо полагать, что кара эта относится до всех лиц, «по стачке» вознамерившихся причинить ущерб массе, и что, следовательно, *conscientia fraudis* рассматривается в уставе не как обстоятельство, влияющее на характер ничтожности, а как, если можно так выразиться, обстоятельство, увеличивающее вину или, вернее, обращающее гражданское правонарушение в уголовное.

Несостоятельный должник, лишенный, таким образом, права вступить в договоры, может заключить только один договор — мировую сделку со своими кредиторами, согласившимися на это единогласно. Устав, воспроизводя почти буквально правила «проекта» 1761 года, различает три периода, когда эта сделка может быть заключена: период от наступления фактической несостоятельности до вступления требований в судебное место, период от вступления требований в судебное место и от учинения публикации до открытия конкурса и период, следующий за открытием конкурса до раздела массы. Что касается первого периода, то устав дает мировой сделке такую характеристику: 1) ей учиняется новое обязательство уплатить долг, «почему на рубль» придется; 2) должник остается «по-прежнему в полном владении» своим имуществом; 3) банкротом он не признается до тех пор, пока «новоучиненное обязательство исполнять будет». От этой мировой сделки устав как бы различает соглашение должника с кредиторами, в силу которого кредиторы ему «уступают», из «долгу исключают» 25%. Соглаше-

ние это незнакомо «прожектору» 1761 года, именно как сделка с определенной уступкой, но знакомо как сделка мировая «по чему на рубль взять». Конечно, по существу, и это соглашение есть мировая сделка, но устав указывает на такие признаки ее, благодаря которым она выделяется в сделку *sui generis* /своего рода/, а именно: 1) она заключается только тогда, когда должник сам заявит кредиторам о своей несостоятельности; 2) для заключения ее не требуется единогласного решения всех его кредиторов; этого прямо не выговорено, а потому следует применить общее правило о решении дел большинством голосов; 3) обязательство, вытекающее из этого договора, заключается в уплате не «сколько на рубль» придется вообще, а именно 75% долга. Обе эти сделки, по существу, характеризуются тем, что ни в каком случае не могут быть рассматриваемы как сделки, заключенные *in fraudem creditorum*, в ущерб «отлучным» кредиторам, почему, вероятно, в уставе на этот конец ничего и не постановлено.

Хотя общей характеристики мировой сделки второго периода устав и не дает, но она, очевидно, в общем остается той же, причем во втором периоде к ней прибавляются следующие черты: 1) кредиторам по просьбе, исходящей от большинства, дается срок, дабы они могли «состояние должника рассмотреть и решить, можно ли им с таким банкротом заключить сделку»; 2) арест имущества и производство публикаций отлагается; 3) когда последовало, по единогласному решению кредиторов, заключение мировой сделки, то в случае обнаружения, что она заключена в ущерб «отлучным» займодавцам, она, надо полагать, останется в силе. Это мы выводим

из того, что устав указывает на два последствия такой сделки: с должником поступается как со злостным банкротом, а кредиторы, «кто в том заведомо согласился», обязаны дать «обиженным полное удовлетворение»; если второе из этих последствий предполагает сохранение сделки в силе, то нет основания не допускать того же относительно первого; противно логике признавать в силе данный договор, невзирая на то, что кредитор заведомо действовал в ущерб «отлучным», и не признавать этой силы в том случае, когда кредитор не знал о существовании этих «отлучных». Надо полагать, что в последнем случае в конкурсе такого злостного банкрота кредиторы по такой мировой сделке могли осуществлять свои требования, основываясь на самой сделке. От мировой сделки этого периода устав отличает сделку, состоявшуюся между кредиторами, уже подавшими свои требования судебному месту, и должником, в силу которой последнему дается отсрочка. Устав, хотя и говорит, что должник должен «поставить верные поруки» в том, что он в состоянии будет удовлетворить своих кредиторов, если «ему время дано будет»; но, предоставляя, вообще, дачу отсрочки усмотрению займодавцев, «кто тут прилучится», он не придает этим «порукам» значения условия действительности самого соглашения. Наконец, что касается мировых сделок третьего периода, то устав лишь дает два формальных указания на случай состоянности их: производится публикация о том, что банкрот таковым уже не признается, и делается обстоятельный счет имуществу и долгам, который свидетельствуется публичным нотариусом, оставляющим у себя копию с него.

2) К правилам, касающимся одного второго периода юридического положения несостоятельного должника, относится то, что вместе с объявлением его банкротом на все имущество его налагается арест: движимое запечатывается, на недвижимое налагается запрещение; он теряет право распоряжаться им, «оно, — как выражались уставы 1740 и 1753 годов, — уже не его», ему остаются лишь нужная одежда и съестные припасы, а из домашних вещей те, которые кредиторы заблагорассудят за ним оставить. О *beneficium competentiae* устав, в противоположность уставам 1740 и 1753 годов, ничего не говорит, но если иметь в виду, что Коммерц-коллегия как на источник статьи, гласящей о мировых сделках, указывает на статью устава 1753 года, говорящую о *beneficium competentiae*, то можно заключить, что у кредиторов не отнято право давать должнику содержание; признав раз решительное значение воли кредиторов в конкурсном процессе, не было надобности упоминать об этом в каждом отдельном, частном случае.

Что касается правил, относящихся до одного первого периода, то уставом предусмотрен упущенный авторами «прожекта» 1761 года из виду случай смерти такого должника, имущество которого «будет ли столько на расплату долгов, неизвестно», и наследники которого также неизвестны. Из опасения, чтобы имение такого должника «не было растащено», кредиторы могут просить суд об опечатании имения и о вызове наследников, объявив сроком явки один месяц. Если до истечения этого срока наследники явятся, им предоставляется *beneficium inventarii* или, как выражается устав, им дается «время, чтобы они

осмотрелись»; на это им полагается тоже месячный срок. До истечения этого срока наследник должен объявить: принимает он наследство или нет. В первом случае, однако, одного этого объявления недостаточно: для признания наследников таковыми необходимо еще, чтобы они письменно обязались платить долги наследодателя, «и кредиторы их в том им поверили». Юридические последствия этого принятия наследства и обязательства те, что: 1) с имущества снимается арест, и оно передается лицам, вступившим в наследство; 2) такое принятие наследства бесповоротно, — отречение невозможно; 3) наследники отвечают за долги наследодателя не в размере полученного наследства, но всем своим имуществом. Если же никто из наследников в срок не явится, или явившиеся «за множеством долгов» от принятия наследства откажутся, то открывается конкурс на общем основании. Не указывает устав на тот случай, когда наследники явятся в срок и согласятся принять наследство и платить долги, а кредиторы им не поверят. Очевидно, принятие наследства в этом случае невозможно. Вся эта процедура опубликования, опечатания, открытия конкурса устраняется, когда наследник должника немедленно после его смерти станет уплачивать его долги.

Наконец, что касается последнего периода, то есть по окончании конкурса, то мы выше уже указали на юридическое положение банкротов каждого из трех видов. В противоположность уставам 1740 и 1753 годов, устав 1763 года, следуя «проекту» 1761 года, совершенно освобождает жену и детей от ответственности по окончании конкурса, разве бы они «в отцовском плутовстве участие име-

ли». Правило это, как говорят авторы «прожекта» 1761 года, «с натуральными правами и взаимным человеколюбием, с совестным и беспристрастным рассуждением, да как с общей пользой, так и особливо для благосостояния купечества согласно». По этому поводу авторы делают одно загадочное и совершенно непонятное указание. Они говорят, что в прежде сочиненном банкротном уставе находится следующее постановление: «как банкрот, хотя бы был беспорочный, так и жена его на все время (т. е. до полного удовлетворения кредиторов) остаются должными и ко взысканию подверженными, а дети от тех взысканий не исключены». Такого именно постановления, то есть в таких выражениях, в уставах 1740 и 1753 годов нет. Это может навести на мысль: не было ли еще какого-нибудь банкротского устава, нам неизвестного. Но мысль эта устраняется тем, что во многих других местах примечаний к «прожектору» совершенно верно приведены номера и содержание статей устава 1753 года.

Противниками должника являются 2) кредиторы. Устав 1763 года допускает не только самоличное участие кредиторов и других лиц в конкурсном процессе, но и участие их через представителей. Удостоверяется полномочие «поверенных» особыми «верующими письмами» /т. е. *доверенностями*/, засвидетельствованными нотариусом. Явка доверенности в конкурсе требуется лишь тогда, когда доверители живут в другом государстве или городе. Верующее письмо дает поверенному право «все то делать, что самим займодавцам по уставу требуется и дозволяется».

К числу кредиторов принадлежат: 1) *конкурсные кредиторы*. Устав под конкурсными кредиторами понимает не исключительно личных кредиторов, но и таких, требования коих обеспечены залогом. Закладо- и залогоприниматели, как увидим, могут быть при известных условиях конкурсными кредиторами. О «закладных обязательствах» уставов 1740 и 1753 годов устав 1763 года вовсе не упоминает и, следовательно, не имеет в виду случая, когда заклад не находится во владении залогопринимателя. Всякий личный кредитор может быть конкурсным кредитором: как казна, так и частные лица; только жена банкрота таковым быть не может, потому что все ее имущество поступает в конкурс, дети же ее от прежнего супружества могут быть таковыми. В уставах 1740 и 1753 годов речь тоже шла о детях прежнего супружества и там, судя по буквальному смыслу выражений, можно было думать, что речь идет именно о детях банкрота от прежнего его брака. Мы уже высказали предположение, что тут, вероятно, имелись в виду не эти дети, а дети жены банкротовой от первого брака. Так понял это, вероятно, и составитель устава 1763 года. В заголовке статьи 8 Главы III говорится ясно: «Прежнего банкротовой жены супружества детей», а в тексте статьи сказано: «Прежней жены банкротовой супружества детей» — фраза совершенно бессмысленная, но как бы намекающая на то, что речь идет о детях самого банкрота, а не о его пасынках; особенно это как будто подтверждается тем, что в «резонах» сказано: «О детях прежнего супружества его с прежде сочиненным Коллегия согласна»; это, однако, скажем к слову, не помешало Коллегии «сочинить»

новое правило, то есть кое-что выписать из «проекта», оставить несколько выражений из устава 1753 года и кое-что прибавить от себя. Примечание к «проекту» устраняет, однако, всякое сомнение в том, какие это «дети». Там о них говорится, как о детях, «оставленных от родителя своего с довольствием». Устав различает два основания, по которым «найденное» у банкрота имущество, принадлежащее его пасынкам, находится именно в составе его имущества: или оно, как сказано и в «проекте» 1761 года, «было из процентов или из частей прибыли», то есть находилось в его пользовании, или же, как сказано и в уставах 1740 и 1753 годов, «никогда в руки и во владение банкротово не пришло, но всегда отделено оставалось», то есть, находилось у него на сохранении. Мысль эта, однако, выражена крайне неудачно; так, не нахождение имущества «в руках и во владении», с одной стороны, не может быть противопоставляемо тому, что оно «отделено оставалось», а, с другой, — противоречит тому, что оно «найденно» у банкрота. Когда имущество пасынков находилось лишь на сохранении у отчима-банкрота, то оно возвращается им (а если они малолетние, — прибавляет от себя «сочинитель» устава, — то опекунам); если же оно находилось в пользовании, то поступает в массу, и пасынкам предписывается «удовольствие чинить с прочими кредиторами наравне», то есть они становятся конкурсными кредиторами. В «проекте» же 1761 года мысль эта выражена ясно; ни о каком нахождении «в руках», «владении» и «отделении» не говорится, а сказано просто: если имущество отдано «на сбережение», то оно возвращается, а если из процентов, то поступает в конкурс.

Когда имущество, отданное в пользование, заключается в деньгах, то не может быть никакого сомнения в том, что эти пасынки и должны быть конкурсными кредиторами. Но как быть, когда имущество это составляют другие вещи, движимые или недвижимые? По существу, в этом случае пасынки — сепаратисты *ex jure domini*, но устав их причисляет к конкурсным кредиторам.

Устав далее не требует, чтобы сроки обязательств кредиторов уже наступили; подобно уставам 1740 и 1753 годов, он высказывает эту мысль лишь по отношению к вексям, предписывая делать по таким вексям вычеты «из настоящей суммы» в размере шести процентов годовых, «считая со дня банкротства по день сроку того векся». Надо полагать, что это правило подлежит распространительному толкованию, ибо едва ли намеренно, а скорее, случайно, оно предписано по отношению лишь к вексям.

Право кредиторов, часто преклюзивное, а не только срочное в смысле конкурсного требования (*Concursanspruch*); устав, подобно «прожектору», говорит о совершенном лишении кредиторов своих претензий по истечении сроков. Сроки эти исчисляются со дня третьей публикации о вызове кредиторов; относительно же самих сроков Коммерц-коллегия, приняв правила уставов 1740 и 1753 годов, сделала двоякое изменение: 1) между туземными кредиторами различает кредиторов, «живущих в том городе, где дело производится», и кредиторов «из других городов», — первым оставлен прежний двухнедельный срок, вторым же к этому сроку прибавляется столько, сколько «публикация до того города дойти и обратно получиться мо-

жет»; 2) уменьшен срок «заморским» кредиторам — с шести- на четырехмесячный; мотивируется это тем, что «прежний» полугодовой срок весьма продолжителен и «чрез нынешний четырехмесячный во всей Европе исправиться можно». Пока масса еще не разделена, кредиторы, пропустившие сроки, могут просить об их восстановлении. Прежние уставы, а также «прожект», допускали это восстановление срока лишь в том случае, если кредиторы докажут невозможность своевременного заявления, устав же 1763 года, кроме того, в случае неимения доказательств, позволяет «утвердить» это обязательство присягой.

Что касается осуществления прав конкурсных кредиторов, то устав, признавая абсолютную универсальность конкурса, то есть право кредиторов получать удовлетворение исключительно через конкурс, указывает на порядок их удовлетворения, причем, однако, не делит кредиторов, подобно своим прототипам, на классы. По возвращении кредиторам *ex jure domini* из вещей, по уплате конкурсных расходов и по удовлетворении залогопринимателей, устав предписывает уплатить *полностью* «приказчикам и служителям банкрота, хлебникам, мясникам, пивоварам, мастеровым, работникам и тем подобным людям, кои ставили съестные припасы и нужные потребности в дом»; уплачено им должно быть за текущий год и «по большей мере» за год перед банкротством. Мотивируется это тем, «что сии люди по их бедности с прочими кредиторами сравнены быть не могут и ежели и им ровно с кредиторами, по чему на рубль достанется, платеж чинить, то могут вовсе разорены быть; к тому ж

на такие платежи и невеликие суммы бывают»⁸⁴. В одинаковое положение с требованиями этих лиц поставлены «требования церковные и в церквах же на сирот собираемые деньги». Все, что остается за уплатой полностью этих долгов, распределяется между остальными кредиторами, без всякого между ними различия; так что, например, вексельные долги поставлены в одинаковое положение с долгами пасынков и т.п. Мотивирует Коллегия это уравнивание кредиторов тем, что «всякий кредитор, по какому бы обязательству или доказательству на банкроте долг свой имеет, равное и удовлетворение получить должен, а что в прежде сочиненном уставе платеж расписан по разным классам и предпочтены против других долгов векселя, то кажется сие прочим должникам⁸⁵ (?) весьма обидно, ибо иногда банкротова имения столько, что на платеж и одних векселей не будет, и так кредитор вексельный сколько-нибудь да получит, а прочие должники вовсе (?) и всего своего долга лишатся». Эти кредиторы: 1) получают «по равным частям, по чему на рубль кому достаться может»; 2) имеют права получить по вексялям и другим обязательствам (в уставе описка: «обстоятельствам») рекамбии и процентов; мотивирует это Коллегия тем, что «оных и платить нечем, понеже желательно было, чтобы банкрот

---

⁸⁴ Своеобразный аналог современных кредиторов привилегированных очередей (для современного российского законодательства — первой и второй очередей); объяснение причин такой привилегированности не утратило актуальности и сейчас.

⁸⁵ Здесь и далее очевидная описка в оригинале устава, конечно, имеются в виду кредиторы. Прим. автора.

хотя бы и настоящий капитал заплатить мог»; 3) как и по уставу 1753 года, разделу подлежат не только наличные деньги, но и долги. Кредиторы, не получившие удовлетворения при первом разделе массы, получают доплату при каждом последующем разделе до того времени, пока вся активная масса будет исчерпана. Привилегия установлена уставом лишь в пользу векселедержателя-кредитора, по векселю, обеспеченному поручителем: чего он не дополучит из массы, то он может требовать от поручителя.

В общем, эти правила удовлетворения кредиторов взяты из «прожекта» 1761 года, но они подверглись некоторым более или менее существенным изменениям. И авторы «прожекта» не приняли четырехкласного деления кредиторов устава 1740 года и решительно высказались против оснований, по которым барон Менгден предоставил одним кредиторам преимущество перед другими. Выше мы привели эти основания. По мнению авторов «прожекта», «осторожность (о которой говорится в уставе 1740 года) собой награждается во всех случаях, кроме банкротства, или по банкротству должника преимущество имеет, потому что при конкурсе (кредитор) кратким способом требования свои доказать может». Смысл этого тот, что большая предусмотрительность, выразившаяся в прочном оформлении обязательств и вызванная тем легкость доказывания своего права на суде, не должны давать никаких преимуществ при конкурсе. В частности, авторы «прожекта» возражают против преимуществ, предоставленных уставом 1753 года вексельным кредиторам и казне. В возражениях своих они исходят из следующего: «Дело в том, — говорят

они, — только состоит, что долг на банкротстве имеется и тот долг по векселям, по контрактам, по домашним обязательствам или распискам или счетам, или хотя на то он (кредитор) от того банкрота и никакого виду не получил, однако то долг покуль не заплачен, действительным есть долгом и, следовательно, и заплачен быть должен». В частности, против преимущества вексельных кредиторов высказываются возражения, коими доказывается несправедливость такого преимущества по отношению к другим кредиторам; большинство этих последних не берут векселей и других «формальных обязательств» по неведению, и за это слишком тяжко наказываются лишением своих прав; это большей частью «бедные и неимущие люди», тогда как вексельные кредиторы, «в пространный торге обретающиеся» и опытные, суть люди богатые.

Как будто бы сознавая, что предлагаемое уравнение вексельных кредиторов с другими может повредить интересам общества, торговле, авторы «проекта» указывают на то, что, в противовес этой отнятой привилегии, вексельные кредиторы позаботятся об увеличении конкурсной массы, чего по прежним уставам от них нельзя было ожидать; по «плану» авторов «проекта», все имущество, не исключая почти ничего, а «наипаче в комиссии имеющиеся товары, в пользу всех займодавцев употребляться имеет». Соображения, с юридической точки зрения, в корне несостоятельные. Что касается казны, то авторы «проекта» лишили ее преимуществ, потому что «в казенных долгах сверх занимаемого обыкновенно берутся поруки; следовательно, недостаточное число взыщется с поручителей».

И по «прожектору» «сначала получают удовлетворение приказчики, служители, работники и сироты» (церкви преимущества не дано). За этих лиц особенно ходатайствуют авторы «прожектора». Они говорят, что эти люди «по обычаю некоторых иностранных государств платеж долгов своих всегда получают *сполна и прежде других*, и весьма б желательно, чтоб по их неимуществу и здесь по тому ж благоволено было велеть поступать». Как бы предвидя, что такая привилегия не будет «опробована», они ходатайствуют, чтобы, «по крайней мере», людям этим был уплачен долг «по равному числу, как и всем, но *прежде других*», приводя то соображение, что было бы желательно, чтобы эти люди, не получив полного удовлетворения, «вдаль не убытчились волокитой и тратой их времени», а «пропитание всех рукодельных людей единственно состоит в прилежном употреблении времени их в их промысле». В видах возможной неапробации «сполна» и «прежде других», авторы внесли в «прожектор» положение о платеже «рукодельным людям» и сиротам «по равному числу, как и всем, но прежде других», а уж после них удовлетворяются остальные кредиторы. В «толковании» авторы «прожектора» иллюстрируют свою мысль таким примером: долгов у банкрота на 5000 рублей, в числе коих 500 рублей причитаются «работным людям»; актив массы оценен в 2500 рублей, так что кредиторам на рубль приходится пятьдесят копеек. К первому разделу выручено наличных 1500 рублей; из этойто суммы «работные люди» на свои 500 рублей должны получить 50 %, то есть 250 рублей, а по их удовлетворении остающиеся 1250 рублей делятся

между остальными кредиторами. «Сочинитель» устава 1763 года, как мы видели, осуществил смелые *pia desiderata* авторов «прожекта» и признал за «работными людьми» и сиротами (присоединив к ним церковь) право на «полное» и «прежде других» удовлетворение. Далее, не принял «сочинитель» устава предложения авторов «прожекта» о взимании вексельными кредиторами рекамбии и процентов. Они предлагали причислять к сумме требования рекамбию и проценты по таким векселям, «которым срок минул» и «которые протестованы». Сознывая, с другой стороны, что взыскание в пользу одних вексельных кредиторов процентов и рекамбии (хотя это и «внесено» в план, потому что требуется вексельным уставом) «весьма для прочих займодавцев тягостно», авторы «прожекта» предлагают два ограничения, а именно: 1) ограничить размер процентов шестью и 2) рекамбию причислять только по векселям, «кои даны для получения платежа за морем»; мотивируется это тем, что по таковым векселям «рекамбия единственно служит для награждения случающихся по таковым векселям, убытков от разности в курсе, а внутренний вексель таким убыткам не подвержен»; но в текст статей «прожекта» авторы этих ограничений не внесли. «Сочинитель» устава 1763 года поступил решительней и, разумеется, целесообразней и, безусловно, запретил причисление к капиталу процентов и рекамбию, по изложенному выше соображению.

На совокупность кредиторов устав смотрит так же, как и прежние уставы, как на собственника имущества, принадлежавшего до конкурса банкроту.

2) К сепаратистам *ex jure crediti* устав причисляет залого- и залогопринимателей и, подобно уставам 1740 и 1753 годов, различает два случая: когда заложенная вещь стоит больше, чем за сколько она заложена, и когда она стоит менее того, но различие это имеет тут несколько иное значение. В первом случае заклад не выкупается, а поступает в массу, продается вместе с другими вещами, и залогоприниматель, как привилегированный конкурсный кредитор, получает полное удовлетворение, или, как выражаются «резоны», «деньги отдавать по продаже, а не наперед». Во втором случае вещь не оставляется у залогопринимателя, как было по прежним уставам, а поступает в конкурс и продается отдельно от массы, а вырученные деньги передаются залогопринимателю, как сепаратисту *ex jure crediti*, причем, как было сказано выше, в недостающей сумме он сохраняет права конкурсного кредитора. Это второе положение впервые внесено в устав, — в «прожекте» 1761 года мы его не находим.

Что касается 3) сепаратистов *ex jure dominii*, то в уставе указываются следующие основания нахождения собственного имущества этих лиц у банкрота:

а) Отдача на сохранение. Устав, в сущности, передает то же, что и содержится в «прожекте» 1761 года, и добавляет лишь, подобно уставам 1740 и 1753 годов, что имущество должно быть «под печатью и с ярлыками». К сепаратистам по поклаже, как мы видели выше, устав причисляет и пасынков банкротных относительно имущества, никогда не бывшего «в руках и во владении» их отчима;

б) Отдача на комиссию. Устав говорит только о комиссионных сделках по такому товару, кото-

рый привозится из-за моря, и отправляется за море, и различает комиссию покупки от комиссии продажи. Что касается первой, то он имеет в виду два случая: а) когда банкротом окажется комиссионер, и б) когда банкротом окажется покупатель-комитент; первый случай разрешается уставом в том смысле, что товар, оказавшийся у банкрота-комиссионера, хотя бы он (товар) был нагружен для отправки, коносаменты на него были посланы к комитенту-покупателю и деньги были уплачены продавцу, поступает в массу. То же самое и во втором случае, — товар, купленный комиссионером «на счет» банкрота-комитента, по прибытии идет в массу. При комиссии продажи устав имеет в виду лишь банкротство комиссионера; если на товары им заказанные коносаменты уже получены или получатся, то устав различает: находятся ли товары в руках банкрота-комиссионера или нет; в последнем случае они должны быть возвращены комитенту-продавцу, ибо, как говорит Коллегия, «банкрот хозяином оных почтен быть не может», и комитент становится сепаратистом *in jure domini*; если же товары уже находятся «в банкротских руках», в амбарах или в лавках, то устав опять различает, «иностранный ли» комитент или «русский купец»; в первом случае товар поступает в конкурс, и комитент становится конкурсным кредитором, во втором же случае он считается сепаратистом *ex jure domini* и получает обратно свою собственность. Эта последняя привилегия «русских купцов» мотивируется Коммерц-коллегией таким образом: «А что иностранных купцов наличные товары, напротив того, на конкурс брать, рассуждается,

и то потому, что они состояния иностранного более знают и при учреждении здесь их контор сами выбирают и верят, а по той доверенности и российские купцы обнадеживаются, понеже иностранные, когда же своего здесь в доверенности не учредили, то бы и российские от него убытку не претерпевали». Вышеизложенные правила об отдаче товаров на комиссию хотя и заимствованы из «прожекта» 1761 года, но далеко не целиком. Различие заключается в следующем: 1) в комиссии покупки при несостоятельности комиссионера авторы «прожекта» 1761 года предложили возвращать товар продавцу, если только к комитенту-покупателю будет послан коносамент, и 2) в комиссии продажи при банкротстве комиссионера товар безусловно идет в массу, в пользу всех займодавцев, как собственность банкрота. Так что «прожект» 1761 года относится в сущности так же сурово к комитентам и комиссионерам банкрота, как и устав 1763 года, хотя при банкротстве комиссионера по комиссии покупки, в противоположность уставу 1763 года, товар возвращается, но за то, с другой стороны, в комиссии продажи он идет в массу, хотя бы и не находился в руках банкрота, чего устав 1763 года не допускает даже по отношению к комитенту-иностранцу, лишаемому товара лишь в случае нахождения его в руках банкрота-комиссионера. Нельзя сказать, чтобы аргументация авторов «прожекта» в пользу их, как они говорят, согласного с «натуральными правами» взгляда была очень сильна. Они видят несправедливость в том, чтобы кредиторы по комиссионным сделкам были поставлены в лучшее положение, «чем кредиторы по денежным обязательствам». «Российские куп-

цы, — говорят авторы «прожекта», — при продаже своих товаров заезжему иноземцу, а российские же и иностранные при даче такому же денег на векселя, о кредите такого займателя ничем более уверены быть не могут, как смотря на число получаемых им из-за моря товаров; легче всякому себе представить можно, сколь досадно займодавцу, когда при случае банкротства те точные товары, на которые он большую свою надежду полагал, когда тому верил, при глазах его отберутся для отдачи другим, а должник его не только с пустыми сундуками, но и с пустыми амбарами и погребями останется». Независимо от этого, во всяком случае, серьезного аргумента приводится и то, что проводимое авторами воззрение, «в генеральном рассуждении справедливое», более согласно «с обстоятельствами здешнего порта» и «здешней коммерции» и что вызванное «установлением сего пункта» неудовольствие «заморских купцов» «за ложное почесть можно», так как от них зависело справиться «о состоянии и поведении» их комиссионера.

в) Отдача в заклад. Этот случай не был известен уставам 1740 и 1753 годов, а взят с некоторой урезкой из «прожекта» 1761 года. Случай этот нормирован двумя положениями: 1) если в имуществе банкрота «найдутся» вещи, отданные ему его должником в обеспечение долга, и срок платежа еще не наступил, то, совершенно независимо от того, в каком отношении будет находиться стоимость вещи к сумме долга, вещь должна быть возвращена залогодателю, по получению от него должной суммы; 2) если же он долг в срок не уплатит, то заложенная вещь продается, а деньги поступают

в массу. Устав, выставляя первое из этих правил, имел в виду тот случай, когда ко времени открытия конкурса срок обязательства, обеспеченного залогом, еще не наступил, — срок платежа заемной суммы «еще не пришел». По наступлении же срока конкурс может потребовать платежа и обязан выдать заложенную вещь или же при неуплате обязан продать вещь и деньги внести в массу, — а до того времени отношение находится *in statu quo*. Это такое отступление от общего правила о пресечении сроков в момент открытия конкурса, что без точного и ясного указания в законе допущено быть не может. Буквальный смысл правила устава действительно таков. Но если мы обратимся к скрытому Коммерц-коллегией источнику устава, то увидим, что в «прожекте» 1761 года вовсе не имеется в виду непременно наступление срока платежа, а говорится лишь, что «по принятии платежа вещь должна быть возвращена»; разумеется само собой, что платеж должен быть произведен в срок, назначенный конкурсом; «сочинитель же» устава, от себя прибавив слова «срок платежа не пришел», совершенно изуродовал первоначальный текст. Он видел, что во втором положении говорится о неуплате в срок, и хотел в первом положении восполнить якобы пробел. Между тем, именно во втором положении упоминание о сроке только и имеет смысл, но опять не непременно об указанном в акте сроке платежа, а о сроке, установленном конкурсом. Кроме этого извращения смысла правила, «сочинитель» виновен еще в одном. «Прожект» при применении второго положения различает два случая: когда заложенная несостоятельному вещь стоит более, чем он дал под

нее, и когда она стоит менее того; в первом случае, по продаже заложенной вещи, излишек (*hyperocha*) возвращается залогодателю, во втором — он почитается должником банкротным «в недостаточном числе». «Сочинитель» устава не дописал сделанной им из «прожекта» 1761 года выписки, и вышло, что юридическая судьба излишка или недочета в вырученной от продажи заложенной вещи сумме совершенно неизвестна: идет ли первый целиком в конкурс, или он возвращается должнику, прощается ли второй должнику или становится личным его долгом, — все это вопросы, не разрешенные уставом.

Рассмотрев вопрос об органах конкурсного процесса, переходим к вопросу о конкурсной массе, в смысле массы активной. В состав массы входит все наличное и долговое имущество банкрота и жены его, принадлежащее им во время открытия конкурса; об имуществе, приобретенном в течение конкурса, устав не упоминает, — правила уставов 1740 и 1753 годов об этом предмете не перешли в устав 1763 года. Тем не менее с достоверностью можно сказать, что имущество, приобретенное в течение конкурса неосторожным и злостным банкротами, идет в массу, если их имущественная ответственность не прекращается по прекращении конкурса, то трудно допустить, чтобы имущество, доставшееся им во время конкурса, не поступило в массу. Судя по буквальному смыслу выражений, «прожект» 1761 года включает даже в состав массы будущее имущество, ожидаемое наследство, — на что не решился составитель устава 1763 года. Авторы «прожекта» говорят о так называ-

емых ими «неминуемых наследствах», то есть таких, «которых владетели по состоянию тех наследств мимо того банкроты или жены его остались не властны». Утверждать, что эти наследственные имущества входят в состав массы при жизни наследодателя, так как устав предписывает конкурсу их продать или сдать в аренду, то есть отобрать у владельцев, — невозможно; авторы «прожекта», конечно, не могли установить такое бессмысленное правило. Надо думать, что правило это касается того случая, когда во время конкурса, вследствие смерти наследодателя, откроется в пользу банкрота такое «неминуемое наследство», — оно-то может быть или продано, или сдано конкурсом в аренду, как имущество, приобретенное банкротом. Только при таком толковании станет ясным, что речь идет о родовых имениях.

Что касается, в частности, А) *наличного имущества*, то сюда входят: аа) все домашние вещи должника и жены его, кроме нужной одежды их, съестных припасов и вещей, оставленных у них по воле кредиторов; бб) недвижимые имения их; вв) наличные товары, находящиеся при комиссии покупки у банкрота как комиссионера или комитента-покупателя, и при комиссии продажи — у банкрота как комиссионера иностранного купца. По «прожектору» же 1761 года, как мы видели, в массу поступают все наличные товары, находящиеся у банкрота по комиссионным сделкам, за исключением лишь товара, находящегося у него как комиссионера, если к комитенту-покупателю уже будет послан коносамент. Мотивируют авторы «прожектора» правильность принятого ими взгляда тем, что, во-первых, отпуск за море товара, по которому коносамент уже отправлен, не причиняет «оби-

ды» займодавцам, ибо они «довольно вознаграждены при обратном случае», то есть в их пользу в массу поступает товар, присылаемый на имя банкрота на комиссию, и, во-вторых, «святость коносаментов не меньше нужно, как и о векселях потребно сохранять»; коносамент («в рассуждении корабельщиков») такой же вексель и так же должен быть исполнен в точности; г) наличные деньги, заключающиеся в капиталах его и жены его и в штрафных деньгах, взыскиваемых с кураторов, кредиторов, утаителей, укрывателей и др. Понятно само собой, что к массе причисляются все те вещи, которые не предписываются выдавать из нее *ex jure creditii* и *ex jure dominii*.

Наконец, Б) что касается *долгового имущества*, то на всех лиц, в руках коих оно находится, возлагается обязанность в положенные сроки, под страхом взыскания, заявлять об этом суду; деньги и вещи, возвращенные ими или с них взысканные, поступают в массу. К долговым имуществам устав относит:

1) долги на других лицах, то есть деньги, причитающиеся с них по займу в пользу должника; долги эти взыскиваются, как выше сказано, конкурсом «при прилежном старании» суда. В частности, устав упоминает о случае, не указанном в «прожекте», а именно, о векселях, выданных банкроту и подписанных сверх векселедавца поручителем, и предписывает взыскивать с поручителей при двух условиях: а) когда векселедателя «в лицах не будет», то есть он скроется, и б) когда у него не достанет имущества на уплату по векселю;

2) имущество, причитающееся в пользу банкрота по двусторонним договорам. Не только в силу общего правила, что «конкурс вместо банкрота и жены его

езде быть должен истцом», но и специального вения, исполнение обязательств, возникших до банкротства, зависит от того, как «конкурс за полезное рассудит»; «конкурс все то делает, что банкроту надлежало», и от исполнения договоров кураторы «несколько могут наградить займодавцев в число недостаточной в долгах суммы». Словом, если требовать исполнения договора выгодно, то конкурс должен требовать, и полученная выгода поступает в массу. В частности, устав говорит о договоре товарищества, о «компаниях и откупах», участником коих в капитале или прибылях состоит банкрот. Конкурсу предлагается несколько средств воспользоваться частью банкрота в пользу массы и, между прочим, «выждать исхода срока той компании или откупа», то есть исполнить и потребовать исполнения договора до прекращения его; при этом, однако, сделана оговорка, «не продолжая конкурса», то есть не затягивая его, так что конкурс может уже прекратиться, а доход может поступать в массу к поверенному или к кредитору, которому в уплату его долга предоставлено получить доход или получить и самый капитал. Другое средство высвободить часть банкрота в этих предприятиях — «вступить в договор с прочими участниками и банкроту часть продать».

Наконец, в) в массу входят вещи банкрота, находящиеся у других лиц, «под каким бы то видом ни было».

Обращаемся наконец к вопросу о конкурсном производстве. Прежде всего надо заметить, что все конкурсное производство свободно от гербового

сбора, — «все письменное произведение писать на простой бумаге». Устав в этом случае обратил в статью условное предложение авторов «прожекта» 1761 года, мотивируемое ими тем, что «в дальних местах» иногда бывает остановка «за недачею казенной бумаги». На тот конец, если признано будет, что этим «учинится казенному интересу ущерб», они предлагают ввести новую «пошлину», например, по 50 копеек с каждой тысячи рублей «с требований на банкроте».

Открывается процесс, надо думать, исключительно по подаче кредиторами «объявления» с указанием «причин к признаванию должника за банкрота» и с доказательствами наличности этих причин. Какие это «причины»? Устав их перечисляет. Они суть:

1) Объявление самого должника в «судебном месте» о своей несостоятельности. Этому объявлению может предшествовать предварительное объявление о том самим кредиторам. Устав, в противоположность «прожекту», дает несколько правил относительно этого случая. Если кредиторы не согласятся на уступку, должник должен явиться в судебное место и «подать правдивую роспись» всего своего наличного и долгового имущества и долгов; правдивость росписи он обязан «утвердить присягой» во всяком случае, а не так, как было по уставам 1740 и 1753 годов. Вместе с тем он должен указать, «каким образом он разорился» и представить тому доказательства. Судебное место, вероятно, или выдавало ему удостоверение в том, что роспись была им подана, или составляло о том особое определение; то или другое нужно было кредиторам как доказательство «причины» признания банкротом.

2) Заявление о своей несостоятельности публичному нотариусу в ответ на требование (платежа?) со стороны кредиторов, а также, когда должник будет скрываться от нотариуса и три раза (по «проекту» пять раз) «в разные дни не скажется» или когда через кого другого даст неопределенный ответ.

3) Неявка на суд лично или через поверенного должника, на которого в суд «вступили векселя, обязательства, контракты, приказные определения другого суда о взыскании с должника) и всякие тем подобные ясные, несомнительные и разбору не подлежащие требования или претензии». Под «ясными, несомнительными и к разбору не подлежащими требованиями» устав разумеет акты, подписанные должником и против которых «законного подозрения не было принесено». Попутно устав совершенно последовательно отменяет постановление вексельного устава 16 мая 1729 года, по которому надлежало, «векседавца призвав, спросить, что вексель дан ли им и им ли подписан». Банкротский устав имел в виду отменить это исключение из выставленного им же общего правила о «несомнительности» обязательств, ссылаясь на то, что при сохранении этого обряда «займодавцы могут перед глазами своими видеть похищение имений без всякого тому воспрепятствования»⁸⁶. Когда иски по таким обязательствам вступили, должнику делают вызов: живущему или находящемуся там же, где и суд, посылаются три повестки, одна вслед за другой, и если он на третий день, то есть на день третьего вызова,

---

⁸⁶ Все эти пояснения в «проекте» помещены в «толковании», а не в тексте статьи. Прим. автора.

не явится, то в четвертый день за ним посылается «по наказу»; «отлучному» же должнику посылается «указ» на указный поверстный срок, который исчисляется «с первого объявления указа в доме его в том городе, где жительством обязан, хотя бы его в доме не было» (по «прожектору» 1761 года положен трехмесячный срок). Неявка такого должника рассматривается как «причина» признания банкротом. Одинаковое с неявкой значение устав придает и тому случаю, когда должник явится, но «платежом или сделкой просителя не довольствуется в восемь дней» (по «прожектору» в месяц).

4) Уход из-под караула, если должник будет арестован «по которому-нибудь из вышеписанных требований»⁸⁷. Эта «причина» в столь общей форме не совсем понятна. Едва ли наличность всех этих причин влечет за собой арест должника, например, заявление самого должника суду. Надо полагать, что эта «причина» касается исключительно тех случаев, когда должник не исполняет общих велений суда. Если бы его сейчас же, по обнаружении одной из «причин», подвергли аресту, то с какой стати уже после подачи кредиторами объявления о признании его банкротом производить вызов должника и иметь в виду случай неявки по этому вызову. Неявка на вызов при отсутствии других противоположных данных предполагает, что вызываемый находится на свободе. Мало того, зачем тогда суду

---

⁸⁷ В соответствующей статье «прожекта» вставлена фраза «прежде объявленного месячного срока», фраза, лишенная всякого смысла, а потому, вероятно, выпущенная «сочинителем» устава. Прим. автора.

тоже после подачи кредиторами объявления постановлять определение об аресте должника? Ведь он уже арестован.

К числу внешних поводов (по уставу, но не по «прожектору») к открытию конкурсного процесса должно быть также отнесено 5) смерть такого должника, относительно наследников которого и состояния имущества кредиторам ничего неизвестно. Но это повод *sui generis*, который влечет за собой, и то условно, дальнейшую деятельность органов конкурсного процесса, к которой не применяются правила устава, касающиеся личности самого банкрота и личных его действий.

В день подачи кредиторами «объявления» судебное место вызывает должника для явки его в тот же день или на другой день «в девятом часу пополудни»; буде он в этот срок не явится, за ним посылают «по наказу» и приводят в суд. Затем суд: 1) по просьбе кредиторов и на основании данных и доказательств, ими представленных, объявляет должника несостоятельным; 2) производит ему допрос, если тот ранее не представил «ропись», подтвержденную присягой; допросу Коммерц-коллегия придает большое значение: «Хотя бы злостный и утаить хотел, — говорит она, — но в скором его допросе скорее истину объявить может, нежели спустя несколько времени и дать ему на размышление»; 3) постановляет определение о производстве описи, опечатании и хранении имущества, находящегося в том же городе (при члене того судебного места и кредиторах) и находящегося в других местах; 4) распоряжается об арестовании должника, если он еще не арестован; если же он (вносит в устав от себя «сочинитель»

его) арестован другим каким судом, «кроме криминальных» (?), то суд распоряжается о немедленной (по крайней мере, через неделю) отсылке его в суд, где производится конкурсное дело, и 5) распоряжается производством публикаций «о пришедшем в банкротство».

Все эти распоряжения немедленно приводятся в исполнение по правилу: «время при начатии банкротского дела весьма нужно». В опись имущества банкрота и его жены входят все вещи, товары, им принадлежащие (за исключением уже указанных нами вещей), книги и письма; если у банкрота много мелких вещей, то им нет надобности делать подробную опись, а сделать ее можно «по одним местам», а то и вовсе не делать, а лишь все запечатать. Запечатываются вещи «казенной и займодавцевой печатями». Что касается публикаций, то, независимо от барабанного боя прежних уставов, устав 1763 года повелевает производить три публикации: первую — «как скоро возможно, не упуская ни одного дня», вторую — через две недели после первой, третью — через две недели после второй. Публикациями этими вызываются кредиторы и должники несостоятельного, причем указываются сроки подачи заявлений; сроки эти относительно требований кредиторов нам уже известны; что же касается должников, то им полагается: шесть недель с даты последней публикации живущим там, «где банкрота дело производится», и тот же срок для иногородних с прибавлением времени, потребного на пересылку публикации туда и обратно. Там же указывается, какие последствия влечет за собой пропускание положенных сроков, и упоминается о том, что письма

на имя банкрота должны быть присылаемы до учреждения конкурса в суд, а по учреждении — в конкурс. Если должник скрылся, то в публикации припечатывается о сыске его. Кроме публикаций, о банкротстве сообщается во все присутственные места, ввиду того, что банкрот может состоять в обязательственных отношениях с тем или другим казенным управлением. Сообщается также во все почтовые конторы о пересылке писем на имя банкрота в суд или в конкурс.

Если сравнить эти постановления устава об оглашении банкротства с «прожектором» 1761 года, то оказывается, что «сочинитель» устава сделал некоторые изменения, а именно: 1) он не принял предложенного авторами «прожекта» различия в порядке публикации по месту открытия конкурса; по «прожектору», если банкротство открылось в Петербурге или в Москве, то в этих городах печатаются публикации в «публичных ведомостях», а в других городах, где потребно будет по показанию займодавцев, объявляется с барабанным боем и «выставленными билетами»; а если банкротство открылось в других городах, то «публиковать — по рассмотрению тамошних судебных мест и желанию займодавцев»; 2) устав ввел, сравнительно с «прожектором», новое требование, а именно, рассылку объявлений в присутственные места и сообщений во все почтовые конторы.

По делам, по коим должен быть учрежден конкурс, кредиторы, находящиеся в том городе, где дело производится, должны через шесть дней после первой публикации явиться в суд и представить избранных ими кураторов; суд назначает

кураторов от себя, если по истечении этого срока они не были выбраны, и тогда же назначает члена, приводит к присяге кураторов и выдает им указ; по «прожектору» он берет лишь «подписку под присягой». На другой день учрежденный таким образом конкурс принимает от суда все арестованное имущество, книги и письма; все это хранится «под смотрением» конкурса за печатями члена, одного из кураторов и самого банкрота, если он не заупрямится и не откажется от запечатания. Затем организуется самый конкурс: нанимается помещение, избирается куратор «для исправления письменных дел», назначается бухгалтер и заводятся: открытый для всех лиц заинтересованных журнал для записи всего, до конкурса касающегося, особая книга для записи денег, поступающих в конкурс, и особливая тетрадь для расписок кредиторов в получении денег из массы. Если окажется имущество описанное и опечатанное судом еще до банкротства, то оно тоже отбирается конкурсом. Затем составляется «обстоятельная опись» всего имущества банкрота, собирается активная масса, приводится в ясность пассивная масса, выделяются вещи, принадлежащие кредиторам *ex jure domini*, и приступают к продаже наличных вещей, входящих в состав активной массы. Продажа производится как в месте, где дело производится, так и в других местах, где имение банкротова находится; в последнем случае она производится «посланным от конкурса поверенным обще с тамошним магистратом». Производится продажа на наличные деньги, но с согласия кредиторов и в кредит «с добрыми поручками». Сами кредиторы должны покупать на чистые день-

ги; в случае продажи им в кредит и неуплаты в срок, кураторы отвечают. Самый способ продажи «вольными договорами или валовой продажей», то есть по вольной цене или аукционным порядком, зависит от желания кредиторов; как видно, по общему правилу, при производстве продажи аукционным порядком имущество на первом же торге отдается тому, кто дал большую цену; это видно а contrario из того неизвестного «проекту» 1761 года положения, что только при продаже «заводов и фабрик с деревнями» кредиторы «могут просить о второй и третьей продаже, если на первом торге «мало было дано». Вообще, при продаже имущества банкрота конкурсу предоставлена широкая свобода действий, даются чисто факультативные права; например, говорится, что российские продукты могут быть продаваемы и «за море», «хотя бы банкрот был из иностранных». При продаже недвижимого имущества крепости и записи «чинят» член и кураторы. Деньги с продажи, по долгам и т. п. хранятся за печатями члена и кураторов и выдаются лишь с общего всех кураторов согласия. Наконец, «как скоро конкурсу свободно будет», он должен «сочинить генеральный счет» и «баланс», в котором «как можно яснее прописать» актив и пассив должника и сколько каждому займодавцу наличными или долгами в числе его требования на рубль достаться имеет». Счет этот вносится на «апробацию» общего собрания кредиторов. Каждому кредитору выдается «записка за подписанием члена и всех кураторов», в которой обозначено, на что они имеют право; записка эта «имеет впредь служить займодавцам в чистое свидетельство о их требовани-

ях, а их доказательства и документы отбираются в конкурс». Затем, «не упуская времени», чинится первый раздел, а за ним, когда еще деньги, собраны, — «вторичный», а потом уже избирается поверенный, исполняющий обязанности упраздненного конкурса. Кредиторы в получении денег расписываются в «особливой тетради». Устав не говорит, от кого кредиторы получают деньги, — от суда или от конкурса. Надо думать, что от конкурса, который сам их хранит «за общими члена и кураторов печатями» и вправе расходовать эти деньги. Кроме денег, в раздел входят и долги, так что кредитор может получить документ на должника банкротова. «Прожект» 1761 года предоставляет конкурсу брать векселя с должников банкротовых, «если платежа в скорости получить не можно»; векселя эти и передаются кредиторам.

Таково содержание устава о банкротах 1763 года. «Внесенный» в Сенат 8 января 1763 года на апробацию он, однако, утвержден Императрицей не был.

IV. Банкротский устав 1768 года

Именным указом 20 февраля 1764 года Екатерина Великая возложила на восстановленную Комиссию о коммерции труд составления банкротского устава. К указу был приложен известный нам «проект» 1761 года, который Императрица повелела Комиссии рассмотреть и с мнением своим представить, а к рассуждению о нем, сказано в указе, призвать из купцов разумных и знающих коммерцию и подобные установления из чужестранных двух, из российских фабриканта Роговикова и другого, кого Комиссия почтет за способного». Нам известны относительно

этой комиссии: 1) личный ее состав; 2) процесс соби- рания ей материала и 3) результат ее работ — бан- кротский устав, четвертый по счету.

I. 25 февраля Комиссия: 1) посылает «через не- мецкую почту» промеморию в Москву в Главный магистрат, требуя, «чтобы признанный ей за спо- собного... ратсгер /член городского совета; здесь, ви- димо, — Главного магистрата/ Борис Струговщиков выслан был в Петербург немедленно»; 2) отправля- ет указ в Контору Главного магистрата о присылке ведомости: «Кто из иностранных, записавшихся в российское купечество, первостатейные здесь при порте и внутри России торги производят». 10 марта Главный магистрат командировал Струговщикова в Петербург, то есть приказал ему ехать; магистрату определено дать ему «пашпорт» и подводы, а в Штат- контору послан указ о выдаче на те подводы «про- гонных денег», 20 марта Струговщиков прибыл в Петербург и 23 явился в Комиссию, Контора же Главного магистрата 12 марта прислала в Комис- сию ведомость, из которой указывает на пять лиц, отвечающих выставленных Комиссией требований, а именно на двух русских, поданных из иностранцев, виноторговцев Ибескамфа и Викова, и трех ино- странцев, виноторговца Вилима и двух торговцев суконными и шелковыми товарами Грена и Лицма- на. Комиссия о коммерции выбрала в свой состав двух последних и 23 марта из своей среды состави- ла особую комиссию для сочинения банкротского устава; в состав ее вошли: статский советник Клинг- штет, прокурор Пушкин, надворный советник Одар, ратсгер Струговщиков, обер-директор Роговиков и купцы Грен и Лицман, которые должны были рас-

смотреть «прожект» 1761 года и банкротские уставы 1753 и 1763 годов и представить Комиссии о коммерции свои «рemarkи» о том, что к прибавлению и что к исключению найдут». Комиссия эта, надо полагать, и не приступала к делу, и через два месяца в составе своем значительно изменилась. В журнале заседаний Комиссии о коммерции от 13 мая читаем: «Пушкину велено в качестве советника присутствовать в Москве, в мануфактур-коллегии, Клингштет и Одар «в чтении российского диалекта недостаточны» и «господа тайный действительный советник и кавалер Миних и статский действительный советник Теплов объявили, что оный труд обще с статским советником Клингштетом и надворным советником Одаром и со определенными из купечества во втором собрании приемлют на себя». Комиссия о коммерции, конечно, согласилась с этим «объявлением» Миниха и постановила определение о передаче дела составления банкротского устава во «второе собрание». Через год обнаружился странный факт: этого собрания вовсе «не бывает» «за выбытием некоторых господ членов к разным другим должностям», причем Клингштету «в первом собрании присутствовать велено». Ввиду этого и дабы указу 20 февраля «непродолжительное исполнение учинено быть могло», Комиссия 16 июля 1765 года решила рассматривать банкротский устав «во всяком собрании прежде других дел». Приведено ли это решение в исполнение или нет — неизвестно, несомненно лишь, что в течение полутора лет комиссия ни в чем не выразила своей деятельности, что, однако, не мешало ей, по поводу выхода из ее состава ратсгера Струговщикова, аттестовать его перед Сенатом в том смыс-

ле, что он «порученное ему дело (при обсуждении банкротского устава) исправлял со всякой ревностью и усердием по своему в купечестве довольному званию». Единственным видимым результатом принятого решения ускорить работу явилось заседание ее, посвященное, однако, не обсуждению банкротского устава, как могло бы казаться, а образованию для этой цели комиссии. Дело приняло такой оборот, как будто бы «второго собрания» и комиссии вовсе не существовало, как будто бы указ 20 февраля 1764 года вовсе и не был исполнен. Комиссия о коммерции приступила к его исполнению лишь 27 сентября 1765 года: она определила «призвать к слушанию банкротского устава», конечно, избранного самой Императрицей Роговикова и коллежского советника Савву Яковлева (Струговщиков уже был уволен сенатским указом 23 сентября). Затем в Коммерц-коллегию был послан указ, которым ей предписывалось «потребовать от аглинского консула и гамбургского и любского агента по одному, кого они за способного изберут, и оным велели б явиться в Комиссию о коммерции немедленно». Английский «генерал-консул» Свалон сообщил Коллегии, что «все находящиеся здесь аглинские купцы обще с ними для слушания банкротского устава выбрали Николая Каванаха, и все единогласно признают его разумным и коммерцию знающим человеком». Иначе отнесся к приглашению участвовать в законодательной работе гамбургский и любекский агент Виллебрант. Он сообщил Коллегии, что он состоит под ведением Коллегии иностранных дел, а не Коммерц-коллегии, и если та Коллегия к нему обратится с требованием прислать депутата, «то он и исполне-

ние чинить имеет». Коммерц-коллегия за это обиделась на Виллебранта и в промемории 22 октября советовала Комиссии «мимо означенного агента» обратиться «к находящемуся здесь от иностранной компании бургомистру Гаку». Комиссия о коммерции поручила своему экзекутору капитану Ренценштейну призвать бургомистра Гака в Комиссию и объявить ему, чтобы он из немецких купцов выбрал «сведущего коммерцию и представил в Комиссию в непродолжительном времени». Того же 22 октября Комиссия, не дождавшись прибытия депутата от немецких купцов, при участии Яковлева, Роговикова и Каванаха приступил к слушанию банкротского устава 1763 года. 29 октября происходило второе заседание, а что затем происходило в течение года, — неизвестно; прервались ли заседания ее или не сохранились журналы происходивших заседаний, — решать не беремся; сохранился журнал комиссии от 7 сентября 1766 года, из которого видно, что состав ее значительно изменился: от иностранных купцов в ее состав, кроме Каванаха, вошли: некто Бахерахт, а из русских, кроме Яковлева и Роговикова, — Ларион Лугинин, Михайло Грибанов и Михайло Пастухов. В этом ли составе или другом Комиссия выполнила данное ей поручение, сочинила банкротский устав, — данных не имеется; под докладом, предпосланным уставу, подписались лишь постоянные члены Комиссии о коммерции: граф Миних, Муравьев, Теплов и Клингштет.

II. На другой день по получении указа Екатерины о сочинении банкротского устава Комиссия о коммерции, которой, как оказалось, «небезызвестно, что в Коммерц-коллегии сочинен и к апробации в Сенат

внесен» банкротский устав, обратилась в Сенат с доношением о присылке этого устава. 1 марта Сенат при указе прислал устав 1763 года, так что Комиссия имела в своем распоряжении два образца — этот устав и «проект» 1761 года, присланный при указе 20 февраля. Ей почему-то не понравилась система устава 1763 года, и в заседании 4 марта она постановила расписать этот устав «пунктами по материям». 20 марта Коммерц-коллегия, по требованию Комиссии, прислала «Расписной устав» 1763 года, то есть, как мы знаем, устав, изложенный параллельно с уставом 1753 года. До 5 июля 1765 года, то есть год и четыре месяца, неизвестно, что, а, вернее всего, ничего не делалось в Комиссии. Отдельные члены Комиссии только подали в Комиссию пространные, многословные, но в общем умно написанные записки об улучшении коммерции и требовали составления банкротского устава. Так, Клингштет в своей записке считает «die Ausvertigung eines hinlanglichen und guten Banquerot-Reglament»⁸⁸ одной из самых настоятельных и легко осуществимых мер. Теплов, указывая на необходимость преобразования судов, говорит о сочинении банкротского устава, как о чем-то только задуманном, — это после составления четырех проектов и накануне сочинения пятого! «Ne voudrat on pas, — говорит он, — bien considerer avec attantion les ordonances touchants... les banqueroutes pour les reformer tout-a-fais»⁸⁹. 5 июля 1765 года, как сказано

---

⁸⁸ Оформление хорошего долгосрочного банкротного регламента

⁸⁹ Не хотим ли мы внимательно рассмотреть указы, относящиеся к банкротам, чтобы разом их реформировать?

в журнале, «было выслушано несколько статей», — каких статей и статей чего, неизвестно, но дело остановилось, потому что комиссии стало «ясно», что в «Коммерц-коллегии в 1740 году был сочинен устав и «внесен в Сенат». Пишет Комиссия в Сенат, пишет в Коммерц-коллегию. В августе Коммерц-коллегия присылает в Комиссию промеморию, в которой основательно говорит, что она уже в марте прошлого года присылала просимый устав, но тем не менее посылает ныне «производство об оном уставе», то есть экземпляр устава 1753 года и несколько других документов. В октябре Комиссия принимается опять за дело, она слушает главу за главой, статью за статьей, устав 1763 года и притом в первоначальной его системе, — решение расписать устав по материям уже забыто. Перед нами два журнала Комиссии: судя по первому, Комиссия в заседании 22 октября 1766 года выслушала «первый пункт» первой главы; во втором заседании, 29 октября, со второго пункта первой главы, то есть шесть пунктов, и четыре пункта второй главы, то есть о том, следует ли признавать неосторожным банкротом того, кто, видя, что у него на уплату кредиторам не хватает 25%, торг продолжал и кредиторам не объявил, и о шестом пункте первой главы, то есть о купеческих книгах. Как работа шла далее — неизвестно; известно только в 1766 году: 1) в Комиссию из Сената был прислан устав 1740 года, так что четыре проекта были в ее распоряжении; 2) она сносилась с Комиссией новосочиняемого уложения, прося ее доставлять копии с тех определений и рассуждений ее, которые касаются банкротского устава, — что Комиссия и согласилась исполнить, и 3) один из членов ее, Роговиков,

представил в Комиссию «перевод с голландского языка инструкции и повеления, как поступать комиссарам над банкротством».

5 января 1768 года Комиссия о коммерции поднесла на «благоусмотрение» Императрицы выработанный ей проект; во всеподаннейшем докладе Комиссия говорит, что она «не токмо призвала купцов, но и, собрав из разных мест многие прожекты банкротского устава, сообразя оные с разными таковыми уставами других государств, сочинили проект банкротского устава».

III. Устав 1768 года есть, в сущности, не что иное, как устав 1763 года с некоторыми прибавлениями по «прожектору» 1761 года и уставу 1753 года и с некоторыми изменениями, внесенными самой Комиссией о коммерции. Состоит он из 31 статьи, разбитых на параграфы с непрерывной нумерацией; таких параграфов 212. Система его почти та же, что и «прожекта» 1761 года. 1 статья, § 1: «Что есть банкротчик?», 2 статья, § 2 — «Сколько различных есть банкротчиков?», § 3–8 — «Почему признавать банкротчиком?», 4 статья, § 9–26 — «Как поступать правительствам с банкротчиком?», 5 статья, § 27–42 — «Каким порядком и по каким банкротствам учреждать конкурс?», 6 статья, § 43–74 — «О вступлении кураторам в должность», 7 статья, § 75–92 — «О объявлении всякому своих на банкротчика требований, долгов на себя банкротчиковых и о имениях его», 8 статья, § 93–96 — «О укрывании банкротчика», 9 статья, § 97–110 — «О сочинении счетов», 10 статья, § 111–119 — «О разделах и об отдаче дела в судебное место», 11 статья, § 120–121 — «О рекамбии и процентах», 12 статья, § 122–126 «О нечине-

нии платежа долгов, фальшивых сделках и подлогах таковым, кто усмотрит свое несостояние (или по вступлении на них от кредиторов требований), 13 статья, § 127–129 — «О правильных закладах», 14 статья, § 130–135 — «О частях банкротчиковых в компаниях или откупах и о неминуемых наследствах», 15 статья, § 136 — «О медиаторском разборе», 16 статья, § 137–138 — «О допущении поверенных», 17 статья, § 139–144 — «О ведении при конкурсе журнала, о употреблении нотариуса и о конкурсных расходах», 18 статья, § 45–146 — «О несогласиях при конкурсе», 19 статья, § 147–148 — «О должности члена в конкурсе», 20 статья, § 149–152 — «О смене кураторов по требованию кредиторов», 21 статья, § 153–158 — «О даче суда на конкурс в неудовольствии», 22 статья, § 159–161 — «О разности банкротчиков», 23 статья, § 162–168 — «Об упавшем», 24 статья, § 169–177 — «О неосторожном банкротчике», 25 статья, § 178–189 — «О злостном банкротчике», 26 статья, § 190–194 — «О держании купцам книг и тетрадок», 27 статья, § 195–201 — «О вольных сделках», 28 статья, § 202–206 — «Каким образом поступать с именьями умерших должников», 29 статья, § 207 — «О поступлении при конкурсе по большинству кредиторских голосов и по числу должного капитала», 30 статья, § 208 — «О тех, кого назовет банкротчиком напрасно» и 31 статья, § 209 — «О произвождении банкротчиковых дел на простой бумаге». В «заключении» помещены три параграфа (210–212).

Что касается вопросов о пространстве действия устава по времени и лицам, то вопросы эти разрешаются так же, как и уставом 1763 года, но относи-

тельно первого надо заметить, что по этому вопросу наши кодификаторы склоняются то в ту, то в другую сторону, то в пользу процессуальных действий (устав 1740 года), то как будто в пользу теории, придающей обнаружению несостоятельности решающее значение («проект» 1761 года и устав 1753 года), то в пользу процессуального единства (устав 1763 года). Перефразировав выражение «проекта» и устава 1753 года, «пришедших в несостояние платежа до опубликования сего устава ... судить по прежним законам», Комиссия вставила посередине фразу, «ежели дело уже в своем течении будет». Благодаря этому решающее значение придано моменту начатия конкурсного процесса, и, можно сказать, устав принял теорию процессуального единства. Относительно дел, еще не начатых, но когда факт несостоятельности уже налицо, не может быть никакого сомнения, — они производятся по новому уставу, ибо при его господстве имеют начаться. Относительно второго вопроса в уставе, кроме положения, взятого из устава 1763 года, находим указание на то, что «от поступления по сему банкротскому уставу» ни один купец не может избавиться пользованием «правами чужестранных министров» (то есть экстерриториальностью), «войдя в службу к ним или укрываясь в их доме».

Обращаясь к содержанию устава⁹⁰, мы прежде всего находим в нем определение понятия несостоя-

---

⁹⁰ При изложении его мы не станем повторять того, что целиком перешло из устава 1763 года, а укажем на то, что изменено, что не перешло в устав и что взято из «проекта» 1761 года. Прим. автора.

тельности, взятое из «прожекта» 1761 года и указывающее на то, что несостоятельность понимается в смысле *Insufficienz*, — что также подтверждается и тем, что по уставу конкурс не открывается, когда окажется, что «какое-либо казенное место должно» несостоятельному сумму, достаточную на покрытие всех его долгов. Затем из «прожекта» же взята вошедшая с некоторыми изменениями и в устав 1763 года характеристика видов несостоятельности: независимо от замены термина «непорочный банкрот» термином «упавший» («которое звание должно означивать в нем несчастного, а не дурного человека», Комиссия внесла некоторые изменения по вопросу о различии видов несостоятельности по условиям; воспроизведя почти буквально статьи «прожекта», без изменений внесенные в устав 1763 года, она несколько изменила относительно неосторожного банкротства правила, касающиеся обязанности ведения торговых книг; устав воспроизводит статьи устава 1763 года, но: 1) распространяет эту обязанность только на лиц, производящих торг на сумму, как сказано в одном месте, свыше 5 000 рублей, в другом — свыше 1 000 рублей; 2) обращает эту обязанность в общую, чисто юридическую, то есть влекущую признание банкрота, нарушившего ее, неосторожным лишь по истечении пяти лет со времени опубликования устава, и 3) запрещает, подобно уставам 1740 и 1753 годов, «марать и чернить книги», но предписывает «отмечать» ошибки, если таковые вкрадутся, под тем «числом», в которое они вкрались. К действиям, влекущим за собой признание банкрота злостным, устав прибавляет случай, когда «кто, не заплатя своих долгов, запишется каким-

либо ухищренным происком в солдаты или пострижется в монахи». Что касается различия видов несостоятельности по последствиям, то в устав внесены существенные изменения; личные последствия чрезвычайно смягчены, а именно: 1) несчастный банкрот приобретает некоторые преимущества; устав предписывает о каждом случае несчастного банкротства сообщать Коммерц-коллегии, дабы та определяла упавшего «преимущественном перед другими» «к корыстным (т. е. возмездным) должностям, яко то в маклеры, брокеры и в прочие подобные звания». О личных последствиях неосторожного банкротства устав прямо ничего не говорит; он говорит лишь, что требования кредиторов на этом банкротстве «остаются в своей силе» и предоставляет «надежному человеку» выкупить его, после чего он «от звания банкротского освобождается». Надо полагать, что Комиссия о коммерции, говоря, что банкрот и по окончании конкурса остается должником своих кредиторов, хотела тем самым поставить его в положение, в котором стояли вообще несостоятельные должники к своим кредиторам при наличности лишь одного кредитора, то есть допускала возможность применения вышеупомянутого указа 19 июля 1736 года, и притом применения в самых широких размерах — без ограничения числа лет, без требования уплаты полной суммы, без ограничения суммы одним капиталом. Если так, то можно было заранее предсказать, что Сенат, столь, как мы видели, недовольный указом 1736 года, не согласился бы со взглядом Комиссии. Что касается злостного банкрота, то он подвергается «тому наказанию, которое в криминальных законах определено публичному вору». Освобожден от наказания он мог быть

лишь Высочайшей волей, а именно: 1) кредиторы «в рассуждение каких-либо обстоятельств, заслуживающих помилования», могут просить о том суде, который должен представить об этом Сенату, «через который ожидать Монаршего повеления»; 2) сын или дочь, если они «на полное искупление отца принесут деньги», могут «просить Высочайшую Его Императорского Величества особу о помиловании отца их в преступлении его против общества и законов». Об имущественных последствиях банкротства устав говорит очень мало: упавший свободен от взыскания, — ему предоставляется уплатить весь долг или часть его «с благодарностью», неосторожный остается должным и на произвольных условиях может быть отдан «на искуп», а о злостном ничего не сказано.

Второе условие конкурсного процесса — наличие нескольких кредиторов — может быть выведено из того же положения, как и по уставу 1763 года, а именно, что «при одном займодавце» конкурса не учреждается.

Наконец, третье условие конкурсного процесса — желание кредиторов, очевидно, требуется и уставом 1768 года; в нем говорится лишь об одном случае заявления самим должником о своей несостоятельности, именно о заявлении суду, но это, как мы выше указали, не есть инициатива в признании его банкротом. О другом, указанном в уставе 1763 года случае — о заявлении о недоплате 25 % — устав 1768 года вовсе не упоминает.

Что касается *органов конкурсного процесса*, то из конкурсных установлений устав *конкурсными судами* прямо называет: Коммерц-коллегию,

Главный магистрат и провинциальные магистраты. Об этих учреждениях упоминается в уставе три раза: раз — как о местах, в которые кредиторы должны явиться и представить избранных ими кураторов, в другой раз — как о местах, в которые кредиторы должны подать просьбу об объявлении должника несостоятельным, и в третий раз — как о местах, в которые кредиторы передают свои требования о признании должника злостным банкротом. Вопрос об основаниях подсудности конкурсов этим установлениям разрешить весьма трудно, — точных и ясных указаний в уставе не имеется. Судебные функции распределены таким образом: Коммерц-коллегии подведомы конкурсные дела суммой свыше 2000 рублей, возникшие в Петербурге, Главному магистрату — такие же дела, возникшие в Москве, петербургскому и московскому городским магистратам — дела суммой ниже 2000 рублей, провинциальным магистратам — дела, возникшие в провинциях. И по уставу 1768 года основанием подсудности по тем же соображениям, как и по уставу 1763 года, можно считать место исполнения большей части по сумме обязательств; кроме этих соображений, это прямо видно из того, что «если в Москве или в Петербурге банкротчик должен менее 2000 рублей, дело подсудно суду, где платеж более написан»; косвенно — это подтверждается указанием на то, что из других оснований подсудности — по месту жительства должника и по месту приписки — ни одно не признается основанием подсудности: первое, по тем же соображениям, как и по уставу 1763 года, второе, благодаря прямому запрещению, по крайней мере относительно дел, под-

судных магистратам: устав говорит, что кредиторы «являются в ближайшем провинциальном магистрате, но не в том городе, где банкротчик записан в купечество»; хотя, с другой стороны, в уставе 1768 года сохранилось правило устава 1763 года о явке должника в тот же день в суд и, следовательно, предполагается, что он находится поблизости от суда. Примирить это противоречие только и можно тем, что последний случай нормируется как возможный, могущий иметь место, но не необходимый.

Что касается деятельности конкурсного суда и прежде всего в сфере гражданской юрисдикции, то:

а) в деятельность его, как органа надзирающего, внесено то изменение, что: 1) штрафа на кураторов в случае неокончания конкурса в положенный срок не налагается, срок же этот годовой, как и по уставу 1763 года, но лишь «ежели надобно будет иметь дело в других государствах», а в остальных случаях — полугодовой; 2) по окончании дела конкурс не только рапортует об этом суду, но и пересылает самое «дело» в магистрат «ради могущей случиться впредь надобности для справок»;

б) функции апелляционного суда устав 1768 года сохранил за конкурсным судом также, «ежели банкротчик будет конкурсом недоволен», то есть по жалобам самого банкрота, жалобы же кредиторов на конкурс устав изъял из ведения суда, а предписал рассматривать их медиаторским судом;

в) функции органа, дающего свою санкцию определениям конкурса, изменены в том, во-первых, что печати своей суд не дает, — конкурс употребляет печать одного из кураторов — по избранию остальных, и, во-вторых, что суд, не засвидетель-

ствовавший в двухнедельный срок аттестата, выданного несчастному банкроту, подвергается по жалобе, поданной «вышнему правительству», штрафу в 1 000 рублей.

Наконец, г) к случаям, когда суд является посредствующим установлением между конкурсом и центральными учреждениями, прибавлен один, нам уже известный, а именно, случай исходатайствования помилования злостному банкроту.

Сфера уголовной юрисдикции конкурсного суда, сравнительно с уставом 1763 года, крайне сужена не вследствие ее передачи другому суду, а благодаря крайнему уменьшению числа наказуемых деяний, крайне гуманному отношению комиссии как к самому несостоятельному, так и к лицам, прикосновенным к конкурсу. Как публичного вора, устав предписывает наказывать: злостного банкрота, кредитора, приписавшего излишнее к своему требованию или требовавшего недолжного по соглашению с банкротом, и лицо, умышленно утаившее находящееся у него имущество банкрота или скрывшее долг. Отдаче в заработки, как выше сказано, подвергаются неосторожные банкроты. «Тюремное содержание» полагается: а) как наказание заменительное для лиц, несостоятельных к уплате денежного штрафа; б) как мера предупредительная для должника, объявленного банкротом, причем, однако, предписывается: пока причины к признанию злостным банкротом не доказаны, должника следует «держатъ только под присмотром в благопристойном месте, а не в тюрьме», и в) как мера понудительная для лиц, запирающихся в уплате банкроту долга или в выдаче вещей его, у них находящихся. Об укрывателях банкро-

та устав предписывает «дать знать, куда надлежит, для наказания их как укрывателей злодеев». Затем «телесному изнурению, яко то держание на хлебе и на воде», или тюремному заключению («а не побоям плетьми») подвергается банкрот, который «после многих словесных увещаний много упорствовать будет в разъяснении подозрительных писем». Наконец, денежному штрафу подвергаются: а) кредитор, излишнее приписавший к долгу без соглашения с банкротом, — в размере приписанного (независимо от лишения претензии); б) лица, изобличенные по доносу в том, что скрывали долг свой и находжение у себя вещей банкротовых, — в двойном против суммы долга размере (независимо от взыскания самого долга); в) кредиторы, вступившие с должником в мировую сделку тайно от «отлучных» кредиторов (сверх удовлетворения «обиженных»), — в двойном против утаенной суммы размере; и г) лица, уплатившие банкроту долг или возвратившие вещи его, — в размере возвращенного (независимо от уплаты такой же суммы в конкурс).

Устав определяет также, куда поступают эти штрафные деньги. Правила эти по меньшей мере непонятны: $\frac{1}{3}$ «причисляется к общей сумме в пользу кредиторов», $\frac{1}{3}$ — дается доносителю и $\frac{1}{3}$ — в пользу «сиротопитательного дома», но если $\frac{1}{3}$, «принадлежащая кредиторам, превзойдет кредиторские претензии, то излишняя та сумма отдается кредиторам в общую массу». Выходит так, как будто бывают такие случаи, когда $\frac{1}{3}$ идет в пользу отдельного кредитора, — между тем таких случаев устав не знает. Что касается общей судебной функции, отправляемой конкурсным судом, то из двух

случаев устава 1763 года устав 1768 года принял один: судебное взыскание с должников банкротовых, причем буквально воспроизведены правила «проекта» 1761 года, без прибавления, сделанного к ним «сочинителем» устава 1763 года; о передаче присяги одной стороной другой устав не упоминает, так что, по уставу, в случае сомнения, по маловажным делам, с должников брали подписки; в более важных — одна сторона по требованию другой приводилась к присяге, причем отказ должника от подписки и присяги влек за собой взыскание долга. Наконец, административная функция суда признается настолько, насколько она признана также «проектом» 1761 года.

Обращаясь к «конкурсу» в смысле «*Glaubigeraus-schuss*» /*собрание, сообщество кредиторов*/, заметим, что устав дает ему оригинальное определение: «конкурс, — говорит он, — есть общество кредиторов, или верителей, в котором дела банкротские разбираются кураторами, или попечителями». Устав 1763 года под обществом кредиторским разумел собрание кредиторов, устав же 1768 года разумеет конкурсное управление. Что это так, видно из того, что, по мысли составителей устава, конкурс есть учреждение, представляющее всех кредиторов; абстрактно говоря, в нем присутствуют все кредиторы, но конкретные действия по «разбору дела» совершаются теми из них, которые определены в кураторы. Но нельзя сказать, чтобы устав провел эту терминологию последовательно: иногда он называет конкурс «собранием для конкурса», например, говорит о приеме этим собранием от суда всего того, что подано и производилось, об учреждении собрания

по делам свыше определенной суммы, следовательно, употребляет этот термин именно в смысле конкурсного управления. Сохранив значение конкурса как судебного места, устав лишь не упоминает о зеркале и о печати магистратской. По вопросу о том, когда учреждать конкурс, устав придал решающее значение сумме долговых на банкрота требований, указанной в «прожекте» 1761 года лишь для дел, производящих в Москве и Петербурге, для дел других городов принята цифра в 1 000 рублей. Член суда играл ту же роль — его мнение не имело особенного значения при разногласиях; вообще, когда голоса поделятся так, что на стороне того и другого мнения по нескольку кураторов, то вопрос передается на разрешение собрания кредиторов, но не безусловно, как по уставу 1763 года, а лишь в том случае, когда «спор случится о конкурсном или кредиторском интересе», в остальных случаях вопрос передается на разрешение суда; если же голоса поделятся таким образом, что на стороне одного мнения один кредитор, а на стороне другого — все остальные члены конкурса, то решающее значение имеет мнение большинства, но опять не безусловно, как по уставу 1763 года, а лишь по маловажным вопросам, важные же вопросы переходят на разрешение собрания кредиторов.

Относительно препоручения конкурсом отдельных действий тому или другому лицу, устав воспроизвел положения «проекта» 1761 года, сделав в них лишь следующие изменения: 1) он не указывает на право конкурса поручать одному из членов ведение сумм, которые полагаются на расходы по конкурсу; 2) он не внес правила вознагражде-

ния нотариусов за труд при конкурсе; 3) предлагает в тех местах, где нет публичных нотариусов, «брать какого-нибудь искусного приказного человека».

Что касается ответственности кураторов, то устав 1768 ни предложенной «прожектом» 1761 года ответственности за уклонение от кураторства, ни принятой уставом 1763 года ответственности за медленность не признал, — надо полагать, что они за действия свои отвечали как должностные лица.

По вопросу об определении кураторов устав воспроизвел постановления «прожекта», изменив их лишь в том, что число кураторов определяется минимальное, и кредиторам предоставлено «умножение числа» их; минимум этот: четыре куратора, когда «банкротство не превосходит» 50 000 рублей, и шесть, — когда оно превосходит эту сумму. Относительно условий, которым должны удовлетворять лица, определяемые в кураторы, устав, во-первых, несколько изменил правила «прожекта», а именно: если должник и кредиторы одной национальности, то, как и по «проjektу», кураторы избираются из лиц этой национальности; если должник и часть кредиторов его одной национальности, а часть другой национальности, то половина кредиторов избирается одной национальности, половина — другой; если же должник одной национальности, а все кредиторы — другой, то избираются три куратора национальности кредиторов и один — национальности должника; этот четвертый куратор избирается по желанию должника, и если остальные кураторы признают его «человеком неподозрительным»; 2) устав выставляет некоторые ограничения относительно представителей казны; они тоже могут быть

избираемы в кураторы, но: а) сколько бы их ни было, в кураторы может быть избрано не более одного, и б) при разногласиях в среде конкурса представитель казны обязан присоединиться к большинству. Допуская, подобно уставу 1763 года и «прожектору» 1761 года, смену кредиторами избранного ими куратора, устав, в противность «прожектору», велит вновь вступившему «согласиться со всеми прежде учиненными распоряжениями». Но если он с этими распоряжениями не согласен, то должен подать отдельное мнение. Устав, приняв положение устава 1763 года, по которому куратор может отказаться от звания, допускает это лишь при наличии законной причины, не приводя, однако, подобно уставу 1763 года, примера такой причины; если причина будет признана законной, то отказавшийся должен за себя поставить другого «надежного и способного человека из купечества». Устав, однако, ничего не говорит о найме другого лица на место ушедшего и на его счет.

Мы видели выше, что определения конкурса подлежат обжалованию суду только со стороны самого банкрота, кредиторы же и должники, недовольные его определениями, должны обращаться к медиаторскому суду. Устав указывает на два медиаторских суда — один, взятый целиком из устава 1763 года, по «спорам», возникающим до апробации генерального счета собранием кредиторов; другой — отправляющий апелляционную функцию конкурсного суда по апробации генерального счета по этому уставу. Что касается первого, то скудные правила о нем, изложенные в уставе 1763 года, изменены Комиссией о коммерции только в том, что

число медиаторов уменьшено: избираются один или два, которые сами выбирают третьего «для решения споров по большинству голосов». Правила второго медиаторского суда частью взяты из «проекта» 1761 года и из устава 1763 года, из статьи «о даче суда на конкурс в неудовольствии», частью вновь сочинены. Организация этого суда та же, как и первого; установлен лишь срок, — «чтобы все были выбраны не позже, как в две недели». Подана может быть жалоба: 1) только «требователями», то есть кредиторами; 2) после аprobации «генерального счета»; 3) до истечения двухмесячного срока; 4) с разрешения конкурсного суда; 5) под условием, чтобы «спор» ранее не был разрешен первым медиаторским судом (решения которого окончательны); 6) с дачей суду обязательства с «поруками» уплатить в случае проигрыша дела «вдвое против иску, сверх расходов, которые будут издержаны на рассмотрение»; в противном случае расходы эти должны быть уплачены из массы. Суд этот решает дело, как прямо сказано, «не формой суда»; решение должно быть им постановлено до истечения шестимесячного срока. Устав преподает суду лишь одно процессуальное правило: «Все доказательства полагаются на истца». — Чем была вызвана необходимость установления этого правила, неизвестно.

Что касается способов упразднения конкурса, то устав 1768 года, приняв способы, предложенные «проектом» 1761 года, до крайности запутал вопрос об одном из них, а именно, о прекращении конкурса в случае достаточности для покрытия всех долгов суммы, которую должник имеет получить по двустороннему договору или которая может

быть получена из доходов его имения. В «прожекте» мысль эта хотя и не совсем ясно и точно выражена, но все-таки гораздо яснее и точнее, чем в уставе. В статье 132 устав воспроизводит буквально правила «прожекта» о неминуемых наследствах, причем упоминает вначале об «имении» и два раза повторяет слово «оное»; в статье 133 — говорит об исполнении двусторонних договоров, а в статье 134 сказано: «Ежели всеми от оного доходами» покроятся все долги, то конкурс прекращается. Очевидно, статья 133 попала не на свое место, ей следовало быть статьей 132, а статье 132 — статьей 133. Тогда: 1) ясно, что слово «от оного» относится к имению, полученному по «неминуемому» наследству, и, следовательно, если доходов с этого имения достаточно для покрытия всех долгов, то конкурс прекращается и оно поступает, по выплате их, вновь во владение должника; 2) с другой стороны, благодаря такому толкованию в уставе не остается правила о прекращении конкурса в случае достаточности для покрытия всех долгов суммы, которая может быть получена вследствие исполнения двустороннего договора; практически, однако, от этого никаких дурных последствий быть не может, ибо правило это излишне: конкурс и без него может прекратиться, если кредиторы, видя, что долги могут быть из этой суммы заплачены, пожелают прекратить конкурс.

Что касается *собраний кредиторов*, то устав внес некоторые изменения в правила устава 1763 года о решении тех или других вопросов уже по открытии конкурса. Круг вопросов первой категории несколько расширен; кроме вопросов, указанных в уставе 1763 года, кредиторы самостоятельно ре-

шают: о скорейшем окончании конкурса, ввиду достаточных на покрытие всех требований долгов на других лицах и о том, освободить ли ввиду этого банкрота от личного задержания, о выдаче банкроту и домашним его содержания, о назначении второго и последующего торгов на фабрики и заводы (вопрос, по уставу 1763 года разрешаемый с дозволения суда), об отпуске товара, заготовленного для отправки за море (как и по «прожектору» 1761 года), о взятии кураторами книг на дом, об окончании расчетов банкрота с компаниями, об исполнении конкурсом двусторонних договоров, об исходатайствовании злостному банкроту помилования; по вопросу о разрешении разногласий в среде конкурса, как мы видели, устав несколько ограничил компетенцию общего собрания. Вопросы второй категории, то есть разрешаемые «обще с конкурсом», подверглись изменению в том: 1) что нотариус (а не куратор) назначается для исправления письменных дел конкурсом, а не кредиторами, и 2) не собрание кредиторов, а конкурс назначает поверенного для окончания конкурсного дела. Из вопросов третьей категории, решаемых собранием «обще» с судом, устав знает лишь один: о способе и месте публикации о банкротстве, когда конкурс открыт вне столицы.

Что касается организации собраний, то число нормированных вопросов не увеличено, но лишь изменены нормы устава 1763 года. Дела, по общему правилу, решаются большинством голосов и, как сказано в одном лишь месте, «баллотированием» большинство же требуется не определенное, как в уставе 1763 года, а неопределенное, а именно, предписывается «в голосах силу иметь большей по-

ловине, которых бы требования составляли большую часть должной суммы». Надо заметить, что Комиссия о коммерции не воспользовалась кодификационной заслугой «сочинителя» устава 1763 года, — она выставила правило и, кроме того, сочла нужным в каждом отдельном случае повторить это правило.

Большинством голосов, говорит устав, надлежит решать лишь то, «о чем кредиторам не предписано в сем уставе единогласия», единогласие же предписано, кроме вопроса о заключении мировой сделки, еще лишь в одном случае, а именно, при решении вопроса об исполнении двусторонних договоров, заключенных банкротом до несостоятельности. Наконец, устав содержит в себе весьма своеобразное правило, по которому решающее значение может иметь голос одного кредитора, а именно, если на третьем публичном торге на фабрики и заводы банкротовы за них будет дана слишком малая цена, цена, за которую кредиторы не согласятся их продать, то, по требованию хотя бы одного из кредиторов, они должны быть проданы «за последнюю цену».

Вопрос о юридическом положении *должника* подвергся следующим изменениям:

1) Правила, касающиеся всех трех периодов, именно, о праве его продолжать торговлю, изменены настолько, насколько изменены правила об освобождении банкрота от постигшей его кары, — причем мнение собрания кредиторов имеет решительное значение: оно злостного банкрота может признать несчастным и тем освободить его от взыскания; решение собрания по уставу бесповоротно: если оно признало должника злостным банкротом, то он наказывается «без дальнейшего исследова-

ния»; если оно его признало несчастным или неосторожным, а впоследствии обнаружатся признаки, в первом случае — неосторожного или злостного, во втором — злостного банкротства, — первое решение остается в прежней своей силе.

2) Правила, касающиеся последних двух периодов, а именно: о лишении должника личной свободы, изменены в том смысле, что от предварительного ареста должник освобождается не только по требованию кредиторов и с порукой, но и в том случае, когда в самом начале обнаружится, что он несчастный банкрот, или что должники его «надежные люди», и сумма, ими ему должная, покрывает сумму его долга; выше уже упомянуто, что до обнаружения злостности банкротства должник содержится не в тюрьме, а в пристойном месте.

3) К правилам, касающимся обоих первых периодов, а именно, о сделках, заключенных должником со времени банкротства: а) упущена карательная санкция, так что гражданские последствия этих сделок остались столь же неясными, как и по первообразу устава; б) определен момент, с которого сделки эти должником совершены быть не могут, а именно с момента первой публикации. К правилам о единственном договоре, который может заключить должник, — о мировой сделке, — 1) сделано лишь одно добавление: сделка эта в третьем периоде не может быть заключена банкротом, признанным злостным, и 2) не включены специальные постановления о соглашении на уступку в 25 %.

4) В число правил одного второго периода внесено постановление о *beneficium competentiae* — правило, прямо выраженное лишь в уставах 1740

и 1753 годов. Право на содержание из массы распространяется не только на самого должника, но и на жену и детей его; устанавливается известная сумма «на день», причем размер ее определяется кредиторами по их усмотрению.

5) В правилах, касающихся одного первого периода, сделаны несущественные добавления: а) определен момент, с которого исчисляется месячный срок явки наследников умершего должника, — считается он с первой из трех публикаций; б) наследник, принявший наследство, становится ответственным лишь «в расчете и в имении, а не в преступлении банкротчиковом», что, конечно, разумеется само собой, особенно в виду *beneficium inventarii*.

Наконец, б) устав ничего не говорит о бесповоротности принятия наследства, потому ли, что это разумеется само собой, или по недосмотру, — сказать трудно.

Переходим к вопросу о *кредиторах*. Конкурсными кредиторами признаются те же лица, как и по уставу 1763 года. О казне, как кредиторе, устав два раза говорит, что никакими преимуществами перед другими кредиторами она не пользуется. По вопросу о пасынках произошло одно весьма крупное недоразумение. Выше мы имели случай изложить ряд соображений, по которым, по прежним уставам и по «проекту» 1761 года, в числе кредиторов могли быть именно пасынки банкрота, а не дети его от первого брака. Комиссия о коммерции, имея перед собой все ранее составленные уставы и «проект», воспроизвела почти буквально правила устава 1763 года, но отнесла эти правила к «детям банкротчиковым прежнего супружества». Хорошо

еще, что практически такая путаница не могла бы иметь никакого значения; суть всех правил об этих пасынках и детях первого брака та, что, когда будет ясно, что имущество их находилось на сбережении у банкрота, то оно им возвращается, а если было отдано ему в пользование, то поступает в конкурс. Будь данное лицо пасынок, или сын от первого брака должника, или совершенно постороннее для него лицо, — это совершенно безразлично, юридическое отношение его к банкроту по поводу его имущества нисколько не изменяется. Мы выше видели, что в редакционном отношении правила, касающиеся этих детей, в «прожекте» 1761 года изложены более удовлетворительно, чем в уставе 1763 года. Комиссия же, воспроизведя эти правила по последнему, однако, изменила редакцию, хотя мысль выразила ту же; в уставе 1768 года сказано, что имение возвращается детям, если ими доказано будет, что имение это не *пришло законно* во владение банкротчику, но всегда *быть должно было* отделено.

Затем, что и по уставу 1768 года не требуется, чтобы срок по обязательствам, предъявляемым кредиторами, наступил, то эта мысль в нем яснее выражена, чем в его прототипе, а именно, он предписывает кредиторам заявить свои требования конкурсу, «хотя бы сроки по вексям и не пришли»; хотя и он говорит лишь о вексях, но это правило может быть распространено и на другие обязательства. Относительно преклюзивных сроков прав кредиторских устав сделал одно несущественное пояснение, что лица, поставляющие банкроту жизненные припасы, получают удовлетворение сполна и ранее других, если они поставляли эти припасы

«не для продажи». Относительно рекампии и процентов Комиссия внесла в устав те же правила, что содержатся в статьях «прожекта», то есть что рекампия и проценты причисляются только к просроченным и протестованным векселям. Затем, устав поставил, как увидим ниже, в привилегированное положение кредитора, являющегося в то же время должником банкрота, — ему зачитывается полная сумма его требования. Наконец, сохранив правило устава 1763 года, что кредитор по векселю с поручительством в случае неполучения полного удовлетворения из массы может обратиться к поручителю, устав 1768 года сделал одно очень важное добавление, а именно предоставил поручителю, уплатившему за банкрота сумму, недополученную из массы, права конкурсного кредитора.

Правила устава 1763 года о *сепаратистах ex jure creditii* и *сепаратистах ex jure dominii* устав подверг некоторым изменениям, а именно, относительно первых принял начало, обратное тому, какое принято уставом 1763 года, то есть предписывает, если залог стоит больше, чем взято, сначала выкупить его, а потом взять в конкурс и продать; что же касается вторых, то: а) относительно отдачи на сохранение требуется, чтобы вещи, отданные на сохранение, были только запечатаны, и, как о специальном виде поклажи, говорится об имуществе, взятом на сбережение не у пасынков, а у детей от первого брака; б) относительно отдачи на комиссию устав воспринял правила не устава 1763 года, а «прожекта» 1761 года; в) из «прожекта» же взяты без урезок, сделанных «сочинителем» устава 1763 года, правила относительно отдачи в заклад.

Обращаясь к конкурсной массе, мы видим, что по вопросу о наличном имуществе должника Комиссия о коммерции лишь не приняла правила устава 1763 года о включении при комиссии покупки в массу уже готовых к отправке за море товаров, а, подобно «прожектору» 1761 года, делает различие между случаями, когда коносамент послан к комитенту и когда он еще не послан, — в массу они поступают лишь в последнем случае. Товары, полученные на комиссию, поступают в массу безусловно. Относительно *долгового имущества*, устав: 1) приняв правило взыскания с поручителя по векселю, выданному банкроту, сделал одно добавление, а именно, что поручитель, уплативший конкурсу за должника банкротова, имеет право требовать с этого должника уплаченное; 2) внес новое правило, по которому все долговые требования банкрота на других лицах поступают в массу и зачета этих требований с требованиями кредитора к банкроту, буде должник банкротов в то же время кредитор одного из его кредиторов, — не допускается; например, если А. должен банкроту 100 рублей и имеет право получить 100 рублей с Б., которому банкрот должен 100 рублей, то Б. не имеет права сделать перевод своего долга банкроту на А., дабы А., став и должником, и кредитором банкротовым, не мог прервать с конкурсом всякие сношения; «все, принадлежащее банкротчику, включается в общую сумму», — говорит устав, то есть долг А. должен быть уплачен в массу, а Б. уж получит, сколько ему причтется на рубль; 3) внесено еще новое общее правило о допустимости зачета; устав говорит: «Когда банкротчик такому должен, кто сам ему должен, то ... сумму

суммою заменивать сполна». Из этого выражения «сполна» можно сделать вывод, что зачету подлежит требование кредитора-должника не в том размере, в каком ему причитается «на рубль», а полной суммой, и масса, следовательно, теряет.

Относительно исполнения двусторонних договоров вообще и договора товарищества в частности устав воспроизвел правила устава 1763, но относительно первых вообще изменил редакцию соответствующей статьи в том смысле, что если договоры эти еще вовсе не исполнены, то конкурс обязан их не исполнять, — их следует «уничтожить», разве бы кредиторы решили единогласно иначе. Так что уничтожение стоит как бы на первом плане.

Переходим, наконец, к вопросу о *конкурсном производстве*. Устав 1768 года внес следующие изменения в правила устава 1763 года:

1) он принял предложение авторов «проекта» 1761 года и освободил производство конкурсных дел от гербового сбора, подобно уставу 1763 года, но предписывает взыскивать в пользу казны 50 копеек с каждой тысячи «кредиторской суммы»;

2) он не дает никаких правил на случай заявления самим должником кредиторам о своей несостоятельности;

3) относительно уклонения от ответа публично-му нотариусу устав говорит, что должник почитается банкротом, когда не ответит в срок, положенный вексельным уставом, то есть в течение суток⁹¹;

---

⁹¹ Вексельный устав 16 мая 1729 года. Глава I. Ст. 10. ПСЗ. № 5410

4) срок, который дается явившемуся на суд должнику на удовлетворение кредиторов, принят согласно «прожектору» 1761 года, месячный;

5) относительно ухода из-под караула, как причины признания банкротом, устав говорит: «Ежели должник уйдет из-под караула, не удовольствовав просителя в положенный месячный срок», — из чего можно сделать тот вывод, что если должник явится в суд и ему будет дана отсрочка в месяц, то он все-таки подвергается в течение этого срока аресту. Положение это нельзя назвать удачным: должнику дается срок на то, чтобы он мог избавиться он невыгод признания его банкротом и, между прочим, от ареста, — должнику дается время приискать деньги на уплату кредиторам, а между тем его сажают под караул;

6) час для явки должника после подачи кредиторами просьбы о признании его банкротом уставом не определен;

7) обряд предъявления векселей векселедавцу, предписанный вексельным уставом и безусловно отмененный уставом 1763 года, отменен уставом 1768 года лишь условно, именно, не требуется выполнения этого «обряда спрашивания» только по отношению к банкроту скрывшемуся, несысканному;

8) устав ничего не говорит о том, что описи мелким вещам можно и не делать;

9) относительно публикаций устав принял правила не устава 1763 года, а «прожекта» 1761 года с тем изменением, что не указано, как объявлять в других городах о банкротствах петербургских и московских, благодаря этому изгнан навеки из банкротских уставов барабанный бой;

и 10) о выбранных кураторах суд производит трехкратную публикацию.

Таковы те изменения в уставе 1763 года, которые внесены в устав 1768 года. Что случилось с этим уставом — неизвестно. Читала ли его Императрица, или нет, — не знаем, но утвержден ею он не был. Что и после 1768 года в правительственных учреждениях интересовались банкротским уставом, это видно, например, из того, что: 1) в 1774 году Комиссия о коммерции потребовала из Сената копию Банкротского устава 1763 года; 2) в 1784 году в Коммерц-коллегии был сделан перевод «Торгового и банкротского устава» Марии-Терезии 1758 года, но для каких целей все это делалось — неизвестно. XVIII веку, 28 лет пожертвовавшему разработке банкротского устава, так и не суждено было видеть плоды своих трудов. Труды его, как увидим ниже, не пропали даром, — он работал для своего преемника. В первый же год XIX века наконец издается устав, являющийся ничем иным, как несколько переработанным уставом 1768 года.

Отдел третий

Конкурсный процесс XIX века

Если XVIII век в области конкурсного процесса может быть назван веком кодификационным, веком усиленной, но бесплодной кодификационной работы, то наш век следует назвать законодательным, — изданы два обширных законодательных акта: устав о банкротах 19 декабря 1800 года⁹² и устав о торговой несостоятельности 25 июня 1832 года⁹³, уставы, лежащие в основании ныне действующих законов о конкурсном процессе.

Мы заключим наш очерк конкурсного процесса XIX века уставом 1832 года, причем при изложении его укажем, каким последующим изменениям он подвергся, изменениям, придавшим ему тот вид, в каком он вошел в состав XI тома Свода законов и действует по сей час. Современный конкурсный процесс нас интересует лишь настолько, насколько он преемственно связан с предшествовавшими ему законодательными работами. Нам не было надобности останавливаться на кодификационных работах, начавшихся уже через 15 лет по издании устава о торговой несостоятельности и продолжающихся по настоящее время, — потому что результаты этих работ до 1869 года — года

---

⁹² ПСЗ. № 19692

⁹³ 2 ПСЗ. № 5463

издания проекта нового устава — известны далеко не вполне⁹⁴, а от 1869 года до настоящего времени — совсем неизвестны.

Глава первая

Устав о банкротах 1800 года

В кодификационном отношении устав 1800 года представляет собой своеобразное явление. Он состоит из двух частей. Первая озаглавлена: «Для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями», а вторая: «Для дворян и чиновников». Первая часть есть не что иное, как банкротский устав 1768 года, более или менее существенно измененный; вторая же часть не имеет почти никакого отношения к конкурсному процессу: из 111 статей ее о банкротах речь идет в 12, остальные статьи касаются, главным образом, правоспособности дворян в области обязательственных правоотношений; издание ее мотивируется тем, «дабы уменьшить и воздержать самое впадение дворян и чиновников в неоплатные долги». Ввиду этого им запрещается выдавать векселя и дозволяется «к употреблению»: закладные с залогом недвижимого и движимого имущества, крепостные заемные письма без залога и долговые заемные письма без залога или с залогом движимых вещей, и то «на случай скорой нужды и особливой доверенности»⁹⁵. Понятно,

---

⁹⁴ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. — С.-Петербург, 1876. — Том 2. — С. 306–307.

⁹⁵ ПСЗ. № 19692. Ч. 3. Ст. 4.

что при рассмотрении устава мы ограничимся лишь первой частью его и теми положениями второй части, которые имеют непосредственное отношение к конкурсному процессу.

Устав 1800 года, как мы сказали, есть лишь несколько измененный устав 1768 года: внесено 30 новых параграфов, семь примечаний и одно толкование; из 171 параграфа 86 взяты из устава 1768 года без малейших изменений, 36 совсем не внесены, а остальные более или менее изменены, причем одни разбиты на несколько параграфов, другие соединены. Все 171 параграф разделены на 29 отделений, соответствующих параграфам устава 1768 года, под теми же заглавиями и в том же порядке, причем из тридцати одной статьи, обращенной в отделения, исключены две: 19-я — «О должности члена в конкурсе», и 29-я — «О поступлении при конкурсе по большинству кредиторских голосов и по числу должного капитала».

Что касается пространства *действия* устава: 1) по отношению ко времени, то им принято начало устава 1740 года, начало процессуальных действий. Если несостоятельность обнаружилась до издания устава, но во время «публикования» его «конкурсное дело» еще «производится», то применяются правила устава (ст. 171). Значит, устав вступил в силу в момент публикации его, и если он застиг данный конкурсный процесс в движении, то действия, последующие за этим моментом, совершаются по уставу. Но к правилам устава 1740 года устав 1800 года сделал одно весьма существенное добавление, а именно, он запрещает «винить банкрота и других прикосновенных ... в том, на что доньше

точного закона не было». Так что новые карательные правила устава отнюдь не могли быть применены к преступлениям, совершенным до издания устава, но, быть может, обнаруженным после его издания.

По вопросу о действии устава: 2) по отношению к лицам нового, сравнительно с уставом 1768 года, внесено лишь то, что: а) круг этих лиц еще более расширен; хотя первая часть устава и должна была применяться к «купцам и другого звания торговым людям, имеющим право обязываться векселями», но не исключительно; во второй части устава содержатся некоторые специальные постановления относительно несостоятельности дворян, чиновников и разночинцев, но эти постановления исключают применение правил, касающихся купцов лишь в случаях, указанных в этой части; в остальных случаях применяются правила первой части, за исключением, разумеется, тех, которые касаются векселей (и вообще, обязательств, в которые не купцы не могли вступать), и правил, касающихся «конкурса», который по этим банкротствам не учреждается; б) устав упустил постановление устава 1768 года, запрещающее иностранцам пользоваться правами чужестранных министров.

Затем, приняв определение понятия несостоятельности, данное «прожектом» 1761 года, *устав понимает под несостоятельностью Insufficienz /недостаточность имущества/,* что подтверждается принятием им: из устава 1768 года положения об устранении конкурса при наличности долга казны, покрывающего все долги должника (ст. 1), и из устава 1763 года положения, из которого видно, что несостоятельным почитается уже тот, у кого

на уплату долгов недостает известного числа процентов. Устав 1800 года обязывает должника заявить кредиторам о своей несостоятельности, когда «не достанет у него до 30 % на рубль кредиторской суммы». Мотивируется это тем, что это «полезно обеим сторонам для того, чтобы кредиторы, усмотря невинность и благонадежность личную, могут еще по-прежнему оставить его с доверенностью в торгах до некоторого времени или преподать способ к поправлению» (ст. 132 и приложение к ней).

Что касается *видов* несостоятельности, то изменению подверглись *условия*:

а) неосторожной несостоятельности, в том, что: а) как только что сказано, купец, видя дефицит в 30 %, должен об этом заявить, — неисполнение этой обязанности влечет за собой признание банкрота неосторожным (ст. 135); б) более точно определена обязанность ведения торговых книг (через год с публикации устава, ст. 140), обязанность, неисполнение которой влечет за собой то же последствие. Сохранив правило устава 1768 года о порядочном содержании книг, устав 1800 года предписал Петербургскому Ратгаузу⁹⁶ «сочинить формы» их, «напечатать с апробации Сената и разослать по губерниям на счет купечества», предоставив купцам «употреблять печатные листы или письменные» (приложение к ст. 183). Относительно обязанности ведения тех или других торговых книг устав различает: а) торг «собственно своим капита-

---

⁹⁶ Во времена Павла Первого (1798–1801 г.г.) — орган городского управления С.-Петербурга

лом» от торго в кредит; только лицо, ведущее торг в кредит, обязано вести книги, указанные в уставе, лицо же, ведущее торг на собственный капитал, может вести книги, «какие пожелает» (ст. 144); б) затем, из ведущих торг в кредит, различает «гуртовых /оптовых/ торговцев» от «розничных»; первые «неотменно» должны иметь следующие книги: «1) для копий со всех отходящих писем, 2) мемориал для ежедневной записки всех дел, 3) кассы денежному приходу и расходу, 4) журнал, в порядок приведенный, 5) фактурная или счетная купленным товарам, 6) продажным товарам и 7) главная книга, или гроссбух, из которой ежегодно и во всякое время в подобных (потребных?) случаях можно сочинить баланс и видеть состояние дел» (ст. 141). Между розничными торговцами устав различает тех, «у которых торг более 1 000 рублей», от тех, у которых он менее 1 000 рублей. Что касается первых, то устав поощряет их в ведении книг, обязательных для гуртовых торговцев, заявляя, что «если они будут иметь такие книги, то сие относиться должно к их исправному и рачительному дел своих отправлению, могущее доставить им от других лучшее доверие». Для всех, однако, обязательно ведение некоторых книг, а именно: «1) товарной, в которую вносить товары с ценами по времени их приема, 2) денежной, о приходе и расходе, 3) долговой — кому за что и сколько когда делался должным, с отметками уплаты, 4) таковой же о своих долгах и 5) домашним расходам» (ст. 142). Вторым обязательно ведение тетрадей, в которые вносить «общими статьями о каждом роде прихода и расхода товаров и денег» (ст. 143).

б) Из условий злостного банкротства устава 1768 года устав 1800 года не принял разорения вследствие сидения под арестом, взыскания штрафа и конфискации имущества. Наконец, в правилах, касающихся различия видов несостоятельности по *последствиям* сделаны изменения в том, что: 1) о несчастном банкроте сообщается в Ратгауз, чтобы банкрота определить в «маклера и другие подобные сей должности по выборам купечества» (ст. 134); 2) не принято правило об исходатайствовании кредиторами и детьми банкрота помилования злостного банкрота; 3) суду предписывается о злостном банкроте «производить по порядку уголовное дело» (ст. 139); затем 4) устав восполнил пробел устава 1768 года относительно имущественных последствий злостного банкротства: злостный банкрот «не освобождается от заплаты оставшихся на нем долгов» (ст. 139), и если из доходов с его имущества все его долги будут покрыты, он все-таки не освобождается от наказания (ст. 112).

Целый ряд особенных правил дает устав относительно последствий несостоятельности дворян, чиновников и разночинцев. Неосторожного банкрота предписывается «за достальные неоплатные долги» посадить под караул на пять лет с «определением ему содержания», по усмотрению кредиторов, от 50 до 150 рублей в год (ст. 100, ч. 2); кредиторам, однако, предоставляется как сократить срок содержания под караулом, так и вовсе освободить от него (ст. 106, ч. 2); если о сокращении срока или об освобождении будет просить $\frac{1}{5}$ кредиторов, срок сокращается на год, $\frac{2}{5}$ — на два года, $\frac{3}{5}$ — на три года, $\frac{4}{5}$ — на четыре (ст. 107, ч. 2). Независимо от ареста,

банкрот лишается «доверия» (ст. 101, ч. 2); ему возвращается и доверие, и свобода лишь после полной уплаты долга (ст. 102, ч. 2). Если он приобретет впоследствии имущество и не уплатит недоплаченных долгов, то имение его передается в ведомство дворянской опеки, которая обязана 1/5 часть доходов передавать кредиторам, а остальные выдавать на содержание семейства и самого банкрота, «продолжая сие до смерти его» (ст. 103, ч. 2); с момента смерти имение поступает к наследникам, для которых уплата недоплаченных долгов необязательна. Затем злостного банкрота из дворян, чиновников и разночинцев предписывается «подвергнуть как за лживые поступки суждению по законам» (ст. 105, ч. 2). Большинство кредиторов может не согласиться с определением суда о свойстве несостоятельности, а именно, признать злостного — неосторожным или несчастным, неосторожного — несчастным, и подать о том письменно суду; суд поступает соответственно этому заявлению (ст. 108, ч. 2).

Второе предположение конкурсного процесса — *наличность нескольких кредиторов* — может быть выведено из существа конкурсного процесса, но не находит себе прямого подтверждения в постановлениях устава, так как статья устава 1768 года, из которой видно, что при одном кредиторе нет конкурса, не вошла в устав 1800 года.

Третье предположение конкурсного процесса — *желание кредиторов* — находит себе подтверждение в тех же правилах устава 1800 года, как и по уставу 1763 года (ст. 3, 132 и примечания к ней), причем постановления, касающиеся предотвращения конкурса дачей должнику отсрочки в платеже долгов,

развиты подробно, а именно, устав ввел новый институт *ассистентов или помощников*. Это суть лица, избранные кредиторами из своей среды или из посторонних для разбора и приведения в порядок дел фактически несостоятельного должника. Учреждается это ассистентство, когда должник станет просить об отсрочке, и кредиторы на то согласятся; учреждается оно в самое время дачи «отсрочки» и удостоверяется актом, подписанным всеми наличными кредиторами (ст. 10).

Из конкурсных установлений: о конкурсном суде устав 1800 года говорит, как и устав 1763 года, называя его «судебным местом», и только раз упоминает о Магистрате, как об учреждении, от которого в городах должны быть прибываемы «билеты», оглашающие факт банкротства (ст. 16). Правил подсудности устав никаких не преподает. Суд в сфере гражданской юрисдикции, как орган:

а) надзирающий за конкурсом, оставлен в том же виде, но лишь никаких правил об отношениях между ним и конкурсом по поводу медленности не установлено; срока для окончания конкурсного дела уставом никакого не положено;

б) функции апеллиционной устав за конкурсным судом не признает (ст. 132); единственный в уставе 1768 года случай, когда могла быть подана апелляция на конкурс, отвергнут уставом 1800 года по тому соображению, что «избрание кураторов зависит от самих кредиторов». Редакция статьи, говорящей «о имени суда на конкурс», такова, что может дать повод думать, что есть ряд хотя точно в уставе и не указанных случаев, когда решения конкурса подлежат

обжалованию суду. В статье сказано, что, «когда последует решение конкурса» и большинством кредиторов «будет апробовано... суда не давать». Из этого можно сделать вывод, что если решение еще не апробовано, то обжалование суду возможно. Это, однако, опровергается тем, что на решение конкурса, постановленное до апробации генерального счета, жалобы приносятся не конкурсному, а медиаторскому суду. Но устав допускает обжалование определений конкурса в «тех случаях, по коим особыми пунктами в сем уставе жалобы... дозволены». К случаям этим относятся: жалоба, подаваемая кредитором, лишившимся, по определению конкурса, своей претензии за умышленную, «а не ошибкой», приписку излишнего (ст. 67), кредитора, претензия которого отклонена конкурсом вследствие сомнительства (ст. 80), лица, у коего конкурс удержал неправильно вещи и деньги (ст. 50). Срок подачи жалобы — месячный или «двойной поверстный»; к жалобе должна быть приложена «копия с журнала с прописанием улик» (примечание к ст. 67).

в) Функция суда как органа, санкционирующего определения конкурса, оставлена без изменения.

г) Функция его как органа, в иерархическом порядке посредствующего между конкурсом и центральными установлениями, не признана уставом. Что касается сферы уголовной юрисдикции, то уставом сделаны следующие изменения: 1) наказание «как публичного вора» оставлено лишь для злостного банкрота (ст. 139); 2) как «воры и мошенники», наказываются лица, утаившие, или присвоившие, или передавшие другим что-либо из имущества умершего купца (ст. 167), или из «интересной ко-

рысти» истребившие «конторские книги» умершего несостоятельного должника (ст. 162); 3) арест полагается лишь понудительный для лиц, запирающих в уплате банкроту долга или в выдаче вещей его, а заменительный — для несостоятельных в уплате штрафа — уставом отвергнут; 4) отдаче в заработки, «не отдавая на искупление и с опубликованием в газетах», подвергается кредитор, по соглашению с банкротом излишне приписавший или недолжное требующий, при несостоятельности его к уплате денежного штрафа (ст. 68); тому же наказанию при несостоятельности подлежит тот, кто умышленно не объявил о долге или вещах банкротских, у него находящихся, или передал долг или вещи банкроту, и тем их скрыл (ст. 71); по этому случаю устав определяет, кого следует считать «умышленным утаителем»; «Умышленность, — говорит устав, — заключается не в одном промолчании на публикации, но и в других сопровождающих обстоятельствах»; как на пример таких обстоятельств устав указывает на случай, когда кураторы из книг усмотрят, что у такого-то лица имеются деньги или вещи банкротские, сделают ему запрос об этом, и тот решительно запретится, а потом по обыске уличен будет в утайке (примечание к ст. 71). 5) Отдаче в заработки до уплаты долга подвергается (как и неосторожный банкрот) лицо, изобличенное в необъявлении о имении денег и вещей банкротских и несостоятельное к уплате штрафа (ст. 70); наследники умершего несостоятельного, уличенные в утайке, присвоении или передаче другим имущества до полной уплаты претензий кредиторских (ст. 166), и лица, «без интересной корысти» истребившие книги умершего не-

состоятельного, — соответственно размеру причиненного убытка (ст. 168). 6) Денежному штрафу подвергаются: кредитор, по соглашению с банкротом излишнее приписавший или недолжного требующий, — в двойном размере против приписанного или требуемого, причем одна половина поступает в массу, а другая в казну (ст. 68); лицо, изобличенное в том, что умышленно или неумышленно скрыло долг свой или нахождение вещей банкротских — в размере скрытого — в пользу казны, независимо от взыскания долга в пользу массы (ст. 70, 71); лицо, не принявшее меры к охранению книг и имущества должника (ст. 6)⁹⁷, — в размере от 50 до 100 рублей. Наконец, 7) устав предписывает штраф, взысканный за обозвание банкротом, отдавать в Приказ общественного призрения (ст. 164, 167).

Затем, общая судебная функция конкурсного суда по делам о взыскании с должников, определяется теми же правилами, как и по уставу 1768 года, причем, однако, во-первых, конкурсу предписывается, прежде чем обратиться к суду, «предположить меры и условия» и брать подписки (ст. 169); при дальнейших же сомнениях и противоречиях он передаст дело суду, и, во-вторых, указывается на последствия, которые влечет за собой отказ от дачи подписки и от присяги (ст. 80). Затем правила, определяющие функции суда как органа административного взяты целиком из устава 1763 года. Наконец, все судебные действия совершаются по уставу 1800 года судом *in corpore*, только опись произво-

---

⁹⁷ При отсутствии соглашения с банкротом наказание то же, что и по уставу 1768 г. Прим. автора.

дится, как исполнительное действие, полицией при члене Магистрата на общем основании⁹⁸. В состав конкурса член суда не входил.

Что касается конкурса, то устав принял определение, данное ему уставом 1768 года, и приданное ему последним внешнее значение «судебного места». Учреждается он по всем банкротствам, как бы мала ни была сумма долговых требований. Состоя из одних кураторов, без представителя судебного места, конкурс решает все вопросы большинством голосов, и в случае разногласия дело переходит на разрешение или собрания кредиторов, или суда, смотря по тому, «зависело ли решение дела от кредиторов, или нет» (ст. 123). О возможности препоручения каких-либо действий отдельным кураторам устав ничего не говорит; не принял он также правил устава 1768 года о найме публичного нотариуса или «приказного человека», так что сохранены лишь правила о поручении отдельных действий поверенным и о найме бухгалтера (ст. 44, 54, 120). Об ответственности кураторов устав 1800 года, подобно уставу 1768 года и в противоположность предшествовавшему, ничего не упоминает. Относительно же определения кураторов сделано то изменение, что в противоположность уставу 1768 года устав 1800 года устанавливает не минимум, а максимум числа кураторов, а именно — кураторов избирается не более четырех (ст. 26). К условиям, при которых суд назначает *ex officio* кураторов, прибавлено и то, что если число всех кредиторов менее девяти, то им дозволяется выбрать одного или

---

⁹⁸ Указ от 7 ноября 1775 года, ст. 265 // ПСЗ. № 14391

двух кураторов, а остальные, до четырех, назначаются судом из лиц посторонних «подобного с кредитором (кредиторами?) или банкротом звания» (ст. 27). Изменен уставом также срок заявления об избранных кураторах: кредиторы через шесть дней после троекратной публикации должны являться в суд. Какое значение и какой смысл имеет эта явка, устав не говорит; надо полагать, что предписывается это для того, чтобы кредиторы между собой лично ознакомились; заявление же об избранных кураторах должно быть подано не позже двух недель со времени этой явки. Избранные кураторы утверждаются судом (ст. 26). Что касается условий, которым должны удовлетворять лица, избираемые в кураторы, то устав знает лишь две категории их: нравственные и сословные. К первым относится то, что избраны должны быть люди «добрые и неподозрительные» (ст. 26), ко второй — что не могут быть избраны: духовные, мещане, крестьяне и крепостные люди (примечание к ст. 26); из представителей казны, как и по уставу 1768 года, может быть выбран лишь один (ст. 28). Вопрос о вознаграждении куратора впервые разрешается уставом категорически в утвердительном смысле: они получают «два процента со всей вырученной из имени банкрота суммы, причем они должны делить те проценты между собой на равные части», Мотивируется необходимость вознаграждения тем, что кураторы не только «теряют у банкрота», но и «должны нести трудную должность» (ст. 120).

И по уставу 1800 года куратор не может отказываться от звания, — он может быть или уволен по собственному желанию, или устранен. Увольнение возможно лишь по законной причине; причин

этих устав не перечисляет, но из того, что он прибавляет, «когда таковыми их судебное место признает», можно сделать вывод, что это суть причины, уважительность коих определяется усмотрением суда. Только на две из этих причин устав указывает, а именно, подобно уставу 1763 года: на исполнение кураторской обязанности по другому конкурсу и на исполнение ранее того этих обязанностей по двум конкурсам. Мотивируется последнее тем, «дабы частое занятие посторонними делами не могло отвлекать от дел собственных, в сугубое ему отягощение» (примечание к ст. 27). Если причины признаны законными, то куратор увольняется, — ему не предписывается, как это сделано в уставах 1763 и 1768 годов, поставить за себя другое лицо, — на место уволенного собрание кредиторов на общем основании избирает другого (ст. 31).

Что касается устранения кураторов, то в уставе находим следующие изменения правил устава 1768 года:

1) устав говорит об увольнении не только избранного кредиторами, но и назначенного судом куратора, — последний тоже может быть устранен по просьбе кредиторов, если суд признает причины увольнения уважительными; на место уволенного суд на общем основании назначает другого (ст. 124);

2) устав не говорит о праве вновь определенного куратора представить свое мнение по тем, ранее его вступления, решенным вопросам, с которыми он не согласен, — вместо этого бесполезного правила устав принял более основательное правило, а именно, что «новоизбранный куратор за все прежде до его вступления не отвечает» (ст. 125);

3) предоставляя не заменять устранившегося курьера другим, устав, однако, требует, чтобы число остающихся по выходе устранившихся кураторов было не менее двух (ст. 127).

Относительно обжалования решений конкурса — устав 1800 года не принял положения устава 1768 года о двух медиаторских судах: решения, постановленные после апробации генерального счета, как мы видели, лишь в указанных уставом случаях подлежат обжалованию суду, что же касается решений, постановленных до апробации счета, то они пересматриваются медиаторским судом, правила которого целиком взяты из устава 1768 года (ст. 115).

Что касается упразднения конкурса, то устав внес некоторые редакционные изменения и дополнения в правила устава 1768 года. 1) Мы выше указали на то, что статьи 132, 133 и 134 размещены неправильно. Устав 1800 года не исправил этой ошибки, а изменил несколько редакцию статьи 134, а именно, вместо слов «ежели всеми от оного доходами или частью» в уставе читаем — «ежели капиталом, или доходом, или частью оных». Благодаря такому изменению получилось новое правило — правило, которого нет в уставе 1768 года, а именно, если вследствие исполнения или прекращения договора, или в виде дохода с имения, приобретенного по наследству, получится сумма, достаточная для покрытия долгов банкротства, конкурс прекращается (ст. 115). 2) Момент передачи конкурсом своих обязанностей особому поверенному определен таким образом: «Когда имение продано, и деньги выручены, и главнейшие из надежных долгов собраны и разделены» (ст. 99).

В вопрос об организации и деятельности *собраний кредиторов* устав внес следующие изменения: 1) из компетенции изъяты вопросы об отправке за море заготовленного уже товара и о способе продажи имущества банкрота; зато 2) включен в круг его ведения вопрос о том, производить ли публикацию о вызове иногородних и иностранных кредиторов и должников, и если публикация была произведена, то выжидать ли заявления с их стороны; при этом кредиторы, высказавшиеся против публикации или выжидания, отвечали за причиненный убыток, «ежели впредь откроется, что они поспешили без довольной осмотрительности» (ст. 64); собранию же предоставлено решение вопроса, оставить ли фабрику или завод за покупщиком, предложившим большую цену на третьем торге (ст. 53). 3) Хотя дела в собрании тоже должны решаться по большинству голосов и притом открытой подачей их (что видно из принятого уставом начала не корпоративной, а личной ответственности собрания), но большинство считалось иначе; таковым почитается, как и по амстердамскому уложению, $\frac{3}{4}$ общего числа кредиторов, имеющих получить от банкрота $\frac{2}{3}$ общей суммы долгов или $\frac{2}{3}$ общего числа, имеющие получить $\frac{3}{4}$ общей суммы; но если ни числа кредиторов, ни капитала не будет «в такой пропорции», то большинство имеется, если число кредиторов и сумма их требований будут более половины (ст. 12). 4) Не принял устав правила устава 1768 года о решающем значении голоса одного кредитора при продаже фабрик и заводов, но редакция соответствующей статьи изменена весьма странно. Между

слов статьи (буквально перепечатанной из устава 1768 года) «если кто из кредиторов» и «весьма станут (в уставе 1768 г. «станет») требовать продажи», вставлено в скобках «но не иначе, как от большого числа и толикую сумму имеющих в конкурсной массе, каковая выше сего предписана, для перевеса голосов» (ст. 53). Было бы проще и яснее изменить начало статьи таким образом: вместо слов «если кто из кредиторов» сказать «если большинство кредиторов». Наконец, 5) устав указывает на случай, когда не требуется большинства голосов, а вопрос решается произвольным количеством кредиторов, причем последствия такого решения ложатся исключительно на страх участвовавших в постановлении решения, — это вопрос об исполнении двустороннего договора, «по которому от банкрота деньги не внесены»; число кредиторов, решающих вопрос об исполнении этого договора, не определено, но выгоды и невыгоды их решения ложатся на них же.

Что касается юридического положения *должника*, то правила устава 1768 года приняты целиком, за исключением двух случаев: 1) не принято правило о бесповоротности определения о признании должника несчастным и неосторожным банкротом и 2) подверглись незначительным изменениям и значительным дополнениям правила на случай смерти должника. Все правила устава 1768 года, касающиеся смерти должника, имеют в виду тот случай, когда наследников нет налицо; устав 1800 года внес в эти правила лишь одно изменение: срок явки наследников был один общий — месячный, по уставу же он трехмесячный для живущих в том же городе, девяти-

тремя — для пребывающих в других городах и иностранных европейских местах, и полугодовой — для живущих в прочих «отдаленнейших частях света» (ст. 62, 154); но выжидать истечения этого «самого дальнего срока» нет надобности; если истек девятимесячный срок и наследники не явились, то наличные деньги или собранные долги могут быть разделены, сколько на рубль придется, между кредиторами, требования коих «не подвержены никакому сомнению»; в этом случае конкурс, вероятно, не учреждался, но раздел производился по правилам устава; «вещественное же имущество» сохранялось до истечения «самого дальнего срока». (ст. 155). Если по истечении и этого срока наследники не явятся, то учреждается конкурс, действующий на общем основании (ст. 159). Если после раздела еще останется имущество, то делается новый вызов наследников, и по истечении «самого дальнего» (вероятно) срока имущество продается, и вырученные деньги передаются в Приказ общественного призрения (ст. 160). В дополнение к правилам, касающимся смерти должника, когда наследников его нет налицо, устав 1800 года внес ряд правил о том, как в этом случае уберечь имущество умершего от расхищения. Хозяева дома, где умер купец, или лица, находившиеся при нем во время его смерти, обязаны: 1) взять на сохранение все его конторские книги, и письма, и наличное имущество, оставив из последнего часть на покрытие издержек на погребение; 2) составить опись «за общим подписанием»; 3) в тот же день или на утро смерти дать знать о том полиции; 4) передать полиции с описью «все, что осталось». Лица эти имеют право полу-

чить за сбережение вознаграждение в размере 5% от цены сбереженного имущества (ст. 164); неисполнение же указанной обязанности влечет за собой, как мы видели, взыскание штрафа (ст. 167). Что же далее делает полиция? Полиция, вероятно, сообщает суду, который делает вызов наследников и кредиторов. Независимо от случая, когда наследников нет налицо, устав дает ряд правил на случай, когда наследники («по родству или по завещанию») находятся налицо. Прежде всего на наследников возлагаются известные обязанности по отношению к имуществу умершего лишь в том случае, когда последний «вел торговлю не собственным единым капиталом, но с займом и кредитом от других». Обязанности эти заключаются в том, чтобы: 1) «не далее третьего дня» со смерти наследодателя пригласить: в городе — чиновника полиции, а вне города — двух «беспорочного поведения» свидетелей, и составить опись «книгам, и письмам, и капиталам в наличных деньгах и векселях» умершего; 2) потом объявить в городе полиции, вне города — свидетелям, что после составления описи еще нашлось; и 3) не позже чем через месяц дать знать полиции и подать или послать в суд при описи извещение: принимает ли он наследство, или отрекается от него, или же не может дать ответа «до дальнейших справок» (ст. 161). Суд печатает вызов кредиторов и наследников, что же касается книг и имений умершего, то они оставляются «в руках наследника» при следующих условиях: 1) когда он принимает наследство; 2) когда он суду не представляется «подозрительным» (ст. 162); и 3) когда «долги умершего еще не гласны по присутственным местам»,

хотя бы самих кредиторов налицо и не было. При отсутствии одного из этих условий книги и имени «берутся под смотрение полиции или суда» (ст. 163). Когда кредиторы явятся и наследник не принимает наследства, то при наличности условий признания банкротства учреждается конкурс (ст. 162); учреждается он и над имуществом наследника, если тот не исполнит вышеизложенных обязанностей или, сверх того, утаит или присвоит наследственное имущество; в первом случае он признается несчастным, во втором — неосторожным банкротом (ст. 166, 167).

Что касается *конкурсных кредиторов*, то к числу их устав 1800 года относит залогопринимателей, но при других условиях, чем устав 1768 года, о чем будет сказано ниже. Постановления о детях банкрота прежнего супружества подверглись существенным изменениям. Устав 1800 года принял правила устава 1768 года в тех частях, которые касаются детей как сепаратистов *ex jure domini*, то есть предписывает возвратить имущество, взятое на сбережение, но затем переходит к малолетним вообще и предписывает возвращать имение, у них взятое, «хотя и из прибыли, поелику на то согласия они дать не могли». Этим малолетним противопоставлены совершеннолетние (?); относительно их-то устав сохранил то правило, что их имущество, взятое с их согласия банкротом «из прибыли», не возвращается, а сами они становятся конкурсными кредиторами (ст. 47). Из этого видно, что мысль законодателя о детях прежнего супружества, долго блуждавшая, путавшаяся, наконец вылилась в крайне неуклю-

жую форму, но с весьма определенным содержанием. Суть ее та, что имущество малолетних, оказавшееся у банкрота, должно быть им возвращено, будут ли они дети прежнего супружества или же посторонние⁹⁹; но если эти дети, как и посторонние, будучи совершеннолетними, отдали банкроту имущество из прибыли, то они становятся конкурсными кредиторами. Придав давнишней своей мысли такое содержание, законодатель развил ее далее, конечно, в тех частях, которые имели существенное значение — именно, относительно малолетних. Он не безусловно исключает малолетних из числа конкурсных кредиторов: они становятся таковыми — через родителей и опекунов — в том случае, когда последние отдали банкроту имущество «из прибыли»; родители же и опекуны, отвечая за убытки, причиненные детям и опекаемым, обязаны уплатить последним то, что ими недополучено из конкурса (примечание к статье 47). Затем в уставе впервые выставляется общее положение (в уставах 1763 и 1768 годов высказанное только относительно векселей), что кредиторы могут предъявить свои требования, «хотя бы по обязательствам сроки еще не наступили» (ст. 62), но относительно досрочных векселей сохранилось правило о вычете процентов за период времени «со дня банкротства по день вексельного срока», причем вычитывается не шесть,

---

⁹⁹ В другом месте мысль эта повторяется в применении к родителям или опекунам: если они возьмут имущество детей или опекаемых «в свою контору или торговлю» то должны возвратить с процентами по день оглашения банкротства» (Примечание к статье 47). Прим. автора.

как по уставу 1768 года, а пять процентов (ст. 102). Что касается сроков предъявления кредиторами своих требований, то устав: 1) изменил самые сроки и 2) исключил всякую возможность восстановления пропущенного срока. Изменение сроков выразилось в том, что устав значительно их удлинил, установил различные сроки и придал некоторым из них условно-обязательное для конкурса значение. Сроки эти: трехмесячный, девятимесячный и полуторагодовой, с третьей публикации, смотря по тому, где находится кредитор: в том городе, где конкурс, в других городах и иностранных европейских странах или в отдаленнейших частях света (ст. 62). Соблюдение девятимесячного и полуторагодового сроков обязательно лишь для кредиторов, но не для конкурса — конкурс сам или по требованию кредиторов может и не выждать истечения их, но кредиторы от этого ничего не теряют; как мы выше видели, убытки, ими причиненные такой поспешностью, должны быть возмещены (ст. 64).

По вопросу об осуществлении прав кредиторов устав сделал следующие изменения: 1) из числа кредиторов, имеющих право получать удовлетворение сполна, исключены сироты и поставщики съестных припасов, так что из прежних остались одни приказчики, служители, мастеровые и работные люди и церковь; 2) к числу этих привилегированных кредиторов отнесены, как мы видели выше, малолетние, капиталом коих «из прибыли» или для ведения торговых дел пользовался банкрот; 3) конкурс может на основании доказательств или присяги предоставить приказчикам и рабочим право на получение долга и за время, предшествующее году до банкрот-

ства; но в этом случае лица эти пользуются правом непривелегированных конкурсных кредиторов (ст. 89); 4) когда налицо окажутся вещи, за которые мастерам еще не уплачено, то конкурс может возвратить им эти вещи (ст. 90); 5) привелегированное положение, созданное уставом 1768 года для кредитора, зачитывающего свое требование, не распространяется на векселедержателей (ст. 97); 6) право на получение процентов — в размере пяти — сохранено за кредиторами не только по просроченным векселям, но и «по другим заемным обязательствам», что же касается «счетов и контрактов», то получение по ним, сверх капитала и процентов, зависит от усмотрения конкурса, «смотря по истине самой претензии», рекамбио же ни в каком случае к капиталу не причисляется; 7) кредиторы, в собрании высказавшиеся в пользу исполнения двустороннего договора, в случае получения от исполнения выгод, получают вырученную сумму сверх того, что им причитается из массы (ст. 112); получив из этой суммы полное удовлетворение, они уже из массы ничего не получают, — все, что выручено ими сверх суммы их требований, как имущество должника, поступает в массу; наконец, 8) правило устава 1768 года о праве кредитора по векселю, выданному банкротом и обеспеченному поручительством, требовать недополученное из массы с поручителя и о праве последнего требовать возврата произведенной за банкрота уплаты из массы буквально сохранено лишь во второй своей части; из чего можно сделать тот вывод, что кредитор может вовсе и не обращаться к конкурсу, а прямо требовать с поручителя; если тот произведет платеж, то он становится в той

сумме долга конкурсным кредитором. Что именно этот случай имелся в виду, видно из того, что устав, как бы пользуясь случаем, дает ряд правил о поручительстве вообще, деля его на простое и срочное и предоставляя кредитору при простом поручительстве право требовать платежа с поручителя лишь при банкротстве должника (ст. 56).

Относительно сепаратистов *ex jure crediti* устав 1800 года внес, сравнительно с уставом 1768 года, лишь изменение, взятое из устава 1740 года, а именно: если заложенная вещь будет стоить менее того, во сколько заложена, то она оставляется у залогодержателя. Мотивируется это тем, что кредитор «почитал заклад достаточным в обеспечение данных им денег»; хотя по продаже вещи и окажется, что вырученная сумма не покрывает долга, залогодержатель уже не может требовать недостающей суммы от конкурса. В предотвращение этой невыгоды для залогодержателя устав постановляет, что, если сверх залога залогодержатель взял обязательство (?), то он заклад может отдать в массу и требование свое предъявить в качестве конкурсного кредитора (ст. 107).

Что касается сепаратистов *ex jure domini*, то: а) относительно отдачи на сохранение сделано лишь то изменение, что отдача на сбережение имущества детей прежнего брака потеряла значение специального вида поклажи; б) постановления о комиссионных сделках частью заимствованы из устава 1763 года, частью из устава 1768 года, воспроизведшего буквально правила «прожекта» 1761 года. Товары, оказавшиеся у банкрота как комиссионера по комиссии покупки, как и по «прожектору»

1761 года, отсылаются к комитенту-покупателю, если коносамент к нему послан, и, предполагается, деньги уплачены, то есть он становится сепаратистом *ex jure domini*; если деньги комитентом-покупателем еще не уплачены, то устав предписывает «посылать товар с потребной осторожностью», дабы деньги дошли верно в конкурсную массу. В связи с этими постановлениями устав указывает на случай, не имеющий никакого отношения к комиссионным сделкам, а именно: когда банкрот посылает товар «по своему произволу и на собственный свой счет»; в этом случае решение вопроса о том, отсылать ли товар к покупателю или включить его в массу, предоставляется конкурсу. Затем товары, полученные банкротом как комитентом-покупателем по комиссии покупки, как и по уставу 1763 года и «прожектю» 1761 года, поступают в массу по получении коносамента. Наконец, товар, присланный банкроту как комиссионеру по комиссии продажи, как и по уставу 1763 года, должен быть возвращен комитенту-продавцу, если он «по день оглашения банкротства банкротом в свои руки еще не получен», если же получен, то идет в массу; при этом устав говорит подробно о том, когда считать товар поступившим «в руки банкрота»; привоз его «к портам», нахождение на корабле или в таможне не признается «поступлением» в руки (ст. 48). в) Правила об отдаче в заклад целиком взяты из устава 1768 года (буквально воспроизведенные из «прожекта» 1761 года), причем сделано лишь одно существенное изменение; составители устава 1800 года не последовали примеру «сочинителя» устава 1763 года, не дописавшего тех частей соответствующей статьи

«прожекта», в которых определяется юридическая судьба излишка или недочета в сумме, вырученной от продажи залога, в срок невыкупленного; судьба эта (хотя и совершенно иначе, чем в «прожекте» 1761 года и в уставе 1768 года) точно определена: «вся выгода и потеря, — говорит устав 1800 года, — отнестись должна к конкурсной массе»; мотивируется это тем, что «взятый залог был залогом данной в заем суммы денег» (ст. 108). Так что, если залог в срок не будет выкуплен, то есть долг не будет массе заплачен, то вещь продается, и если будет выручено меньше, чем за что она была заложена, то масса теряет и уже никаких требований к залогодателю предъявить не может; если же вещь будет продана за большую сумму, то излишек поступает в массу.

По вопросу о *конкурсной массе* сделано то существенное изменение, что в состав массы входит только имущество самого несостоятельного, а не жены его. Женино имущество только при одном из двух условий может быть включено в массу: 1) когда она «в торгах мужниных участвовала», или 2) когда муж «перевел на нее подложно капитал или имение» (ст. 43, 111). Относительно первого случая несомненно, что и жена признается банкротом, и в силу этого ее имущество поступает в общую с мужниным массу, но во втором случае сомнительно, чтобы факт подложного перевода имущества влек за собой все последствия несостоятельности; вернее допустить, что жена подвергается за это ответственности, как всякое лицо, подложно переведшее на свое имя имущество банкротово (по ст. 67 и 104), и в этих пределах отвечает своим иму-

ществом. К *наличному* имуществу должника устав 1800 года причисляет и товары: а) находящиеся у банкрота как комиссионера по комиссии покупки, если коносамент на них еще не послан к комитенту-покупателю; б) находящиеся у него как комитента-покупателя по комиссии покупки; и в) находящиеся у него как комиссионера по комиссии продажи, если они уже «в его руках» (ст. 48). Что касается правил о *долговом* имуществе, то устав: 1) ничего не говорит о взыскании по векселям, выданным банкроту с поручительством; этот пробел отчасти восполняется вышеупомянутыми общими правилами о поручительстве, а именно, конкурс может обратиться к поручителю: в случае неплатежа, когда поручительство дано на срок, а когда оно дано не на срок, то в случае банкротства должника; но невосполненным остается пробел о праве обратного требования поручителя к должнику; 2) устав не допускает зачета требований с банкрота с требованиями банкрота по вексельным обязательствам (ст. 97).

Наконец, по вопросу о *конкурсном производстве* сделан ряд существенных изменений и дополнений:

1) относительно сборов с производства дел устав различает «дела о взысканиях с банкротов», производящиеся в судебных местах, от «письменного производства» в самом конкурсе; только последнее свободно от гербового сбора; взыскивается лишь такая же пошлина, как и по уставу 1768 года, причем предписывается «печатных пошлин не брать». (ст. 170).

2) Относительно «причин признания банкротом»: а) сделано одно общее добавление: в случае не-

явки в суд повести и письменные объявления от суда предписывается передавать должнику в его доме или квартире «лично с распиской», а если его не окажется дома, то «домашним его» (без расписки?); а если и их нет, то хозяину дома «с распиской же или при двух свидетелях» (толкование к ст. 3); б) из числа «причин» исключено уклонение от дачи ответа публичному нотариусу.

3) От явившегося на суд должника берется «письменное известие» о состоянии его имущества (ст. 9).

4) В правилах об оглашении банкротства и вызове сделаны следующие изменения: а) срока между первой и второй, и второй и третьей публикациями не положено, а производятся эти публикации «как затем (то есть, после первой публикации) печатаются следующие газеты» (ст. 15); б) на месте открытия банкротства, вне столиц, прибываются билеты на рынках, ярмарках, «где более собирается народ» (ст. 16); и в) должникам и другим лицам полагаются такие же сроки, как и кредиторам (ст. 62).

5) От банкрота берется подписка под присягой в том, что он ничего не утаил и не утаит, не перевел и не переведет, и безденежных обязательств не выдал и не выдаст (ст. 29); приводятся также по желанию кредиторов к присяге и «главные приказчики» банкрота, в том, что показания их хозяев справедливы или несправедливы (ст. 30).

6) Кредитор, явившись лично или через поверенного в конкурс, заявляет свою претензию; ему предлагают записать в особую книгу, «какого рода его претензия, с которого времени и на какую сумму». Сделав это, он до истечения установленного срока должен представить «потребные доказательства».

Всякое сделанное впоследствии, хотя и до истечения срока, «прибавление» к записи устав признает «подозрительным»; оно может быть принято лишь «по ясным поводам» (ст. 63).

7) Требуя, подобно уставу 1740 года, утверждения кураторов судом в должности, устав, с другой стороны, не требует от них присяги.

8) Относительно ареста имущества банкрота устав в том случае, когда арест наложен уже другим судом, предписывает конкурсу распорядиться этим имуществом не самовластно, а по соглашению с тем судом (ст. 39).

Наконец, 9) много существенных изменений сделано относительно продажи имущества банкрота и раздела массы между кредиторами, а именно: а) относительно продажи устав не принял правил ни о праве избрать способ продажи, ни о праве продать российские товары здесь или за море, ни о праве кредиторов и кураторов покупать имущество банкрота на наличные деньги; эти пропуски, в сущности, несущественны, особенно последние два; такие факультативные права разумеются сами собой, что же касается первого, то, несмотря на отсутствие правил, конкурс избирает сам наивыгоднейший способ продажи имущества; б) что касается раздела массы, то устав дозволяет произвести, под ответственностью конкурса и соглашающихся с ним кредиторов, первый раздел и до истечения «дальних», то есть девятимесячного и полуторагодового сроков при следующих условиях: α) если от имевшихся в виду отсутствующих кредиторов уже поступили заявления и β) если по утверждению самого банкрота и по сведениям, имеющимся в конкурсе, бо-

лее «ожидать некого» (ст. 98); при первом же разделе кредиторам выдается «свидетельство о претензии», в котором обозначаются первая и последующие выдачи (ст. 91); затем дальнейшие разделы должны производиться, «когда скопится наличных денег не менее 10 копеек на каждый рубль всей кредиторской массы» (ст. 92); при каждом разделе конкурс обязан отложить сумму, причитающуюся на долю отсутствующих кредиторов и кредиторов, претензии коих рассматриваются судом и еще и не разрешены (ст. 94); первые могут требовать, чтобы конкурс прислал к ним по почте по месту жительства эти суммы; в этом случае конкурс отсылает деньги «в то присутственное место, под ведомством коего кредитор означает свое пребывание»; место это выдает сумму под расписку и отмечает выдачу «на свидетельстве», выданном от конкурса; расписка отсылается в конкурс (ст. 96). Наконец, устав требует, чтобы поверенному, назначенному для исполнения обязанностей конкурса по прекращении последнего, была выдана особая тетрадь «за подписью кураторов с печатью под шнуром» для записи вырученных денег и для расписок кредиторов; по окончании последнего раздела поверенный обязан сдать тетрадь в тот суд, где хранится конкурсное дело (ст. 99).

Таковым представляется то новое, что внесено в наш конкурсный процесс уставом о банкротях 1800 года. Впоследствии правила его были частью подвергнуты изменениям, частью дополнены.

Глава вторая

Законодательство о банкротах с 1800 по 1832 год

За месяц до издания устава 1832 года пространство действия 1800 года относительно лиц расширяется в смысле, близком к уставу 1832 года: сила устава распространена на лиц, «к какому бы званию они не принадлежали, хотя бы находились в дворянском состоянии»¹⁰⁰. Если сопоставить это определение с правилами устава 1800 года, то окажется, что он распространяется на купцов, «торговых людей другого звания» и, вообще, лиц всех состояний, занимающихся торговлей. Эти две последние категории людей далеко не тождественны: под первой разумелись люди всякого звания, кроме дворян, для которых были установлены особые правила, вторая обнимала собой и этих последних, причем, конечно, предполагалось, что лица эти приобрели право торговли и впали в банкротство по торговле, — что видно из того, что упомянутый закон говорит о *торговой* несостоятельности этих лиц. Относительно последствий *отдельных видов* несостоятельности: 1) подтверждено преимущественное право несчастного банкрота на избрание в биржевые маклеры¹⁰¹; 2) неосторожный и злостный банкроты устраниются от должности маклера¹⁰²; и 3) злостный банкрот теряет право почетного гражданства¹⁰³.

---

¹⁰⁰ Закон 14 мая 1832 г. 2 ПСЗ. № 5360

¹⁰¹ Закон 12 января 1831 г. 2 ПСЗ. № 4255

¹⁰² Там же

¹⁰³ Закон 10 апреля 1831 г. 2 ПСЗ. № 5284

Второе предположение конкурсного процесса — наличие нескольких кредиторов, установлено вновь законом 28 ноября 1808 года. «При одном кредиторе, — гласит он, — не может быть конкурса»¹⁰⁴: такой кредитор удовлетворяется на законном основании и (sic!) по правилам банкротского устава судом; примерно, указывается на то, что суд определяет свойство несостоятельности, а кредитор может «извинить должника», освободить от штрафа, сократить время заключения и т. п.¹⁰⁵ Затем к прежним конкурсным судам законом 14 мая 1832 года прибавлены коммерческие суды, ведающие дела о несостоятельности в тех местах, где суды эти учреждены¹⁰⁶. Что касается конкурса, то последующее законодательство прежде всего разъяснило смысл того определения устава, по которому конкурс есть судебное место; определением этим установлено лишь преимущество, «предоставленное конкурсам в рассуждение только сношений с присутственными местами, но не сравнивает оные в самом существе с сими последними, ибо конкурс учреждается временно из самих кредиторов». Из этого далее сделан вывод, что, кроме кураторов, «никому не дозволено располагать» делами, в конкурсе разбираемыми; что кураторы действуют ради собственной пользы, и если они не исполняют надлежащим образом своих обязанностей, то остальным кредиторам, в кураторы не избранным, дается право обжалования; из всего этого сделан заключительный вывод, что и уездные стряп-

---

¹⁰⁴ ПСЗ. № 24004. См. также № 25414

¹⁰⁵ ПСЗ. № 24004. См. также № 25414

¹⁰⁶ 2 ПСЗ. № 5360

чие не имеют права вмешиваться в дела конкурса, не могут «наблюдать» и «делать напоминания»¹⁰⁷. Впоследствии, однако, от общего правила невмешательства в дела конкурса сделано было исключение: в тех случаях, когда кредитором является Государственный Коммерческий Банк, стряпчие казенных дел должны присутствовать при конкурсе. Исключение это мотивируется тем, что: 1) закон, запрещающий вмешательство стряпчих в дела конкурса, издан в 1813 году, а по указу 30 ноября 1826 года стряпчие обязаны защищать права Коммерческого Банка против частных исков и 2) конкурс по уставу есть судебное место. Аргументация весьма странная¹⁰⁸. Первый довод неоснователен потому, что указываемая в нем защита прав банка со стороны стряпчего касается лишь до судебных дел, второй — противоречит тем соображениям, которые положены в законе 1813 года. Держась этой аргументации, можно прийти к тому, что стряпчий должен присутствовать во всех конкурсах, а тем более при конкурсах, в которых кредитором является казна; а между тем через месяц после издания закона, в котором изложенная аргументация приведена, издается закон, подтверждающий правила устава, что участие казны в конкурсе несколько не изменяет общих правил конкурсного процесса¹⁰⁹. Относительно определения кураторов последовали довольно существенные изменения: 1) отменена обязательность принятия звания куратора посторонним лицом, избранным кре-

---

¹⁰⁷ ПСЗ. № 25501

¹⁰⁸ Закон 12 ноября 1831 г. 2 ПСЗ. № 4943

¹⁰⁹ Закон 15 декабря 1831 г. 2 ПСЗ. № 5017

дителями; кредиторы могут избрать постороннее лицо, но лицо это может отказаться от этого звания. Мотивируется это желанием «преподать все способы к безостановочному купеческих дел течению и дабы при разборе дел банкротских звание куратора не затруднило торговых упражнений лиц, к банкротству неприкосновенных»¹¹⁰; 2) кредитор, избранный в кураторы, может, как и было по уставу 1763 года, поручить исполнение возложенной на него обязанности поверенному¹¹¹; 3) правило устава об избрании одного или двух кураторов и назначении недостающего до четырех числа их судом, когда у банкрота менее девяти кредиторов подтверждено по отношению к тому случаю, когда кредиторов менее четырех, то есть когда их два или три; когда же их ровно четыре, то сделано исключение: повелено «всем им быть кураторами», если они того пожелают; в противном случае применяется общее правило, то есть они избирают одного или двоих из себя или из согласившихся на то посторонних, а недостающее число назначается судом¹¹²; 4) проводится различие между случаями, когда число иногородних кредиторов менее числа живущих в одном городе с банкротом и когда число их более того или одинаково; в первом случае все кураторы должны быть выбраны из иногородних, во втором — из тех и других поровну¹¹³; и 5) разрешен случай, когда все кредиторы банкрота принадлежат к числу лиц, не имеющих права быть

---

¹¹⁰ Закон 9 августа 1807 г. ПСЗ. № 24004

¹¹¹ Там же

¹¹² Закон 28 ноября 1809 г. ПСЗ. № 24004

¹¹³ Закон 9 августа 1807 г. ПСЗ. № 22585

избранными в кураторы; надлежит избрать «из дозволенного состояния людей по добровольному согласию»; когда в срок избранные не будут представлены, то «дело рассматривать и решать на основании законов подлежащему присутственному месту»¹¹⁴. Буквальный смысл последнего положения таков, что кураторы вовсе не назначаются и конкурса не учреждается; но едва ли это имел в виду законодатель. Не было никаких оснований отступить от правила устава, по которому в подобном случае суд назначал кураторов; «рассмотрение и решение на основании законов» судом, кажется, и должны быть понимаемы в том смысле, что суд рассматривает и решает дело через назначенных им в кураторы лиц. Наконец, относительно ответственности конкурса последующее законодательство установило то положение, что с кураторов за неправильное решение конкурсных дел взыскивается, как с коронных судей. Мотивом тому выставляется опять то обстоятельство, что по уставу конкурс есть судебное место и что на неправильные действия его лица пострадавшие могут приносить жалобы¹¹⁵. Взыскивается с кураторов поровну, как это признано относительно неправильных действий их по вексельным делам, и если виновными окажутся и члены Магистрата, то кураторы отвечают в одной половине, а члены Магистрата в другой¹¹⁶. Правила, касающиеся юридического положения должника, дополнены тем, что: 1) купец первой гильдии, раз объявленный банкротом, како-

---

¹¹⁴ Закон 3 июля 1813 г. ПСЗ. № 25414

¹¹⁵ Закон 21 августа 1814 г. ПСЗ. № 25650

¹¹⁶ Закон 10 апреля 1823 г. ПСЗ. № 29416

го бы рода несостоятельность его ни была, не может быть награжден ни знаками отличия, ни званием коммерции советника¹¹⁷; 2) с имущества умершего банкрота не взыскивается однопроцентного сбора, который законом рассматривается как налог с наследства¹¹⁸; и 3) мировая сделка, заключенная должником с некоторыми из кредиторов, не имеет никакого значения: кредиторы сохраняют за собой право на полное удовлетворение¹¹⁹; для признания такой сделки недействительной вовсе не требуется, чтобы она была заключена тайно; она недействительна и в том случае, когда кураторы, созывая общее собрание кредиторов для заключения ее, предупредили, что неявившиеся кредиторы будут почитаться согласившимися с мнением большинства; кредиторы, не участвовавшие в заключении сделки, и в этом случае обращаются к должнику, а не получив от него уплаты — к кураторам; но если должник по сделке представил поручительство в том, что удовлетворит не участвовавших в сделке кредиторов, то последние, прежде обращения к кураторам, должны обратиться к поручителям¹²⁰.

Что касается конкурсных кредиторов, то: 1) срок заявления об их правах изменен по отношению к тому случаю, когда конкурс открыт в Сибири, а кредиторы находятся вне пределов Российской империи; по уставу таким кредиторам полагался де-

---

¹¹⁷ Закон 14 ноября 1824 г. ПСЗ. № 30115, § 26

¹¹⁸ Закон 2 апреля 1831 г. 2 ПСЗ. № 4478

¹¹⁹ Закон 12 ноября 1801 г. ПСЗ. № 20052. Закон 11 июля 1829 г. 2 ПСЗ. № 2924

¹²⁰ Закон 11 июня 1829 г. 2 ПСЗ. № 2924

вятимесячный срок, но законом 30 июля 1823 года им дан самый долгий срок — полуторагодовой¹²¹; 2) установлена преклюзивность не самого права кредиторов, а конкурсного их притязания, то есть кредиторы, пропустившие срок заявки, не лишаются прав своих навсегда; они в течение давностного срока сохраняют за собой право получить удовлетворение из имущества должника, оставшегося после полного удовлетворения всех его кредиторов¹²²; 3) к числу кредиторов отнесена казна по требованию ее с должника штрафных денег за неправильную апелляцию, причем, однако, ставится условием, чтобы это требование было заявлено своевременно¹²³; и 4) указывается на ряд привилегированных кредиторов, имеющих право получить удовлетворение сполна и ранее остальных; сюда отнесены: а) казна: аа) по требованию горных недоимок; выражение, что недоимки эти не должны «идти в конкурс», указывает на то, что казна по этим требованиям получает ранее всех кредиторов¹²⁴; и бб) по долгам Государственному Коммерческому Банку и Учетным конторам¹²⁵; б) гоф-маклер и биржевые маклеры; закон 10 февраля 1827 года относит маклеров к той же категории, к какой отнесены мастеровые, рабочие и т. п., мотивируется это тем, что: 1) маклеры не причисляются к коммерческим людям, а потому было бы несправедливо требования их считать наравне с теми при-

---

¹²¹ ПСЗ. № 29555

¹²² Закон 4 декабря 1826 г. 2 ПСЗ. № 724

¹²³ Закон 19 января 1827 г. 2 ПСЗ. № 829

¹²⁴ Закон 22 декабря 1818 г. ПСЗ. № 49596

¹²⁵ Закон 14 июня 1828 г. 2 ПСЗ. № 2096

тязаниями, которые возникли по торговле; 2) счета их о куртажных деньгах /вознаграждение за посредничество/ не могут быть опровергаемы, ибо они выписаны из шнуровых книг, а книги и журналы маклеров имеют силу судебного протокола; 3) маклеры получают куртажные деньги по покупке и продаже товаров не тотчас же, а подают счета по окончании года; и 4) куртажные деньги — деньги трудовые, ибо, по словам закона 8 февраля 1821 года, маклеры получают их «за труд»¹²⁶.

Относительно сепаратистов *ex jure crediti* последующее законодательство дает весьма точную их характеристику. «По закладной, — говорит закон 23 декабря 1827 года, — удовлетворить всей должной суммой с заложенного имения, а по простым заемным письмам выплатить из того должникова имения, которое за удовлетворением закладной останется»¹²⁷. Но существенное нововведение сделано законами 12 ноября 1831 года и 15 февраля 1830 года по отношению к имуществам, заложенным в Государственном Коммерческом Банке и Сохранной Казне, — эти залогоприниматели не всегда становятся сепаратистами *ex jure crediti*: конкурсу предоставляется продать заложенное имение с переводом долга на покупателя¹²⁸, но, с другой стороны, не запрещается и выкупать эти имения¹²⁹.

Что касается конкурсной массы, то последующее законодательство расширило круг вещей, исключен-

---

¹²⁶ 2 ПСЗ. № 897

¹²⁷ 2 ПСЗ. № 1643

¹²⁸ 2 ПСЗ. № 4090

¹²⁹ 2 ПСЗ. № 4356

ных из активной массы, сюда отнесены: 1) вклады должника в Заемном Банке¹³⁰, 2) иконы¹³¹ и 3) рукописи, разве бы сам автор, или наследники его, или собственник-книгопродавец изъявили на то свое согласие¹³².

Наконец, относительно *конкурсного производства*: 1) сделано несколько дополнений к правилам об издержках по конкурсу; так, предписывается брать с конкурса апелляционные пошлины¹³³ и вековые деньги за пересылку пакетов и документов¹³⁴; 2) на суд возлагается обязанность сообщить местному почтовому учреждению: в какой суд, а, по учреждении конкурса, куда посылать письма, полученные на имя банкрота¹³⁵; 3) относительно икон, которые «отныне не могут быть продаваемы с аукциона», закон 28 сентября 1827 года постановил: во всяком случае не оставлять их у должника; они с его согласия могут быть переданы кредиторам, а если соглашения не последует, то они должны быть отданы в пользу церкви того прихода, куда принадлежит должник; но из-за этой процедуры закон запрещает затягивать конкурс, — совершение ее может быть поручено тому поверенному, который назначен для окончательной ликвидации массы по прекращении конкурса¹³⁶; 4) по вопросу о производстве продажи имущества должника в последующем законода-

---

¹³⁰ Закон 30 июля 1806 г. ПСЗ. № 32194

¹³¹ Закон 28 сентября 1827 г. 2 ПСЗ. № 1419

¹³² Закон 9 января 1830 г. 2 ПСЗ. № 3411

¹³³ Закон 31 августа 1818 г. ПСЗ. № 27526

¹³⁴ Закон 14 декабря 1826 г. 2 ПСЗ. № 747

¹³⁵ Закон 4 декабря 1826 г. 2 ПСЗ. № 824

¹³⁶ 2 ПСЗ. № 1419

тельстве замечаем крайнюю шаткость, неустойчивость. Сначала указами 23 мая 1804 года, 31 октября 1810 года и 7 февраля 1827 года предписывалось производить продажу имущества банкрота в судебном месте, в присутствии одного со стороны кредиторов куратора¹³⁷; затем, в указе 23 декабря 1827 года совершенно мимоходом, между прочим, предписывается продажу производить самим конкурсам¹³⁸, и, наконец, Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета 7 декабря 1827 года категорически подтверждено последнее правило, причем относительно указов, ранее изданных, заявляется, что они несогласны с постановлениями банкротского устава и никакой силы иметь не могут¹³⁹.

Вот все дополнения и изменения, сделанные до 1832 года в уставе 1800 года.

Глава третья

Устав о несостоятельности торговой 1832 года

Через 32 года по издании устава о банкротах правительство признало необходимым издать новый устав. «Для охранения доброй веры, — читаем в указе, предпосланном уставу, — в делах торговых от подложного или неосторожного упадка признано было в 1800 году нужным постановить правила о несосто-

---

¹³⁷ 2 ПСЗ. № 882

¹³⁸ 2 ПСЗ. № 1643

¹³⁹ 2 ПСЗ. № 2499

тельности, под именем банкротского устава известные. В течение времени открылись в сих правилах разные неудобства и недостатки», в отвращение коих было принято решение издать новый устав. Составление его было возложено на тот же Комитет, которому поручено было составление уставов коммерческих судов и вексельного. Комитет должен был сообразить «законы существующие» с «указаниями опыта». Вместе с тем в Петербурге, Москве, Одессе и Риге были учреждены местные комитеты, на рассмотрение коих и поступил составленный правительственным комитетом проект. Затем проект этот вместе с мнениями местных комитетов перешел на обсуждение Государственного Совета, в состав которого были приглашены «члены от торгового сословия»¹⁴⁰.

Устав 1832 года внес много нового в наш конкурсный процесс, но, в свою очередь, многое из этого нового есть лишь дальнейшее развитие того, что было выработано ранее. В кодификационном отношении он представляется гораздо более совершенным, чем все его предшественники: нет примерных перечислений, нет мотивов, нет правил, имеющих косвенное отношение к конкурсному процессу; в процесс введена большая стройность и определенность, внесены правила, имеющие существенное значение, и т. п. В общем, он продукт всей предшествовавшей вековой кодификационной работы, — многие статьи буквально воспроизведены из устава 1800 года, куда они вошли целиком из «проекта» 1761 года или из устава 1763 года, заимствовавших их из уставов 1740 и 1753 годов.

---

¹⁴⁰ 2 ПСЗ. № 5463

Состоит устав из 138 статей, расположенных в порядке девяти глав. Глава первая озаглавлена «О подсудности несостоятельных» (ст. 1–3), вторая — «О существе торговой несостоятельности и разных родах ее» (ст. 4–13), третья — «Об открытии несостоятельности» (ст. 14–16), четвертая — «О объявлении несостоятельности и первоначальных распоряжениях суда» (ст. 17–38), пятая — «О выборе кураторов и о составлении конкурсного управления» (ст. 39–51), шестая — «Об обязанностях конкурсного управления», эта глава разделена на введение (ст. 52–54) и семь отделений: 1-е — «Управление имуществом» (ст. 55), 2-е — «Разыскание имущества» (ст. 56–81), 3-е — «Разыскание долгов» (ст. 82–96), 4-е — «Оценка имущества и назначение срока продажи» (ст. 97), 5-е — «Составление общего счета и примерный расчет удовлетворения» (ст. 98–105), 6-е — «Мнение конкурсного управления о причинах несостоятельности» (ст. 106), и 7-е — «Определение положения несостоятельного во время производства дела» (ст. 107); глава седьмая — «Об окончательных распоряжениях в общем собрании займодавцев» (ст. 108–129), восьмая — «О мировых сделках, несостоятельными учиненных» (ст. 130–134) и девятая — «О награде за труды присяжному попечителю и кураторам» (ст. 134–138).

Обращаясь к содержанию устава, мы несколько отступим от приема, принятого нами при рассмотрении предшествующих уставов: мы остановимся главным образом на том, что перешло в устав 1832 года из устава 1800 года или дальнейшим образом развито из постановлений, ранее выработанных. В примечаниях мы укажем на последующие

изменения устава 1832 года, насколько они вошли в наш действующий устав (раздел 5 книги 4 Устава торгового, т. XI, ч. 2).

Что касается действия устава: а) по отношению *ко времени*, то устав 1832 года принял принцип «процессуального единства»¹⁴¹. Он распространяет свою силу лишь на конкурсы, имеющие возникнуть в будущем. «Дела же прежние, — гласит указ, предпосланный уставу, — решать по прежним узаконениям». б) Вопрос о действии устава по отношению *к лицам* по форме как будто подвергся изменениям, — между тем, по существу, он разрешается так же, как и законом 14 мая 1832 года. Устав распространяет свою силу на таких лиц «торгового состояния», которые впали в банкротство «по торговле, присвоенной гильдиям и торговым разрядам установленными свидетельствами»; на лиц, «в гильдию не записавшихся», он не распространяется. Выражение «торговое состояние» наводит на мысль, что на банкротов других состояний устав не распространялся, но это опровергается тем, что: 1) закон 14 мая не был отменен уставом 1832 года, а потом целиком и рядом с уставом /1832 года/ вошел в устав торговый; и 2) а *contrario* из того ограничения устава, что сила его не распространяется на лиц, не записавшихся в гильдию, можно заключить, что он распространяется только на лиц «записавшихся», какого бы звания они ни были.

Что касается *понятия несостоятельности*, то устав категорически выразил мысль, что под

---

¹⁴¹ См. мой Учебник гражданского судопроизводства. С. 10. Прим. автора.

несостоятельностью разумеется неоплатность, *Insufficienz*, — мысль, выраженную в прежних уставах весьма робко. Под несостоятельностью устав разумеет «такое положение дел должника, при котором он «не только не имеет наличных денег на удовлетворение в срок своих долгов... но и... можно заключить, что долги его неоплатны, то есть что всего его имущества для полной их уплаты будет недостаточно»¹⁴². Приняв три вида несостоятельности, устав, называя неосторожную несостоятельность простым банкротством, а злостное банкротство — подложной несостоятельностью или злонамеренным банкротством, воздерживается от подробного перечисления условий каждого из этих видов; нет указания на какие-либо обязанности, имеющие прямое или косвенное отношение к банкротству, неисполнение коих влечет за собой признание должника банкротом того или другого рода; только относительно несчастной несостоятельности указываются некоторые примеры (ст. 6). Условием несчастной несостоятельности выставляется отсутствие вины (ст. 5), неосторожной — вина, при отсутствии умысла и подлога (ст. 7), подложной — умысел и подлог (ст. 8). В решении вопроса о «причинах упадка» предоставлено широкое право кредиторам; устав не дает на этот счет никаких юридически обя-

---

¹⁴² Ст. 4. 18 апреля 1849 года издан был закон, подтверждающий этот взгляд, а именно: если должник не признает себя несостоятельным и укажет на имущества, заложенные в кредитные установления, то без объявления его несостоятельным, имущества должны быть проданы с переводом долга на покупателя. 2 ПСЗ. № 23188. Прим. автора.

зательных правил, как это было в прежних уставах, а делает ряд руководственных указаний; так, он как бы советует кредиторам соотносываться «с образом жизни и поведением несостоятельного, с порядком ведения конторских книг его, с издержками, которые он употреблял на прожиток, когда уже дела его приходили в расстройство и т. п.» (ст. 122).

Что касается различия видов несостоятельности *по последствиям*, то: а) относительно несчастной несостоятельности устав, подобно всем предыдущим, предписывает «освобождение должника из-под ареста» и «прекращение по долгам всех требований» (ст. 23 п. 1 и 2); вместо выдачи аттестата и покровительства в назначении в маклеры устав предлагает кредиторам предоставить по окончании конкурса должнику и его семейству известную «часть имущества» (ст. 23, п. 3). б) Неосторожный несостоятельный подвергается задержанию, как и банкрот-дворянин, чиновник или разночинец по уставу 1800 года, но не на пять лет, а на время от одного до двух лет; лишается он и «права торговли»; и то, и другое вполне зависит от усмотрения кредиторов (ст. 124). Устав 1832 года впервые точно определяет имущественные последствия неосторожной несостоятельности, воспроизведя почти буквально правило устава 1740 года о последствиях «безвинного банкротства», имея в виду лишь самого банкрота, а не жену его (ст. 125). в) Последствия злонамеренного банкротства: предание уголовному суду за подлог; устав не следует примеру устава 1800 года и ничего не говорит об имущественных последствиях этого вида банкротства; он говорит лишь, что найденное впоследствии скрытое имущество должника поступает в массу (ст. 126).

Второе предположение конкурсного процесса — *наличность нескольких кредиторов* — находит себе подтверждение лишь в общем смысле постановлений устава.

Третье предположение — *желание кредиторов* — подтверждается теми же соображениями, как и по уставу 1800 года, но институт ассистентов или помощников получил дальнейшее развитие. Институт этот оказался зародышем «администрации» или «управления». Учреждается управление, когда все наличные кредиторы того пожелают и дадут должнику отсрочку или рассрочку, удостоверив это «частной и домашней сделкой» (ст. 10). Но устав далее придает этому управлению другое значение. По уставу 1800 года оно учреждается и при обнаруженной несостоятельности, по уставу же 1832 года, если по рассмотрении дела откроется, что должник «находится в действительной несостоятельности», то управление упраздняется и открывается конкурс (ст. 12). В дополнение к прежним правилам устав 1832 года: 1) не допускает к избранию в члены управления лиц посторонних (ст. 10); 2) запрещает управлению «вступать в новые дела». «Управление, — говорит устав, — объемлет токмо прежние дела должника (ст. 11)¹⁴³.

Четвертым предположением конкурсного процесса устав выставляет сумму долгов несостоятельного, а именно более 5 000 рублей (ст. 4)¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Положение об учреждении администрации издано 18 ноября 1836 года. 2 ПСЗ. № 9715

¹⁴⁴ По закону 13 октября 1842 года — 1 500 рублей. Прим. автора.

Конкурсными судами, по уставу, являются: коммерческие суда, а где их нет, магистраты и ратуши. Основанием подсудности признано место пребывания должника¹⁴⁵. В сфере гражданской юрисдикции за судом устав не признал лишь значения органа посредствующего; функция надзирающая¹⁴⁶ признана в общих чертах: суд может подвергать членов конкурса взысканиям по требованиям кредиторов¹⁴⁷; апелляционная функция за ним признана в том смысле, что на определения конкурса кредиторы могут приносить жалобы суду; срок подачи их 7 дней со времени выдачи копии с определения (ст. 96), что же касается функции органа, санкционирующего определение, то она признается за ним, но не по отношению к конкурсу, а относительно собрания «наличных займодавцев» и общего собрания кредиторов; определения первого собрания о *beneficium competentiae* (ст. 38) и определения второго о свойстве несостоятельности должны быть предварительно утверждены судом (ст. 127, 9). На эти, как и на всякие другие определения суда мо-

---

¹⁴⁵ Ст. 1 Правила о перемещении конкурса в столичные и портовые города изданы 29 июля 1839 г. 2 ПСЗ. № 12485

¹⁴⁶ Закон 2 августа 1832 года определял, что взыскания судом штрафов с кураторов «производятся по сравнению с штатным окладом ратманов городского магистрата». 2 ПСЗ. № 5536. Прим. автора.

¹⁴⁷ Правила об этом изданы тоже 29 июня 1839 года, причем признана широкая власть суда над конкурсом; между прочим, суд подвергает кураторов ответственности, если конкурс не будет окончен в положенный срок; срок этот подобен тому, как по уставу 1768 года, но общий, полуторагодовой. Прим. автора.

жет быть принесена жалоба на общем основании (ст. 128). Уголовная функция признана за судом лишь по отношению к неосторожному банкроту; во всех других случаях банкроты и другие лица за совершенные ими преступные деяния подлежат уголовному суду. Не признает устав за судом и функции административной. Относительно деятельности суда в области общегражданской юрисдикции устав никаких специальных правил не устанавливает, а говорит лишь, что споры о долгах разбираются и решаются установленным для спорных торговых дел порядком (ст. 73); затем, по уставу, не конкурс, как было прежде, а суд на общем основании, уничтожает акты, признанные незаконными (ст. 58, 94).

К числу конкурсных установлений относится и введенный уставом 1832 года институт *присяжных попечителей*. Попечители числом от одного до двух назначаются судом из лиц посторонних, не связанных родством с несостоятельным (ст. 29). Они обязаны: 1) присутствовать при присяге несостоятельного (ст. 31), 2) произвести опись имущества должника (ст. 33), 3) составить «валовой счет состояния должника в долгах и в имуществе» (ст. 35), 4) быть хозяевами массы до открытия конкурса (ст. 36), 5) продать вещи, «тлению подлежащие» (ст. 37), 6) производить допрос банкрота и приказчиков его (ст. 34), 7) донести суду о том, что кредиторы в срок не выбрали кураторов (ст. 42), 8) подавать еженедельный отчет суду (ст. 36), 9) назначить день собрания кредиторов для выбора кураторов (ст. 39), и 10) представить конкурсу отчет при вступлении его в управление (ст. 52). Им запрещается «покупать иски других займодавцев» (ст. 44). Они имеют пра-

во на вознаграждение в размере одного процента с вырученной суммы, если она менее 90 000 рублей, а если больше, то с остальной они получают полпроцента (ст. 135); вознаграждение это они делят между собой поровну (ст. 133). Они подвергаются взысканию со стороны суда по требованию кредиторов «за упущения и вредные для массы распоряжения». Присяжные попечители назначаются лишь по тем конкурсам, которые производятся при коммерческих судах, по конкурсам же, которые производятся при коммерческих судах, по конкурсам же, производящимся при магистратах и ратушах, все обязанности попечителя возлагаются на одного или более членов (ст. 53). Из этого видно, что институт присяжных попечителей выродился под влиянием участия в конкурсном процессе правительственного элемента — из принятого еще уставом 1740 года института назначения члена сначала Коммерц-коллегии, потом магистрата, ратуши или судебного места для ведения конкурсного дела до учреждения конкурса. Институт этот до устава 1832 года не получил широкого развития; деятельность члена до учреждения конкурса ограничивалась описью и опечатанием имущества и сдачей книг и писем банкрота кураторам, устав же 1832 года расширил круг его обязанностей, сделав его «хозяином массы» и только в незначительном сравнительно числе случаев, а именно по конкурсам, производившимся при коммерческих судах (ст. 28), устранил его и заменил попечителями. По конкурсам, производящимся в магистратах и ратушах, незачем было привлекать к участию попечителей, ибо члены этих учреждений сами были представителями государственного установления.

Что касается конкурса, называемого уставом «конкурсным управлением», то, не давая ему определения, устав, подобно двум непосредственно предшествовавшим ему, признает его присутственным местом, первой степенью коммерческого суда, приравнивая его, в деле сношения с другими учреждениями, к судам надзорным и магистратам; он имеет свою печать (ст. 45).

Вопрос об учреждении конкурсного управления поставлен в зависимость не от суммы долгов, а от числа кредиторов; если их менее трех, то обязанности конкурсного управления исполняются судом (ст. 50).

По идее конкурс, конечно, остался тем же. Круг обязанностей его точно определен, он: 1) управляет имуществом, «как доброму хозяину свойственно»; 2) разыскивает имущество и долги несостоятельного, «приводя все его положение в окончательную известность»; 3) производит новую оценку имению; 4) составляет общий счет и предположение о порядке и количестве удовлетворения займодавцев; 5) представляет свое заключение о причинах и свойстве несостоятельности; и 6) определяет положение несостоятельного во время конкурса (ст. 54, 55). Правительственный элемент из конкурса, как и по уставу 1800 года, хотя и совсем исключен, но член суда заменен лицом, избираемым кредиторами, по значению своему близкими к нему, — председателем; он не блюститель главным образом интересов банкрота и должников его, как по уставу 1768 года, но он блюститель порядка и законности, что видно из того, что он «охраняет порядок», под «его надзором» ведется журнал

(ст. 46) и состоит канцелярия (ст. 45). Мы выше видели, что лишь по уставам 1740 и 1753 годов можно предположить, — по крайней мере, нет к тому препятствий, — что член был председателем конкурса, по последующим же уставам этого допустить нельзя, ввиду отсутствия особенного значения его при решении дела. По уставу 1832 года председатель назначает, открывает и закрывает заседание конкурса (ст. 46); при решении дел (по большинству голосов) голос председателя имеет перевес (ст. 47).

Все действия совершаются конкурсным управляющим *in corpore*, — о препоручении отдельных действий членам его или посторонним лицам устав ничего не говорит; сказано лишь, что при конкурсном управлении имеется необходимое число писмоводителей под надзором председателя (ст. 45); нанимались они, вероятно, последним на счет массы.

Кураторы (и председатель), как и по прежним уставам, или избираются кредиторами, или назначаются судом. Число их определяется минимально: не менее двух (ст. 40). Выборы производятся явившимися кредиторами в суде (ст. 40) в день, назначенный попечителем; день этот назначается «немедленно» после того, когда «часть займодавцев, по сумме преимущественная», заявит свои требования (ст. 39). Если выборы не состоятся в две недели, считая с первого собрания, и кураторы не будут избраны, то они назначаются судом (ст. 42). Ни о присяге, ни об утверждении кураторов устав ничего не говорит; последнее, вероятно, требуется, так как устав говорит об «учреждении конкурсного управления», не отождествляя его с «выборами кураторов» (ст. 39). Не выставляет устав также ни-

каких ограничительных условий, которым должны удовлетворять лица, определяемые в кураторы: избираемы могут быть как кредиторы, так и посторонние лица, а назначаемы судом — только первые (ст. 41, 42)¹⁴⁸.

Общему собранию предоставляется право отпустить кураторов и избрать на их место новых на общем основании (отрешение же председателя возможно лишь по суду, причем требование кредиторов для него обязательно) (ст. 116).

Должность куратора для займодавцев *in ius publicum* — изъявление согласия на избрание требуется лишь от лица постороннего (ст. 41); если кредиторам нельзя отказаться от избрания, то, конечно, нельзя отказаться, уже будучи избранным, хотя в уставе этого всеми его предшественниками принятого положения нет¹⁴⁹.

Кураторам полагается вознаграждение всем вообще в размере двух процентов с вырученной суммы (ст. 138)¹⁵⁰.

---

¹⁴⁸ Лишь закон 29 июня 1838 года выставил два условия: не могут быть кураторами: 1) члены коммерческих судов, магистратов и ратуш и 2) такие посторонние лица, поверенные кредиторов и кредиторы, имеющие передаточные документы, которые уже состоят председателями или кураторами в трех конкурсах. Прим. автора.

¹⁴⁹ Пробел этот восполнен законом 20 июня 1839 года: куратор не может быть уволен без представления законных причин и без надлежащего рассмотрения их в судебном месте. Прим. автора.

¹⁵⁰ Закон 29 июня 1839 г. предписывает выдавать кураторам от собрания «похвальные свидетельства», если они кончат дело ранее положенного срока; «они, если пожелают, преимущественно избираются в другие конкурсы. Прим. автора.

О медиаторском суде, разбирающем споры между конкурсом и заинтересованными лицами, устав не содержит никаких правил.

Упраздняется конкурсное управление, как и по уставу 1763 года, лишь исполнением своей задачи и вследствие мировой сделки. Относительно первого устав буквально воспроизвел правило устава 1800 года о передаче обязанностей конкурса особому поверенному. Относительно второго устав говорит, что мировая сделка прекращает конкурс и все его последствия, «так точно, как бы никогда оно и не было» (ст. 134)¹⁵¹.

Что касается собраний кредиторов, то устав, в сущности, различает «наличных займодавцев» от «общих собраний займодавцев». Первые по указанию должника приглашаются повестками явиться в суд. Действуют они совместно с присяжным попечителем при исполнении им своих обязанностей (ст. 31, 33–37); только созыв общего собрания кредиторов для выбора кураторов и заявление суду о том, что кредиторы не выбрали в срок кураторов, делаются попечителем без их участия (ст. 39, 42). Без участия попечителя эти наличные займодавцы: 1) избирают кураторов и председателя (ст. 39); 2) могут просить суд об оставлении должника на свободе (ст. 19) и об освобождении его, если он взят под стражу (ст. 38); и 3) назначают содержание несостоятельному и его семейству (ст. 38). Что касается общих собраний займодавцев, то устав

---

¹⁵¹ По закону 13 октября 1831 года мировая сделка не уничтожает требования, которые не были предъявлены в конкурсе. Прим. автора.

под ними разумеет собрания займодавцев, «признанных конкурсным управлением» (ст. 111). Таких общих собраний устав при нормальном течении процесса допускает лишь одно: для окончательных распоряжений (ст. 108)¹⁵², по окончании конкурсом своего дела (ст. 108). Срок собрания назначается конкурсным управлением по соображению с числом явившихся кредиторов; если сумма требований этого числа составит более 2/3 всех признанных конкурсом долгов, то собрание назначается, не ожидая остальных кредиторов (ст. 109); о назначенном собрании публикуется в газетах по крайней мере за неделю (ст. 110). Собрание само избирает из своей среды председателя (ст. 112). Вопросы, подлежащие его обсуждению, решаются большинством голосов (ст. 114). Так как никаких дальнейших пояснений в уставе не имеется, и нет в нем правил, имеющих в других уставах, то надо думать, что большинство понималось в смысле большего числа явившихся лиц¹⁵³. Определения тут же излагаются письменно и подписываются согласными с ними и присутствующими в собрании кредиторами (ст. 114). Когда конкурс должен прекратиться в силу мировой сделки по инициативе ли должника или кредиторов или управления (устав не указывает), созывается общее собрание; оно может быть созвано, и постановление

---

¹⁵² Закон 25 мая 1842 года возвел в «общее собрание» и собрание наличных кредиторов для выбора кураторов. 2 ПСЗ. № 15683. Прим. автора.

¹⁵³ 25 мая 1842 года издан был закон, по которому большинство исчисляется не по числу лиц, а по количеству долговой суммы. Прим. автора.

его имеет юридическую силу лишь тогда, когда истек самый продолжительный, годовой срок, положенный для заявления требований и долгов (ст. 132, 24, 25). Определение постановляется собранием, большинством — 3/4 голосов (ст. 132)¹⁵⁴.

Переходим к юридическому положению несостоятельного должника. Право продолжать торговлю, видя свою несостоятельность, устав должнику не запрещает; лишается он его: юридически, когда он признан неосторожным банкротом и кредиторы ему этого права не возвратят, фактически — ввиду лишения свободы и отобрания имущества в конкурс. Лишение свободы применяется немедленно по объявлении должника несостоятельным; правило уставов 1768 и 1800 годов об оставлении должника на свободе, если в самом начале процесса обнаружится несчастное его банкротство, — не принято; он остается на свободе лишь при следующих условиях: 1) когда он до предъявления взысканий сам заявил о своей несостоятельности; 2) конечно, когда нет признаков злонамеренного банкротства; 3) когда кредитор того потребует; 4) когда он представит надежное поручительство (как по уставам 1740 и 1753 годов, а не последующим), только в не отлучке его из города (ст. 19). Если он взят под стражу, то может быть освобожден: 1) при последних трех условиях (ст. 38); 2) утвержденным судом определением конкурсного управления о признании его несчастным банкротом (ст. 107); и 3) таковым же определением общего собрания кредиторов (ст. 123). Что ка-

---

¹⁵⁴ По закону 25 мая 1842 года — большинством признанных голосов. Прим. автора.

сается сделок, заключенных должником *in fraudem creditorum* до объявления его несостоятельным, то общее правило об их ничтожности выражено как бы мимоходом, а именно: если конкурс признает, что сделка совершена «в отягощении массы безденежными долгами», то он причисляет ее к долгам второго рода и возвращает акт кредитору с предоставлением ему права доказывать на суде его законность (ст. 91, 94). Следовательно, такой кредитор обращается к суду с иском к конкурсу, а конкурс приводит возражения, направленные к опровержению сделки. По сделке, признанной ничтожной, должник не имеет права произвести платеж, — в противном случае, уплаченное взыскивается и поступает в массу (ст. 126). Специальные правила содержатся в уставе относительно: 1) покупки векселей, 2) уплаты по векселям, безденежному залогу и отчуждению недвижимого имущества и 3) мировых сделок. Относительно векселей устав указывает на период «за десять дней до открытия несостоятельности». В этот период совершенная покупка векселя, за который, однако, валюта еще не получена, считается недействительной, — вексель возвращается хозяину (ст. 80); незаконным считается и произведенный в этот период платеж по векселю, срок коего в день объявления банкротства не наступил, — деньги взыскиваются обратно в массу (ст. 80); в последнем случае платеж считается недействительным, конечно, в виду *animus fraudandi* /*намерения причинить вред*/. Относительно безденежного залога и отчуждения указывается на другой период, именно на десятилетний до открытия банкротства, считая с того времени, как обнаружилось, что долги не-

состоятельного превышают половину его имущества, и когда до самого открытия банкротства дела его уже не поправлялись; устав полагает, что в этот период «имение принадлежит в существе своем не должнику, а кредиторам» (ст. 56). В этих случаях акты залога и отчуждения опровергаются конкурсом, который и должен доказать их незаконность (ст. 58). Другое дело, если отчуждение сделано при тех же условиях в пользу детей и родственников должника¹⁵⁵; в этом случае безденежность предполагается, доказывать ее конкурсу нет надобности (ст. 57). По признании актов ничтожными заложенное имущество становится свободным, отчужденное поступает в массу, — если, однако, оно находится налицо; если же оно уже продано, то и остается у покупателя, а если только заложено, то конкурс может его выкупить (ст. 58). Наконец, относительно мировых сделок устав указывает на период за шесть месяцев до открытия несостоятельности; мировые сделки, заключенные в этом периоде частью займодавцев во вред прочим, признаются ничтожными (ст. 130)¹⁵⁶. Что касается сделок, вообще заключенных уже по открытии банкротства, то устав не принял правил уставов 1768 и 1800 годов о ничтожности их со дня публикации, но это разумеется само собой, ибо с этого момента «налагается запрещение в продаже и залоге» имущества должника (ст. 23).

---

¹⁵⁵ Правила об отчужденных в пользу жены введены законом 17 июля 1846 г. 2 ПСЗ. № 20138

¹⁵⁶ Хотя в уставе и нет правила о праве должника заключать мировую сделку до открытия банкротства, но это явствует а *contrario* из этого правила. Прим. автора.

Только мировые сделки могут быть им заключены. Устав, требуя, чтобы сделки эти были учинены в общем собрании, придает, однако, решающее значение усмотрению суда (ст. 132), который, согласившись с мнением меньшинства, ему объявленным, может и не утвердить сделки (ст. 133).

На все имущество несостоятельного налагается запрещение и арест, — оставляется ему только «одежда и вещи, необходимо нужные» (ст. 38), о съестных припасах устав не упоминает, — и полагается содержание (ст. 38). Затем подробных правил о банкротстве умершего должника устав не содержит; принято им лишь одно правило, имеющееся и в уставе 1763 года, а именно: если наследники, не вступая в наследство по несоразмерности его с долгами, от принятия его отрекутся, то над имуществом умершего учреждается конкурс (ст. 15)¹⁵⁷.

Переходим к вопросу о *кредиторах*. Устав не только допускает представительство их, но и присылку ими своих заявлений с документами, если долг не превышает 2000 рублей (ст. 15)¹⁵⁸. *Конкурсным кредитором* устав считает как личных кредиторов, так и залогопринимателей (ст. 101, п. 4), хотя и условно, о чем будет сказано ниже. О детях прежнего супружества устав уже вовсе не упоминает, но правила об имуществе его детей и малолетних детей взяты

---

¹⁵⁷ Впоследствии законом 23 декабря 1842 года принято и другое правило устава 1763 года, по которому такое же значение придается тому, когда наследники в срок не явятся или кредиторы им не поверят. 2 ПСЗ. № 16369

¹⁵⁸ По закону 31 августа 1840 г. — 600 рублей серебром. 2 ПСЗ. № 13750

из устава 1800 года почти буквально со следующими изменениями: 1) к правилу о том, что имущество совершеннолетних детей, отданное ему, не возвращается, и они становятся конкурсными кредиторами, прибавлено: а) что это имущество должно быть отдано не только из прибыли, но, вообще, по законным и неоспоримым документам; б) касается это лишь детей «неотделенных» (?) и в) в одинаковой мере правило это простирается и на жену (ст. 60); 2) в правиле о том, что не возвращается и имущество малолетних, отданное должнику «для приращення из прибыли», — как о лицах, отдавших ему это имущество, говорится об опекунах и попечителях, а не о родителях и опекунах (ст. 63); 3) то же самое изменение сделано в правиле о возвращении капиталов, «употребленных по делам» (хотя в другом месте устав говорит о родителях, «взявших деньги детей» для употребления по своим делам и торговле (п. 4 ст. 101)), и, кроме того, опекуны и попечители подвергаются уголовной каре за злоупотребление властью (ст. 64). Затем относительно досрочных требований устав выставил то же общее правило, но в более категоричной форме, а именно: «Долги на несостоятельность, коим сроки еще не настали, подлежат взысканию наравне с просроченными», причем вместо правила прежних уставов о вычете процентов с досрочных векселей предписывается вообще делать учет (ст. 20). Далее, устав не принял правила всех предшествовавших ему уставов о преклюзивности прав кредиторов. Сроки предъявления требований имеют лишь значение для определения разряда долга в порядке удовлетворения: если срок пропущен и не восстановлен, то долг причисляется

к четвертому разряду, если срок восстановлен, — то ко второму или третьему, смотря по тому, спорен или беспорен документ (ст. 105). Что касается самих этих сроков, то они подходят близко к срокам устава 1763 года, а именно: двухнедельный — для «находящихся в том же городе»¹⁵⁹, четырехмесячный — для жительствующих в других местах империи, и годовой — для пребывающих за границей (ст. 24, 25). Восстановление пропущенного срока, в противность уставу 1800 года, возможно, если будет доказано, что срок пропущен «по чрезвычайным обстоятельствам» (ст. 105). Сроки эти суть в буквальном смысле сроки заявления требований; от них отличаются сроки предъявления «документов, на коих требования основаны»; эти сроки, назначаются, вероятно, конкурсом (ст. 86). Пропущение их, несмотря на соблюдение срока предъявления требований, имеет значение «исключения иска из счета долгов»; означает ли это, что иск потерян навсегда или не может быть осуществлен в смысле конкурсного притязания, — устав не дает никаких указаний для решения этих вопросов. Что касается удовлетворения кредиторов, то устав, приняв принцип универсальности конкурса (ст. 87), совершенно изменил порядок удовлетворения. Все долги несостоятельного, прежде всего, делятся на три рода: 1) «беспорные,

---

¹⁵⁹ Законом 31 августа 1840 г., изданным с целью «устранить на будущее время разнообразное применение закона», пояснено, что под находящимися в городе следует разуметь не только имеющих в нем постоянное жительство, но и временно в нем пребывающих, если они находились там безотлучно не менее двух недель со дня последней публикации.

основанные на документах, очевидных и неопровержимых» (устав дает совершенно излишнее перечисление в ст. 83); 2) те, коих документы требуют подробнейшего рассмотрения, — куда отнесены векселя, не имеющие или потерявшие силу вексельного права, векселя, относительно коих из книг и дел должника не видно, получена ли валюта, и обязательства, относительно коих есть основательное подозрение, что они составлены были в отягощение массы безденежными долгами (ст. 84); и 3) долги, основанные на недействительных документах, то есть погашенных давностью и составленных с нарушением установленных правил (ст. 85). Документы по последним двум родам долгов возвращаются кредиторам (ст. 94). Долги первого рода в порядке удовлетворения делятся на четыре разряда. К первому разряду причтены: 1) церковные деньги, растроченные должником; 2) долги казенные, по податям, пошлинам и сборам; 3) долги, «на залогах и закладах утвержденных»; 4) долги малолетним детям и опекаемым должника; 5) долги домашним слугам и работникам по неполученному (не за года, как допускали прошлые уставы) за полгода жалованью; жалование, заслуженное ранее, они получают в качестве непривileгированных кредиторов; 6) долги поставщикам съестных припасов за четыре истекшие месяца; 7) долги содержателям гостиниц за квартиру и столовые потребности за полгода; 8) долги каменщикам и рабочим за строительные работы; 9) фрахтовые деньги; 10) долги биржевым маклерам и работникам за год; и 11) издержки на содержание конкурса (ст. 101). Все эти долги удовлетворяются сполна, но при недостаточности имущества сполна удовлетво-

ряется долг церкви, а остальные — по соразмерности (ст. 102). Ко второму разряду причислены бесспорные долги первого разряда, своевременно не заявленные по уважительной причине (ст. 115), долги ремесленников, разве бы они согласились взять (а не в конкурс отдать, как по уставу 1800 года) обратно поставленные ими вещи, и все остальные казенные и частные долги. Эти долги удовлетворяются по соразмерности, причем к последним прилагаются проценты, со дня просрочки до открытия несостоятельности, но при двух условиях: 1) когда обязательство просрочено и 2) когда проценты за последний год не были уплачены (ст. 103). К третьему разряду причислены все долги, обращенные к судебному разбирательству; удовлетворение по этим долгам откладывается до окончательного решения дела в суде (ст. 104)¹⁶⁰.

К четвертому разряду отнесены: 1) долги, своевременно не заявленные без уважительной причины; 2) долги по заемным письмам, кои в установленный срок не были совершены явочным порядком, а по окончании срока в течение трех месяцев не были представлены ко взысканию, или которые в тот же срок не были представлены к платежу; и 3) долги по договорам, в течение года по просрочке не представленные к взысканию (ст. 105)¹⁶¹.

---

¹⁶⁰ По закону 19 октября 1859 г. определен срок обращения иска к суду: три месяца со дня объявления определения. Прим. автора. 2 ПСЗ. № 34974

¹⁶¹ Закон 22 декабря 1858 г. отнес к этому разряду долги по документам, писанным вопреки правилам о гербовом сборе. Прим. автора. 2 ПСЗ. № 33942

Наконец, устав: 1) ставит в положение кредитора первого разряда и кредитора — должника банкрота, ибо он принял правило устава 1800 года о зачете полной суммой (ст. 89), 2) не дает никаких правил касательно поручительства и 3) дает новое правило относительно удовлетворения кредитора по векселю, подписанному или надписанному совокупно несколькими лицами, впавшими потом в несостоятельность; такой кредитор может из одной массы получить то, чего не дополучил, до полного удовлетворения, из другой; ввиду этого, конкурс делает на векселе соответствующую надпись (ст. 90).

Что касается *сепаратистов ex jure crediti*, то устав к ним перечисляет таких залого- и закладоприемателей, которые не удовлетворены конкурсом посредством выкупа заложенной вещи; устав не принял различия, установленного прежними уставам, между случаями, когда заложенная вещь будет стоить больше и когда — меньше, чем за что заложена; он предоставляет конкурсу решить вопрос, выкупать ли вещь или не выкупать (ст. 76); в первом случае кредитор удовлетворяется полностью (ст. 77) — вещь переходит в массу, и в этой роли залогоприематель является, конечно, привилегированным конкурсным кредитором; если же конкурс не признает выкупа выгодным, то имущество не поступает в конкурс, как это было по уставу 1763 года, а продается «установленным для залогов порядком»; если будет выручено больше того, за что вещь заложена, то остаток поступает в массу (ст. 78). Наконец, устав выставил общее положение, что как выкуп, так и продажа производятся совершенно безотноси-

тельно к тому, наступил или не наступил срок обеспеченного обязательства (ст. 76).

К *сепаратистам ex jure domini* устав относит: а) залогодателей, б) поклажедателей, в) собственников вещей, отданных банкроту как фабриканту или ремесленнику для обработки, и г) собственников комиссионного товара. Относительно первых устав только говорит, что заложенная ими несостоятельному вещь возвращается им «по выкупе»; подробные правила об этом, содержащиеся в уставах 1768 и 1800 годов, не вошли в устав 1832 года; относительно вторых или третьих лишь сказано, что им возвращаются их вещи с подлежащим расчетом, а о собственниках комиссионного товара в уставе содержится ряд крайне казуистичных постановлений, по форме иногда напоминающих постановления прежних уставов, но в сущности внесших очень много нового в наш конкурсный процесс. Прежде всего устав различает комиссию в собственном смысле от поручения отправления товаров в место их назначения. Что касается последнего случая, то при несостоятельности экспедитора находящийся у него чужой товар должен быть «безостановочно возвращен» хозяину (ст. 72). Относительно же договора комиссии имеются в уставе подробные постановления. И он, подобно предшественникам своим, различает комиссию покупки от комиссии продажи и, говоря о первой, имеет в виду три случая: а) банкротство комиссионера, б) банкротство комитента-покупателя и в) банкротство продавца. В первом случае наличный товар, хотя бы он был нагружен и отправлен (?), поступает в массу, как и по уставу 1763 года, но при несколько иных условиях, а именно: 1) если коно-

самент еще не послан к комитенту или покупателю, что, с точки зрения устава 1763 года, было безразлично, 2) если деньги продавцу уже уплачены сполна (без рассрочки). Относительно первого условия надо заметить, что при отсутствии его, то есть, когда коносамент уже послан к комитенту-покупателю, товар не безусловно отправляется к нему, а лишь в том случае, когда он, покупатель, уплатил вперед за заказанный банкроту-комиссионеру товар; если же деньги не были уплачены, или были переведены по сомнительной тратте, то от конкурса зависит или взять товар в массу, или, если выгрузка не убыточна, послать коносамент другому лицу, но не для того, чтобы это лицо приняло товар, как новый комитент-покупатель, а для того, чтобы товар был им остановлен до тех пор, пока не устранятся сомнения насчет благонадежности платежа по векселю (ст. 67). Что касается второго условия, то отсутствие его (то есть, когда продавцу деньги сполна не уплачены) влечет за собой возврат товара продавцу как сепаратисту *ex jure domini*, но не безусловно, а лишь в том случае, если банкрот-комиссионер купил товар за 10 дней до банкротства (ст. 66). Второй случай — банкротство комитента-покупателя. Товар, находящийся у банкрота, поступает в массу, но не безусловно, как это было по прежним уставам, а лишь в том случае, когда товар прибыл «прежде несостоятельности», а если он прибыл после того, то возвращается комиссионеру («высылателю»), разве бы он был должен банкроту или получил уже на товар вексель от банкрота (ст. 68). Третий случай — банкротство продавца; товар может быть «отпущен» тому, к кому он «адресован», то есть — комиссионеру, если выгрузка

убыточна, но с тем, чтобы «вырученные деньги были доставлены конкурсу» (ст. 69).

При комиссии продажи устав 1732 года имеет в виду лишь банкротство комиссионера и различает, подобно уставу 1763 года, поступил ли товар в распоряжение комиссионера до или после его несостоятельности: а) в первом случае товар поступает в массу, и комитент-продавец становится конкурсным кредитором; то же самое наступает и тогда, когда комиссионер уже успел продать товар и деньги получил от покупателя; если же комиссионер-банкрот продал товар на срок и: а) не взял на себя «ручательную комиссию (делькредере) и получил от покупателя вексель, который еще находится в его руках, то вексель этот выдается комитенту-продавцу с получением от него «издержек и продажной комиссии», б) если же банкрот-комиссионер взял на себя «ручательную комиссию» (делькредере), то вексель поступает в массу, комитент-продавец становится конкурсным кредитором, а товар отсылается к покупателю (ст. 69). б) Во втором случае, если товар выслан к покупателю по его заказу, он к покупателю пересылается безусловно, а комитент-продавец становится конкурсным кредитором (ст. 70)¹⁶².

Что касается *конкурсной массы*, то в состав ее по уставу, как и по уставам 1740 и 1753 годов, вхо-

---

¹⁶² Устав предписывает еще предавать суду: несостоятельного комиссионера, получившего от комитента-покупателя деньги вперед и продавшего коносамент, и экспедитора, продавшего вверенный ему товар или коносамент (ст. 71, 72). Прим. автора.

дит не только имущество, принадлежащее должнику в момент открытия конкурса, «но и все, что к нему во время конкурса дойдет по праву наследства или по какому-либо другому праву» (ст. 74). Женино и детское имущество в массу не входит, разве бы, как и по уставу 1800 года, жена и неотделенные дети «участвовали в торгах» мужа и отца. Жениным и детским имуществом устав считает: 1) белье и платье, «служащее для их употребления» (ст. 61), 2) имущество, доставшееся: а) жене: по рядным записям от родственников или посторонних лиц, но не от мужа, и все приобретенное на капиталы, дошедшие к ней этими способами, и б) неотделенным детям: по наследству и «по записям» от кого бы то ни было (ст. 59)¹⁶³. Относительно *наличного имущества* устав ввел ряд правил определяющих условия обращения товаров, находящихся у должника, в массу. Правила эти уже изложены выше. К долговому имуществу, поступающему в массу, устав причисляет: 1) долги на других лицах (ст. 73, п. 2); как и по уставу 1800 года, долги эти взыскиваются и с такого должника, который состоит кредитором одного из кредиторов банкрота (ст. 88), и не взыскиваются, а зачитываются, когда должник (хотя бы и по векселю, как по уставу 1768 года) в то же время кредитор банкрота (ст. 69); 2) имущество, причитающееся банкроту по государственным и общественным займам; акции, государственные билеты и т. п., поступают в конкурс по надписям несостоятельного и вообще установ-

---

¹⁶³ Более подробные правила по этому вопросу содержатся в законе 17 июня 1846 г. 2 ПСЗ. № 20138

ленным порядком (ст. 79); за уклонение от учинения подписи должник передается уголовному суду (ст. 80); 3) имущество, причитающееся по двусторонним договорам вообще; 4) исполнение этих договоров поставлено, как и по прежним уставам, в зависимость от того, может ли благодаря исполнению «имущество должника получить какое-либо приращение или предохранно быть от ущерба»; в противном случае договор не исполняется, и противная сторона может стать конкурсным кредитором (ст. 73, п. 3). В частности, относительно договора товарищества устав ограничивается лишь указанием на то, что части должника в компаниях и товариществах прежде всего должны быть выделены, а если выделены быть не могут, то должны быть проданы конкурсом (ст. 73, п. 1).

Обращаемся, наконец, к *конкурскому производству*. Заметим, что устав 1832 года принял общее правило устава 1763 года, что «дела о конкурсе производятся на простой бумаге» (ст. 3). «Причины признавания банкротом» устава 1763 года названы «признаками несостоятельности» и разделены на две категории: по собственному признанию должника и по состоянию имущества. К первой категории отнесены известные прежним уставам заявления о своей несостоятельности перед судом и перед кредиторами и заявления наследника должника перед судом об отречении от наследства, ввиду несоразмерности имения с долгами (ст. 15). Ко второй категории относятся: обнаружившаяся при взыскании недостаточность имущества и побег должника из места своего пребывания, до или после обращения взыскания на его имущество (ст. 16).

По обнаружении этих признаков банкротства кредиторы могут просить суд (единственное учреждение, в этом компетентное (ст. 17)) объявить должника несостоятельным. Суд, рассмотрев эти признаки и призвав на другой день должника, выслушивает его словесные объяснения, и, найдя эти признаки, объявляет должника несостоятельным, и подписывает о том свое определение (ст. 18). На основании этого определения: 1) должник отдается под стражу (ст. 19) и 2) посылается объявление о несостоятельности для троекратной публикации в трех последующих номерах ведомостей обеих столиц и в сенатских объявлениях на русском и немецком языках (ст. 21). Объявление вывешивается на бирже, в Коммерческом Суде, в магистрате или ратуше (ст. 22). В публикации объявляется о том: а) что на все имущество должника налагается запрещение в продаже и залоге (ст. 23) и б) что в положенные сроки кредиторы и должники (сроки одни и те же) должны заявить о своих правах и обязанностях (ст. 24, 25). Затем делается распоряжение: а) о наложении (в тот же или на другой день) ареста через полицию на движимость, находящуюся на месте жительства должника, б) о назначении присяжного попечителя (ст. 28), и в) о вызове в суд через повестки кредиторов, в городе пребывающих, назначив им сроки не далее трех дней по открытии несостоятельности (ст. 27). Когда эти кредиторы явятся и составят «собрание наличных займодавцев», то в их присутствии должник приводится к присяге в том, что откроет все свое состояние; суд его обнадеживает, что если прежде присяги он скрыл что-либо из своего имущества, то настоящим при-

знанием изгладится покушение (ст. 31); если должник заявит, что он дел своих не знает, то к присяге приводят его приказчика (ст. 32). Затем попечитель и наличные кредиторы исполняют вышеизложенные свои обязанности. Когда в упомянутый срок соберутся кредиторы, они избирают председателя и кураторов; об учреждении конкурсного управления и о передаче ему всего дела объявляется в полиции, на бирже, в ведомостях обеих столиц и в сенатских объявлениях (ст. 48). Кредиторы заявляют свои требования конкурсному управлению, где они записываются согласно правилам, целиком взятым из устава 1800 года (ст. 86). По каждому требованию по сличению его в присутствии истцов и их поверенных, с книгами и делами (ст. 91) конкурс постановляет определение и копию его выдает кредитору (ст. 92). Оценив всю активную массу и составив себе точное представление о пассивной массе, конкурсное управление, когда «большое количество долгов обнаружено», приступает к составлению общего счета (ст. 98); счет этот содержит: 1) означение долгов с разделением их на роды; 2) означение имущества массы, как то: а) наличных денежных капиталов, б) имени движимого и недвижимого, которое еще не продано, с показанием приблизительной его цены, и в) долгов, состоящих на других лицах (ст. 99). Затем составляется примерный расчет удовлетворения (ст. 100). Окончив все это, конкурсное управление созывает общее собрание кредиторов (ст. 108) и представляет ему: 1) подробный отчет во всех своих действиях, 2) общий счет имущества и долгов, 3) примерный расчет удовлетворения и 4) заключение свое о причинах несостоятель-

ности (ст. 113). Общее собрание или утверждает, или же отменяет, переменяет, исправляет или дополняет предположения конкурса (ст. 115); собрание :1) назначает срок и порядок продажи остатка непроданного имущества и 2) делает окончательно постановление о долгах и их удовлетворении (ст. 117). Исполнение этих постановлений собрания поручается конкурсному управлению. Последнее расплачивается сначала наличными деньгами, а затем деньгами, вырученными от продажи; такие разделы повторяются, как и по уставу 1800 года, несколько раз, всегда, как накопится сумма до 10 копеек на рубль (ст. 119); когда все надежные долги собраны, назначается на смену конкурсу поверенный (ст. 120), которому дается особая, за подписью кураторов и печатью книга (ст. 121). По окончании конкурса дело о несостоятельности передается для хранения в Коммерческий суд, магистрат или ратушу (ст. 121), туда же поверенный передает данную ему книгу (ст. 129).

Конец

Оглавление

Предисловие	3
От редактора	9

А.Х. Гольмстен

Исторический очерк русского конкурсного процесса

Предисловие	12
-------------------	----

Отдел первый

Конкурсный процесс до XVIII века	15
--	----

Отдел второй

Конкурсный процесс XVIII века	20
-------------------------------------	----

<i>Глава первая.</i> Конкурсы XVIII века	22
--	----

<i>Глава вторая.</i> Суррогаты конкурсного процесса в XVIII веке	29
---	----

<i>Глава третья.</i> Кодификация конкурсного процесса в XVIII веке	35
---	----

I. Устав о банкротах 1740 года	36
--------------------------------------	----

II. Банкротский устав 1753 года	83
---------------------------------------	----

III. Банкротский устав 1763 года и источник его — «Прожект банкротского устава» 1761 года	94
--	----

IV. Банкротский устав 1768 года	181
---------------------------------------	-----

Отдел третий

Конкурсный процесс XIX века	214
<i>Глава первая.</i> Устав о банкротах 1800 года	215
<i>Глава вторая.</i> Законодательство о банкротах с 1800 по 1832 год	245
<i>Глава третья.</i> Устав о несостоятельности торговой 1832 года	254

Гольмстен Адольф Христианович

Исторический очерк русского конкурсного процесса

ООО «Издание книг ком»
info@izdanieknig.com | (499) 110-35-00
www.izdanieknig.com

Ген. директор — Е. А. Панурин
Дизайн, верстка — Е. В. Зеленская
Корректор — Т. А. Осипова

Сдано в набор 21.03.2019.
Подписано в печать 05.04.2019.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Minion Pro».
Объем 9 п.л. Тираж 200 экз.

Изд. № 1922-И. Заказ № 139965.
Отпечатано в «Т8 Издательские технологии».